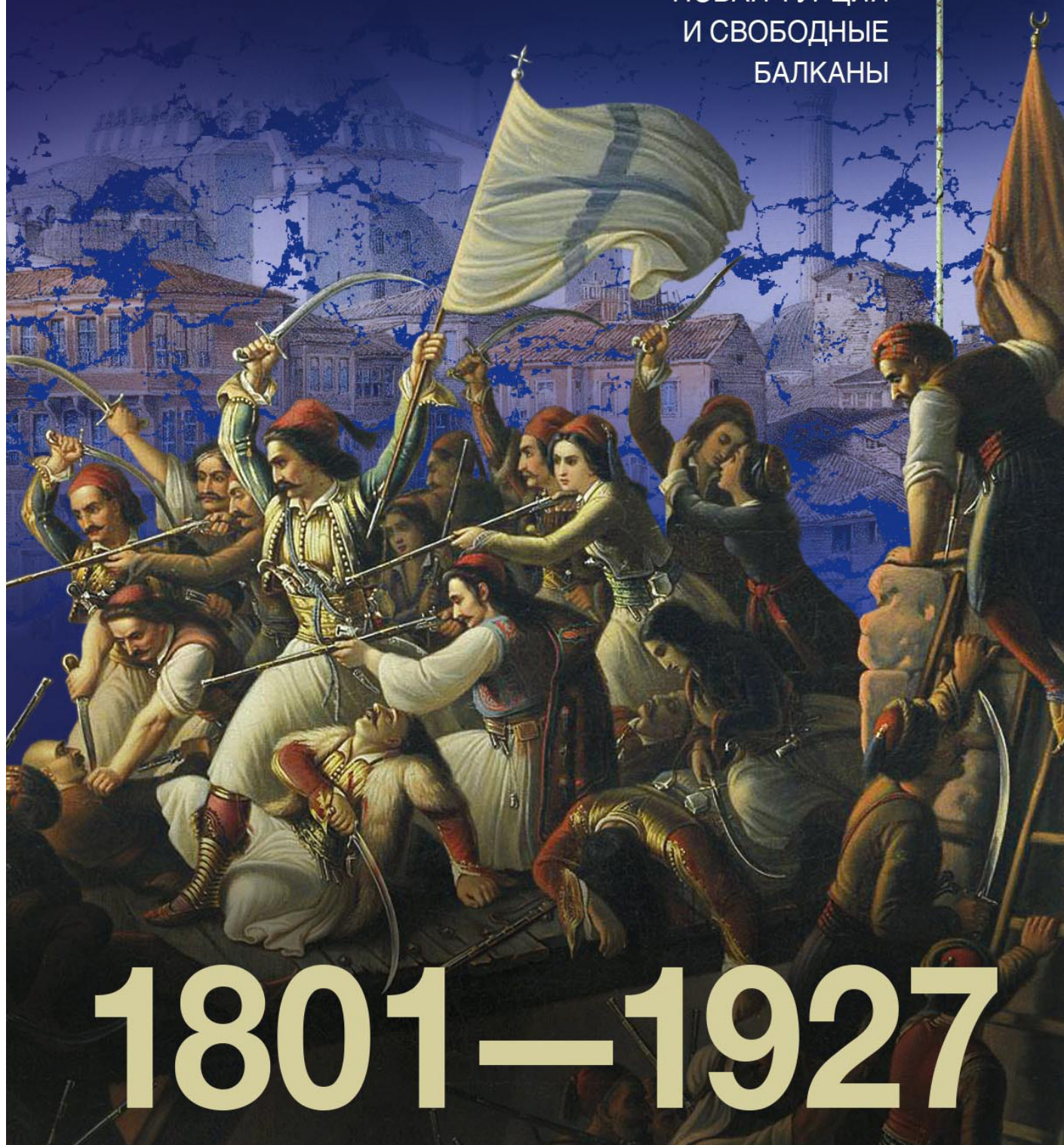

Уильям
Миллер

НА РУИНАХ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

НОВАЯ ТУРЦИЯ
И СВОБОДНЫЕ
БАЛКАНЫ

1801—1927

Уильям Миллер

**На руинах Османской
империи. Новая Турция и
свободные Балканы. 1801–1927**

«Центрполиграф»

1923

УДК 94(560)

ББК 63.3(5)

Миллер У.

На руинах Османской империи. Новая Турция и свободные Балканы. 1801–1927 / У. Миллер — «Центрполиграф», 1923

ISBN 978-5-9524-5464-4

Книга авторитетного английского историка-востоковеда Уильяма Миллера представляет собой исчерпывающее изложение истории последних полутора столетий Османской империи, причин ее падения, а также освободительных движений, охвативших европейские владения Блистательной Порты. Автор детально описывает восстания сербов 1804–1817 гг., войну Греции за независимость, Крымскую кампанию и объединение Дунайских княжеств. Особое внимание историк уделяет освещению Балканского кризиса 1875–1878 гг., который, наряду с приходом к власти младотурок и утратой большей части территорий, привел к разделу Османской империи и провозглашению ряда независимых государств в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(560)

ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-9524-5464-4

© Миллер У., 1923

© Центрполиграф, 1923

Содержание

Глава 1. Османская империя в начале XIX века	6
Глава 2. Наполеон на Ближнем Востоке (в Юго-Восточной Европе) (1801–1815)	22
Глава 3. Сербские восстания (1804–1817)	30
Глава 4. Предисловие к греческой независимости (1815–1821)	36
Глава 5. Война Греции за независимость (1821–1829)	43
Глава 6. Создание Греческого королевства (1829–1833)	62
Глава 7. Балканские и сирийские проблемы Турции (1822–1845)	72
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Уильям Миллер
На руинах Османской империи. Новая
Турция и свободные Балканы. 1801–1927

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2020

* * *

Разве можно сомневаться в том, что греческие христиане, потомки древних жителей этой страны, при первой же возможности не сбросят с себя турецкое иго, под гнетом которого они так долго стонали, и будут правы?

Локк. «О гражданском правительстве»

Глава 1. Османская империя в начале XIX века

Ближневосточный вопрос можно определить как заполнение вакуума, образовавшегося после постепенного ухода из Европы Турецкой империи. Поэтому можно сказать, что вопрос этот возник в тот самый момент, когда эта империя, достигнув своего расцвета, начала клониться к закату. Европейские владения Турции были самыми обширными во второй половине XVII века, когда турки в 1669 году наконец-то овладели «великим греческим островом» Крит, как называли его эллины того времени, а польский король в 1672 году уступил султану Подолию (и почти всю остальную Правобережную Украину). Однако в конце этого столетия мир стал свидетелем сокращения турецких владений. Карловицкий мир 1699 года был справедливо назван «первым расчленением Османской империи». Он стал первым шагом исторического процесса, который с тех пор медленно, но неуклонно развивался. XVIII век стал свидетелем продолжения работы, начатой в Карловцах, хотя порой турецкие доминионы получали временные преимущества, а европейские государственные мужи предвидели дальнейшее откалывание европейских владений султана и строили планы раздела того, что от них останется.

В начале XIX века в Европе осталось лишь четыре великие державы, которые были прямо заинтересованы в решении восточного вопроса, ибо Италия еще не объединилась, Пруссия была страной второго ранга, а Венеция перестала существовать как государство. Из этих четырех – Франции, России, Австрии и Великобритании – первая страна в течение нескольких веков была традиционной союзницей султана. Основателем этого союза стал Франциск I, который, как и многие его предшественники, начинал свое царствование с предложения разделить Турцию. Франко-турецкий союз сделался неизменной политикой его преемников, хотя иногда в стране брали верх антитурецкие настроения. Искренние католики были недовольны тем, что правитель Франции, этой «старшей дочери Церкви», состоит в союзе с неверными турками, однако Франциск I не обращал на это внимания, стремясь использовать Сулеймана Кануни (Законодателя), которого европейцы называли Великолепным, в качестве своего союзника в борьбе с королевским домом Австрии, давним соперником французской монархии.

Мощь и географическое положение Турции, а также ее сильный военно-морской флот и потребности французской торговли в Леванте были столь сильными аргументами, что перевешивали все крестоносные инстинкты хитрого французского короля, так же как в конце XIX – начале XX века все увидели германского императора защитником турецкого дела в интересах немецкой торговли. Французский и османский флоты бомбардировали Ниццу, а Тулон служил базой для морских операций Турции. Благодаря капитуляциям 1535 года, которые стали самым значимым результатом франко-турецкого альянса, Франция получила разрешение вести торговлю во всех портах Османской империи, а суда других стран могли входить в эти порты только в том случае, если на них развеялся французский флаг. Подданные Франции, жившие в Турции, имели право свободно исповедовать свою религию, а таможи святых мест были отданы в руки французских католиков. Генрих II продолжал политику своего отца и заключил с Сулейманом договор, целью которого было получить помощь турецкого флота в борьбе против Австрии.

На какое-то время франко-турецкий союз утратил свой агрессивный характер, но еще в начале XVII века в Стамбуле преобладало французское влияние. Капитуляции были возобновлены в 1604 году; и все страны, за исключением Англии и Венеции, были вынуждены искать защиты и торговать в Леванте под флагом Франции. Но капитуляции 1604 года все-таки отличались от капитуляций 1535 года. Франция теперь имела сильных соперников на Востоке; Англия, Венеция и Голландия пытались утвердить свое влияние в Босфоре, а в 1634 году таможня Святых Мест перешла под власть Греции. Это стало предвестником конфликта, который два столетия спустя привел к Крымской войне. Франция стала отворачиваться от Тур-

ции; один французский священник составил план нового крестового похода, а французский издатель опубликовал брошюру под названием «О верных способах уничтожения Османской империи». В битве при Сен-Готарде в 1664 году французы воевали на стороне австрийцев; во время осады Кандии французский военный корабль доставил помощь Венеции; а память о французском командующем герцоге де Бофоре долго еще была жива в этом городе. Людовик XIV, пытавшийся помочь римскому королю Яну Собескому в 1683 году спасти Вену, был настроен враждебно против турок. Его корабли вошли в Дарданеллы; в 1673 году он получил новые капитуляции и стал защитником восточных католиков.

В XVIII веке прежние дружеские отношения Франции и Турции были восстановлены, и Турция, мощь которой угасала, а угроза со стороны Австрии и России нарастала, была рада получить помощь от Франции. Благодаря стараниям французского посла, который при подписании в 1739 году Белградского мира расстроил планы Австрии, Турция еще в течение трех поколений сохраняла власть над Сербией, а влияние этого посла было так велико, что он стал чем-то вроде «великого христианского визиря». Капитуляции 1740 года, дополнившие капитуляции 1673 года, стали для Франции наградой за ее помощь, а позже стали памятником дипломатического успеха маркиза де Вильнёва.

Французские офицеры, подобно немецким в XIX веке, попытались реформировать турецкую армию, а барон де Тотт и Бонневаль оказали Турции большую помощь. Однако мир, заключенный в 1774 году в Кючук-Кайнарджи¹ (название этого места переводится как «Маленький Фонтан»), уничтожил влияние Франции, которое сменилось влиянием России. Французская революция помешала Франции принять активное участие в восточных делах, хотя, благодаря эмигрантам, бежавшим на Восток, в Турции распространилось знание французского языка и французских обычаев.

Вскоре во владениях Османской империи стало ощущаться влияние Наполеона Бонапарта. «Для нас совершенно бесполезно, – писал он Директории, – пытаться сохранить Турецкую империю; еще в наши дни мы станем свидетелями ее падения». По договору Кампо-Формио в 1797 году Франция сделалась близким соседом Турции после того, как ей отошли венецианские Ионические острова – «более привлекательные для нас, чем вся Италия», как утверждал Бонапарт. В состав французских владений вошли и другие бывшие венецианские владения – в Албании.

Великий французский полководец обратил свое внимание на Грецию, и два эмиссара правительства Греции, братья Стефанополи, члены греческой колонии в Каргезе на острове Корсика, были отправлены с одной из полунаучных, полуполитических миссий. Целью этих миссий было распространение славы Наполеона среди жителей полуострова Пелопоннес. О прославленном генерале создавались легенды. Греческие филологи утверждали, что его имя представляет собой перевод на итальянский язык двух греческих слов – «*кало мерос*», а это значит, что он ведет свое происхождение от императорской семьи, чью славу ему суждено возродить. Греческие историки, вспомнив о том, что греки отсюда более ста лет назад переселились на Корсику, храбро провозгласили его потомком одной из этих спартанских семей. Женщины Майны стали зажигать у портрета Наполеона лампы, «как ранее перед иконой Девы Марии».

Среди греков сделалась очень популярной идея возрождения Восточной Римской (Византийской) империи с помощью Бонапарта; его стали называть спасителем греческого народа. Не удовлетворившись объявлением своими Ионических островов Корфу (Керкира), Пакси, Андипакси и др. (с их континентальными владениями Бутринто и Парга), Итаки (включая острова Айия-Мавра (Лефкас), Кефалония и Итака вместе с Превезой и Вонницей в заливе Арта (Амвракикос) и «Эгейского моря» (непонятный термин, который – на тот момент – вклю-

¹ После поражения Османской империи в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

чал в себя острова Занте (Закинф), Строфадес, Сериго (Китира), а также у побережья Акарнании), французское правительство основало в двух Дунайских княжествах, где преобладало греческое население, два консулата: один – в Бухаресте, а другой – в Яссах. Этим оно возродило идею Екатерины Медичи, которая одно время собиралась переселить сюда гугенотов, чтобы создать здесь французские промышленные предприятия и усилить на Востоке влияние Франции.

После начала Египетского похода Бонапарта султан в конце концов объявил войну Франции, своему традиционному союзнику, и вступил в альянс с Россией, своим традиционным врагом. Россию встревожил успех французской пропаганды среди турецких христиан; она стремилась помешать созданию сильного французского протектората над христианами Турции, ибо он мог сорвать осуществление ее собственных замыслов. Британия, сошедшись с Францией в борьбе не на жизнь, а на смерть, присоединилась к русско-турецкому союзу, в результате чего Франция потеряла свои владения на Востоке; ее торговле здесь тоже пришел конец. Ионические острова были оккупированы в 1799 году русскими (Ушаков) и турками, а французские торговые дома в Леванте обанкротились. Поэтому в начале XIX века Франция уже не имела влияния на Османскую империю. Бонапарт совершил большую ошибку, поменяв знак своей секулярной политики, и заставил Россию, стремившуюся защитить себя, помогать туркам.

Но османские государственные мужи не имели иллюзий касательно конечных целей великой северной державы. Многие поколения русских и турок соперничали между собой, и еще до начала XIX века Россия несколько раз воевала с Турцией, а в XIX веке разразилось еще четыре Русско-турецких войны. По странному стечению обстоятельств, обе нации вступили в свой первый контакт на территории Крыма. Через четверть века после захвата в 1453 году Константинополя Мехмед II Фатих принудил крымских татар стать своими подданными (в 1475 г.), хотя их хан был союзником Москвы. Русские купцы в Кафе и Азове вынуждены были иметь дело с турецкими властями, и их жалобы заставили Россию отправить в 1495 году свое первое посольство турецкому султану. За ним последовали другие посольства, и долгое время отношения между двумя странами были мирными.

Тем не менее набеги крымских татар на русские территории и месть, которой они повергались со стороны русских отрядов, вызывали сильные трения между правительствами Московии (Русского государства) и Турции; наконец, в 1569 году армии двух стран вступили в свой первый военный конфликт. Странно, что западные державы в те годы побуждали русских изгнать турок из Европы, считая Московию (Россию) естественной защитницей восточных христиан; страх перед ней ощущала только Турция. Ни одному западному государственному деятелю тех лет, по-видимому, не приходила в голову мысль, что Россия, вышедшая к берегам Босфора, может создать угрозу для самой Европы. Даже султаны, в то время находившиеся на вершине своей славы, сомневались, стоит ли мстить стране, которая, по их мнению, может оказаться слишком сильной для них.

Впрочем, официальная война (1676–1681) разразилась между этими соперниками только лишь в следующем, XVIII веке, после того как турки захватили Подолию, затем всю Правобережную Украину, а это, несомненно, угрожало интересам России. Результатом этой войны стало расширение русских владений за счет приобретения Киева² и стремление к новым захватам. Уже тогда русский царь позиционировал себя как защитника интересов православной церкви, добившись безопасного проезда русских паломников в Иерусалим. Таким образом, политические и теологические цели сделались неразделимыми, точно так же, как миссионер в других странах шел впереди военных.

Петр I Великий дал мощный импульс для усиления антитурецкой политики России. Захваченный им Азов пришлось через какое-то время вернуть туркам, но Петру I удалось

² Турция признала также присоединение к России Левобережной Украины.

добиться для кораблей русского флота права свободного плавания в Черном море; именно он отправил первый русский военный корабль в Босфор, и, хотя его миссия была мирной, это стало предвестником того, что ожидает Турцию впереди.

Столь же важное значение имели и интриги русских в Дунайских княжествах – Валахии и Молдавии, князья которых состояли с царем в переписке. К тому же русский царь отправил послание грекам, в котором предсказывал скорое возрождение Византийской империи. Война, вспыхнувшая между Россией и Турцией в начале XVIII века и завершившаяся Прутским миром 1711 года (и договором 1713 г.), стала свидетельством возросшей военной мощи Российской империи.

Однако по условиям Прутского договора России пришлось вернуть Турции Азов. Репрессии против русского посольства в Константинополе были через несколько лет отменены; нормальная работа русского посольства была восстановлена. Следует отметить, что в этом случае влияние Англии было впервые использовано против России. После создания русского военно-морского флота в Черном море английская Левантская компания, которая в начале XVIII века держала в своих руках всю торговлю с Ближним Востоком, была встревожена тем, что русские купцы начали составлять ей конкуренцию. Английский посол в Константинополе по этой же причине выступал против возвращения своего русского коллеги, он же рассказал правительству Порты (Османской империи), какую опасность представляет политическая и религиозная пропаганда русских агентов среди христианских подданных султана. Вернув в Константинополь (Стамбул) свое посольство, Россия, с характерным для нее упорством, стала бороться за возвращение утерянного Азова. Несмотря на усилия Англии и Голландии, объединившихся для того, чтобы не допускать дальнейшего расширения русской торговли на Востоке, Россия в 1735 году снова объявила войну султану и во второй раз оккупировала Молдавию³. По условиям Белградского мира Россия вернула себе Азов, но только при условии, что укрепления этой крепости будут разрушены, ни один русский военный корабль не войдет в Азовское или Черное море и что вся российская черноморская торговля будет вестись турками. После этого в восточном вопросе наступил период спокойствия, ибо великие державы были заняты в других местах.

С воцарением Екатерины II планы Петра I получили новое рождение. Россия послала своих агентов для возбуждения греков и черноморцев; в 1768 году вспыхнула война, и русский флот, в котором на службе было немало англичан, был отправлен к Пелопоннесу. Он подчинил себе восемнадцать островов и даже какое-то время угрожал самому Стамбулу. Но самым большим достижением этой войны стал завершивший ее договор. Никому не известная до этого болгарская деревушка (отошедшая к Румынии в 1913 г.) Кючук-Кайнарджи, где был подписан мир, дала свое имя одному из самых выдающихся актов турецкой глупости⁴. Турки лишились многих своих территорий, а Россия приобрела земли между Южным Бугом и Днепром, Кинбурн, Керчь и Еникале, благодаря чему стала господствовать в Черном море, в котором теперь могли беспрепятственно ходить ее корабли, а ее опека над Крымским ханством естественным образом предварила вхождение его в состав Российской империи, случившееся девять лет спустя в 1783 году. Но поистине фатальным последствием этого договора стало получение Россией права выступать от имени греческой церкви в Турции и «говорить в защиту Румынских княжеств», что создало предлог для постоянного вмешательства России во внутренние дела османских доминионов. Айналы-Кавакская (Константинопольская) конвенция, заключенная в 1779 году, подтвердила условия предыдущего договора и требовала, чтобы дань, которую оба Дунайских княжества должны были платить Порте, «накладывалась в разумных пределах

³ Помимо Молдавии, сражения велись в Крыму и на подступах к нему, были взяты Очаков и Кинбурн (но оставлен из-за эпидемии чумы).

⁴ У Турции не было выхода – ее флот был уничтожен, армии разбиты. Условия мира могли быть гораздо более суровыми, если бы не разразившееся в России Пугачевское восстание (1773–1775).

и с человечностью». Это условие, однако, не помешало русскому послу в Константинополе требовать от турецкого правительства предоставления убедительных доказательств того, кто кандидаты на троны этих княжеств обладают всеми необходимыми для управления достоинствами. Против воли турок в Бухаресте было создано русское консульство, которое стало центром интриг; вскоре прусский консул стал жаловаться, что этих агентов «ставят повсюду, безо всякой необходимости, вероятно, для того, чтобы завоевать [симпатии] местных жителей». Россия и вправду заменила Францию в роли оракула Порты и научила восточных христиан искать у русских защиты от своего суверена. Великого князя Константина воспитывали как будущего императора новой греческой империи; и Екатерина II, его бабка, получила от греческой делегации специальную памятную записку. По Ясскому миру 1791/92 года, которым завершилась следующая война (1787–1791) русских с турками, Россия, несмотря на угрозы со стороны Англии и Пруссии, перенесла свои границы от Южного Буга к Днестру. Эта война стала последним военным столкновением двух соперниц в XVIII веке; и, как мы уже видели, конец этого периода ознаменовался их временным союзом, который был создан для того, чтобы разрушить амбициозные планы Бонапарта на Востоке.

Австрия, позднее превратившаяся в главную соперницу России на Балканском полуострове, была втянута в войну с наступающими армиями турок еще в XV веке. В это время османы начали тревожить Венгрию, которая в тот период была авангардом христианства в борьбе с мусульманами. Спустя столетие они захватили Буду (в 1526 г.) и Пешт (в 1541 г.), которые более полутора веков входили, вместе с большей частью Венгрии, в состав турецкой Османской империи. Однако в конце XVII века османские войска вынуждены были покинуть Венгрию. После разгрома турок под Веной в 1683 году и освобождения в 1686 году Буды и Пешта (стали единым городом в 1872 г.) Австрия часто посылала свои войска в Боснию, на которую венгерские короли имели давние наследственные права. В то же время австрийская армия овладела Видином в Болгарии и Нишем в Сербии, вторглась в Македонию и дошла до самого Ускюба (до 1392 г. и с 1912 г. Скопье), который Стефан Душан сделал столицей средневековой Сербской империи. Принц Евгений Савойский совершил в 1697 году свой знаменитый поход в Сараево (куда за два века до этого пришла оккупационная турецкая армия). «Еще одна такая война, – заявил один турецкий государственный деятель, узнав о вторжении в Македонию, – и австрийцы будут у стен Стамбула».

Однако поход принца Евгения Савойского не дал желаемых результатов, и Ускюб стал последним городом на пути к Салоникам, который австрийцам удалось взять. Продвинувшись дальше они уже не смогли. Тем не менее, по условиям Карловицкого мира 1699 года, турки оставили Венгрию (кроме Баната с городом Темешвар (совр. Тимишоара в Румынии), из которого османы ушли лишь девятнадцать лет спустя в 1718 г.) и отдали Австрии Трансильванию. После этого отношение этой державы к Турции кардинально переменялось. Раньше Австрия считала турок агрессивным народом, которому надо давать отпор; теперь они стали для нее слабым врагом, которого необходимо атаковать, или укреплением, которое следует усиливать, чтобы, в случае необходимости, сдержать наступление русских, которых Австрия считала своими соперниками на Востоке. И этот соперник был очень опасен, поскольку у Австрии было много славянских подданных, которые могли стать жертвами русской религиозной и национальной пропаганды.

XVIII век дал примеры для всех этих точек зрения. Порой австрийское правительство испытывало желание захватить побольше турецких земель; тогда оно обращалось к России за помощью, невзирая на риск ее усиления. Так произошло во время войны 1735–1739 годов, когда австрийские и русские армии совместно выступили против турок; при составлении проекта раздела Турции между Екатериной II и Иосифом II, согласно которому Российская империя получала бы Крым, а Босния и Герцеговина доставались Австрии; и во время войны 1787–1791 годов, когда обе империи снова сделались союзниками, а турки – их общим врагом.

Интересно, однако, отметить, что, когда Австрия придерживалась этой политики, ей удавалось достичь меньшего, чем когда она воевала с Турцией в одиночку. Если после австро-турецкой войны 1716–1718 годов, которая завершилась Пожаревацким миром, Австрия получила часть Сербии, Северную Боснию и Малую Валахию, а также Банат, то ее помощь России в войне 1735–1739 годов стоила ей всех приобретений к югу от Дуная, а также Малой Валахии⁵, а союз 1787–1791 годов не принес ничего, кроме города Оршова и двух небольших территорий на границе с Хорватией.

Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов, которая завершилась подписанием Кючук-Кайнарджийского мира, Австрия предложила Турции заключить тайный союз, стоило ей только увидеть, что русские стали одерживать слишком много побед. Австрии отошла Буковина⁶. В тот период австрийский дипломат Тугут верил, что падение Турции не за горами. Он хотел добиться того, чтобы австрийской долей добычи стали два Дунайских княжества. Туда был отправлен австрийский консул, которому было велено сорвать все планы своего русского коллеги. Но Французская революция и смерть Иосифа II, случившаяся очень вовремя, как это часто бывает в истории, спасли жизнь «больного человека» (так называли в XVIII в. и позже Турцию) и отвлекли внимание австрийского правительства от Востока, ибо оно обратило свой взор на Запад.

Однако XVIII век сделал многое, чтобы сформировать политику австрийского правительства на Балканском полуострове.

Австрийская оккупация Малой Валахии, значительную часть которой составляли земли, входящие сейчас в состав Сербии, а также небольшого куса Северной Боснии продолжалась 21 год, с 1718 по 1739 год. За это время здесь сформировалось движение, которое возобновилось в наше время. Политика Австрии сделалась тогда очень важным фактором «восточного вопроса» и взяла на себя тот долг, хотя и временно, для которого, вероятно, и выбрала ее судьба. Влияние этих двадцати лет на европейские народы, которые по условиям Белградского договора 1739 года вернулись под власть Турции, сохранилось на долгие годы. Среди румынской Малой Валахии австрийская власть была очень непопулярна, ибо австрийские чиновники требовали регулярной уплаты налогов, зато сербы, жившие в Турции, с тех пор стали считать Австрию единственной державой, которая, при существовавших в ту пору условиях, могла сделать их свободными. После падения сербской независимости в XV веке многие потомки сербов переселились в Венгрию; а два сербских патриарха из города Ипек⁷, за которыми устремились тысячи сербов, последовали их примеру и переселились в Венгрию. Венгерские сербы были самыми лучшими солдатами принца Евгения Савойского, а когда начиналась очередная австро-турецкая война, их братья в Сербии брали в руки оружие и шли в австрийскую армию. Один сербский поэт назвал Иосифа II «защитником сербского народа», а сербские лидеры горько упрекали его преемника за то, что он в 1791 году заключил с Турцией мир. Не удивит нас и то, что они вскоре в этом раскаялись.

Впервые после турецкого завоевания Сербия продемонстрировала признаки материального прогресса во время двух десятилетий австрийской оккупации. Сербы, естественно, надеялись, что австрийские власти на этот раз не уйдут за Дунай и Саву. Ничего не зная о западной политике, они не могли понять, почему страна, которая сумела овладеть Белградом и войти в Боснию, заключила мир с врагом на очень скромных условиях. Однако последняя декада века дала Австрии возможность приобрести еще один плацдарм на Ближнем Востоке. В тот же самый год, когда с Пелопоннеса ушла Венеция, Австрия впервые появилась на Балканах.

⁵ Австрия была вынуждена заключить сепаратный договор и пойти на уступки из-за начинавшейся Войны за австрийское наследство (1740–1748).

⁶ Буковина была оставлена русскими войсками после заключения Кючук-Кайнарджийского мира.

⁷ Ныне Печ на западе Косова.

Когда погибла Венецианская республика Святого Марка, ее наследство на Адриатике перешло к Габсбургам. По условиям мирного договора в Кампо-Формио, заключенного в 1797 году, по которому владения Венеции в Далмации отходили (частично) к Австрии, эта сильная держава сменила угасающую Венецианскую в качестве соседки Турции и Черногории. Так Австрия продемонстрировала встревоженному султану, что страна, которая оккупировала Иллирийское побережье, когда-нибудь, вероятно, займет всю территорию Боснии.

Англия, в отличие от России и Австрии, не была соседкой Турции, но, еще до создания Индийской империи, имела свои интересы на Востоке благодаря обширной торговле с Левантом. Еще в самом начале XVI века один левантиец стал английским консулом в Хиосе, а в 1520 году первый английский консул был назначен на остров Крит. Королева Елизавета добилась для своих подданных права свободно торговать в турецких доминионах. До этого они вели торговлю с Ближним Востоком в «аргизиях» республики Рагуза (Дубровник), которая в то время была самым крупным торговым сообществом на Балканском полуострове. Говорят, что после того, как Англия стала перевозить свои товары в Левант на своих собственных торговых судах, произошла небольшая ссора по вопросу о том, в какой валюте надо оплачивать пошлину; но, как бы там ни было, интерес Англии к Турции был преимущественно коммерческий. До начала XIX века влияние Англии в этой части света было заметно лишь благодаря «компаниям левантских купцов», которая получила от Елизаветы патент в 1581 году. На следующий год первое судно этой компании отправилось в Константинополь, и на нем прибыл в Турцию первый английский посол. Как и все его преемники на этом посту, он до самого 1803 года назначался и получал плату не от английского правительства, а от компании; его главной задачей было способствовать развитию торговли. Одновременно ему было поручено добиться поддержки султана в борьбе с «идолопоклонниками» испанцами, ибо к берегам Англии вот-вот должна была направиться Испанская армада. Эта смесь коммерции, политики и религии была характерной чертой английского искусства управления, и посол не имел права игнорировать ни одной части своих инструкций. Прибыв в Стамбул (Константинополь), он тут же начал назначать консулов в разные места страны; он сам и сменивший его Эдуард Бартон использовали бесхитростные теологические аргументы, чтобы настроить советников султана против Испании. Турки признали, что между их религией и религией гяуров нет большой разницы, ибо английские гяуры убрали из своих церквей иконы и статуи. Однако Испания была сильна; она владела сокровищами Нового Света, и турки не прислали Англии никакой помощи, хотя султан так полюбил Бартона, что взял его с собой на войну с Венгрией.

Яков I подтвердил монополию компании; несмотря на высокомерие, с каким турки в середине XVII века относились к христианам, английские корабли посещали Грецию; а один мусульманин как-то заметил, что англичане «всегда держат свое слово, даже если это угрожает им гибелью». Английский посол получил от австрийцев деньги, чтобы подкупить главного представителя Турции при заключении Карловицкого мира, а представитель Англии, при заключении мира в Пожареваце, добился, чтобы турецкой провинции Герцеговина были переданы два небольших острова в море. Эти анклавные территории, Клек и Саторина, сыграли очень важную роль в восстании 1875–1876 годов и до 1908 года оставались диковиной политической географии.

В XVIII веке, когда на передний план как возможный преемник турок в Европе вышла Россия, британские государственные мужи, как правило, не испытывали страха перед усилением «московитов». Один раз, как мы уже видели, британцы попытались помочь русским и туркам заключить мир, поскольку это отвечало интересам их собственной торговли. В 1719 году Стэнхоуп хотел «оттеснить московитов как можно дальше», но в середине XVIII века самым сильным торговым соперником в Леванте стала Франция, где английская компания лишилась всех своих преимуществ из-за того, что энергичную поддержку Турции оказал маркиз де Вильнёв. В ту пору Франция, а не Россия угрожала Индии, а появление российского

флота в Черном море рассматривалось английскими купцами как помощь, ибо благодаря ей они смогли бы открыть для себя новый рынок. Мы видели, что в русском флоте, который чуть было не взял Стамбул (Константинополь), а в 1770 году уничтожил турецкий флот в Чесменском бою, было немало английских моряков, а турецкое правительство просило Англию объяснить, какова на самом деле цель ее политики. Накануне подписания фатального (для Турции, но не для России. – *Примеч. пер.*) Кючук-Кайнарджийского мирного договора лорд Чатам писал, что он «вполне русский», но посол Англии в Константинополе был совсем другого мнения. Еще в 1786 году Мирабо допускал, что русские попытаются захватить Индию. В 1791 году премьер-министр Англии Питт, в случае если бы его поддержала вся страна, собирался объявить России войну ради сохранения баланса сил; Фокс с энтузиазмом поддерживал Россию, а Питт считал, что лучше иметь своим союзником Турцию. Тем не менее, благодаря комбинации этих направлений политики, XVIII век завершился тройственным союзом Англии, России и Турции, направленным против Франции, которая вторглась в Египет.

Поскольку в начале XX века в турецких делах преобладало влияние Германии, стоит сказать несколько слов и о восточной политике Пруссии, которую она проводила в тот период, который мы только что описали. Великий курфюрст Бранденбурга хотел использовать Дунайские княжества в своей борьбе с Польшей; правитель одного из них, после того как его свергли турки, попытался получить помощь у Бранденбурга⁸. Фридрих II Великий понимал, что экспансия России на Восток не принесет ему никакого вреда – ибо там у него почти не было своих интересов, – зато поможет нейтрализовать его соперницу Австрию. Его представитель в Стамбуле (Константинополе) время от времени выступал в защиту правителя Молдавии. В эту страну был назначен прусский консул, частично потому, что он не просил, чтобы его работу оплачивали. Фридрих II считал Турцию полезным средством отвлечения внимания Австрии, что способствовало бы успеху его завоевательных планов. Фридрих-Вильгельм II заключил Тройственный союз с Англией и Голландией, противопоставив его австро-русскому альянсу против Турции, который просуществовал с 1787 по 1791 год. Но в то время вся германская торговля находилась в руках Австрии, а не Пруссии, и территориальные притязания Пруссии не касались Османской империи; самое большее, что она могла сделать, это потребовать компенсацию за приобретение других владений на Востоке.

Таким образом, в начале XIX века прямое или косвенное отношение к восточному вопросу имели четыре великие державы: Франция была главной защитницей султана, а также католиков в Леванте; Россия мечтала о создании новой Восточной Римской (Византийской) империи, о чем мы уже говорили; она уже начала свои попытки привлечь православных христиан в турецких владениях на свою сторону; Австрия колебалась между страхом перед Россией и желанием завладеть территорией Турции; а Великобритания в целом благоприятно относилась к идее укрепления дружбы с Россией. Все эти страны придерживались общего мнения, что, рано или поздно, Османская Турецкая империя лишится своих владений в Европе.

Тем не менее в начале XIX века турецкий султан владел в Европе обширными территориями. Ему принадлежал весь остров Крит с его тогдашней столицей, городом Кандия; и даже воинственные сфакиоты (на юго-западе Крита), добившиеся определенной независимости, были вынуждены платить ему «харач» (поголовный налог), введенный в 1770 году. Остальная часть современной Греции также была турецкой, за исключением Ионических островов. Эти острова, являясь республикой, находились под совместным протекторатом русского царя и турецкого султана. Все бывшие владения этих островов на материке, за исключением Парги,

⁸ Курфюршество Бранденбург (в состав которого в 1657 г. окончательно вошло герцогство Пруссия) в 1701 г. стало королевством Пруссия, когда император Священной Римской империи Франц в благодарность за помощь Австрии солдатами даровал курфюрсту Фридриху III (1688–1718) титул короля.

были турецкими, ибо их захватил Али-паша Янинский, а потом формально передал Турции, выполняя условия конвенции, заключенной в 1800 году с Россией.

То, что называется теперь Европейской Турцией, было в ту пору частью Османской империи, а современные Болгария, Сербия, Албания, Босния и Герцеговина, а также более половины Черногории напрямую подчинялись султану. За Дунаем два княжества – Валахия и Молдавия, включавшая в себя Бессарабию и простиравшаяся до самого Днестра, являлись государствами, которые платили дань (султану), но управлялись греческими правителями, избранными Портой из членов богатых семей фанариотов, живших в Стамбуле. Площадь турецких владений в Европе в 1801 году составляла более 600 тысяч квадратных километров: здесь проживало 8 миллионов человек. Их площадь в начале XIX века составляла 27 596 квадратных километров, а население 2 миллиона человек⁹, которые в основном жили в Стамбуле. Таков результат консолидации, как называл ее лорд Биконсфилд, занявшей больше столетия.

Основным оплотом Турции были ее азиатские владения; из Азии турки пришли и туда же однажды вернуться. Их потери здесь были поэтому гораздо меньше, чем в Европе. В начале XIX века азиатские границы Турецкой империи были сильнее вытянуты вдоль побережья Черного моря, чем сейчас. В Африке Триполи и Киренаика в 1911 году были «помещены под итальянский суверенитет». Египет в XIX веке попал под власть независимого суверена и перестал быть доминионом Турции, Триполи, где Ахмет Караманли добился виртуальной независимости в 1714 году, превратились в номинальную провинцию, платящую дань, а на самом деле стали «царством пиратов», главой которого в ту пору был печально знаменитый Юсуф-паша. Тунис, находившийся под властью бея, и Алжир, управляемый выборными деями, теоретически были подданными султана. Впрочем, местные вожди редко признают такое подданство – разве только тогда, когда какая-нибудь морская держава угрожает покончить с пиратством варварских государств.

Европейские владения Турции на тот период были разделены на пять губернаторств, которые делились на провинции, а те, в свою очередь, на районы. Кроме этих губернаторств, существовали еще два Дунайских княжества, которые, к несчастью для них, обладали квазинезависимостью. Это было хуже, чем прямое правление султана. Пять европейских губернаторств назывались: Румелия, Босния (включавшая в себя болгарский Видин), Силистрия (включая Белград), Дьезаир (включая Пелопоннес и многие греческие острова) и Крит. Губернатор Румелии, которого по-турецки называли бейлербеем или «беком всех беков», во время войны возглавлял всю турецкую армию в ее европейских владениях.

Пять европейских губернаторств делились на девять пашалыков: Румелия, Белград, Босния, Скутари, Янина, Негропонт, Морья, Кандия и Архипелаг. Подданные султана в европейской части империи принадлежали к разным народам: это были турки, греки, болгары, сербы, албанцы и румыны. Всем им жилось очень тяжело, хотя мусульманам было гораздо легче, чем христианам. Первые имели возможность достучаться до султана; их интересы в провинциях защищали небольшие группы местных дворян, которые помогали губернатору выполнять свои обязанности. Но и сто лет назад судьба провинциалов была такой тяжелой, что вызывала сочувствие даже у тех, кто назвал себя сторонником турок. Когда читаешь, как страдали простые жители турецкой Османской империи, то на ум приходят мрачные описания притеснений, которые приводят римские сатирики в своих произведениях. И дело было не в том, что фиксированные налоги в империи были очень высоки, а в том, что вся система управления, какой бы прекрасной она ни была в теории, на практике полностью прогнила. В Блистательной Порте царил коррупция, купить можно было все. Паша, назначенный губернатором провинции на год, вынужден был платить большую сумму за свое назначение; все эти деньги он потом выбивал из жителей провинции. Когда срок его пребывания у власти подходил к концу, он, желая

⁹ С учетом присоединенной в 1939 г. области Хатай – редактор добавил к цифре, приведенной автором.

сохранить свой пост, снова начинал давать взятки чиновникам Стамбула (Константинополя), за это тоже расплачивались несчастные жители провинции.

Эта система была плоха, если паша был человеком богатым и имел свой собственный капитал, но гораздо хуже, если он был беден, как это обычно и случалось, и ему приходилось занимать деньги у какого-нибудь греческого или армянского ростовщика под огромные проценты. Ростовщик получал свою долю дани, которую платила провинция. Судьи, назначавшиеся, как и губернаторы, Стамбулом, безо всякого стыда брали взятки, а офицеры, исполнявшие их приговоры, отличались еще большей жадностью. Власти любили вводить временные налоги для местных нужд, которые потом неизменно превращались в постоянные. Было подсчитано, что около половины продукции каждого предпринимателя доставалось правительству провинций; а если учесть, какую нужду в деньгах испытывали губернаторы, то не приходится удивляться, что налоги забирали у людей большую часть их доходов. Постоянные разъезды паши, подарки администрации, которые были привычным явлением в Турции, необходимость по самому мельчайшему поводу посылать гонцов, ибо почтовой службы не существовало, а также роскошь и содержание дворцов, в которых жили крупные чиновники, – все это требовало огромных расходов. Жизнь в империи была небезопасной, ибо повсюду бродили шайки разбойников, а это мешало развитию промышленности; люди боялись вкладывать деньги в дело, опасаясь, что они пропадут; дороги находились в ужасном состоянии, а ведь когда-то английские путешественники рассказывали, что они гораздо лучше, чем в Англии, – все это мешало развивать торговлю и промышленность.

Селим III, который в то время сидел на троне Турции, был султаном-реформатором; он хотел вывести империю из состояния упадка и использовал в качестве образца западные страны. На какое-то время ему удалось очистить Болгарию и Македонию от грабителей, а Эгейское море – от пиратов. Он отремонтировал разрушенные крепости и поручил французским кораблестроителям построить для Турции военные корабли. Но, как и большинство аристократов, он был бессилён изменить одним росчерком пера всю прогнившую систему управления. Албания и Эпир, всегда бывшие самыми опасными районами европейской части Турции, находились в таком состоянии, что ни один турок не осмеливался здесь появиться, поскольку всех путешественников жители этого горного региона безжалостно убивали. Во многих районах империи наследственные тираны, которых называли деребеями («господами долин»), терроризировали своих менее кровожадных соседей. То там, то здесь великие паши, вроде Али-паши из Янины и Османа Пазван-оглу (Пазвантоглу) из Видина, воевали за свои земли и вели себя как полунезависимые суверены. Об «Янинском Льве» читатель узнал из произведений лорда Байрона и прозы Йокая, который, как предтеча греческой революции, удостоился занять свое место в современной истории Востока. Али-паша был выходцем из албанской мусульманской семьи правителя города Тепелена, которая когда-то исповедовала христианство. Его отец, во время осады Корфу в 1718 году, обратился в ислам. Став в 1718 году пашой Янины, он прославился своей жестокостью, талантом и тщеславием; греческие поэты писали стихи о том, как он бросил в озеро прекрасную женщину и отомстил за обиды, причиненные его семье, безжалостным уничтожением христианского и мусульманского поселений. Один британский путешественник охарактеризовал его нрав как «смесь злобы и величия». Осман Пазван-оглу, почти забытый сейчас, в свое время не уступал по значимости Алипаше. С фанатизмом истинного боснийского мусульманина он боролся против реформ своего суверена, утверждая, что является его единственным настоящим другом. Возглавляя гарнизон «неприступной крепости» Видин, он продемонстрировал свою лояльность, разгромив армии султана и обобрав до нитки своих подданных. Он создал свою личную армию, вводил свои собственные налоги, чеканил деньги и послал своих представителей в Париж, чтобы от своего имени вести переговоры с французским правительством. Его двор посещал британский консул; имя Османа Пазван-оглу внушало такой ужас, что, когда его войска подошли к Бухаресту, оттуда бежали

все жители. Как бы ни страдали от его притеснений румыны и болгары, содержание армии, которая смогла бы ему противостоять, стало еще большим бременем для крестьян Валахии. Именно для этого валахский князь (господарь) Хангерли конфисковал у своего народа практически весь скот, оставив его во время зимы без средств к существованию¹⁰. Это называли одним из четырех бедствий жестоко угнетаемого княжества.

Болгары, в свою очередь, подверглись обычной напасти, которая обрушивалась на страну, через которую проходила турецкая армия. Говорили, что в Южной Болгарии почти не осталось населения, а в столице Сирии тогда на улицах лежали груды трупов и обгорелых бревен, из которых когда-то были сложены дома. Ко всем этим бедам присоединилась чума, которая свирепствовала в большинстве турецких городов; империя была опустошена, хотя ее европейские владения пострадали меньше, чем азиатские.

Причиной больших зол в империи султана было разделение его подданных на два резко отличающихся друг от друга класса: мусульман и людей другой веры. Однако стоит отметить, что турецкое правительство проявляло гораздо больше терпимости к религиозным верованиям своих подданных, чем правительства многих так называемых христианских наций. В конце XV века турки по-доброму приняли у себя испанских евреев, а в XIX веке евреев, бежавших из России¹¹. Это резко контрастировало с преследованиями евреев в католической Испании и православной России. А ненависть одной ветви христиан к другой была столь велика, что богومیлы Боснии предпочли быть завоеванными султаном, чем подчиниться папе римскому, да и православные греки решили стать подданными неверных турок, а не католиков-венетянцев. Мехмед II, великий государственный деятель, сразу понял, что греческая церковь в его руках может оказать мощную поддержку турецкому правлению. Поэтому он восстановил экуменический (Вселенский) патриархат в Константинополе и превратил православного патриарха в орудие своей власти.

Тем не менее, при всей терпимости, мусульмане считали христиан низшей кастой (их называли «райя» – стадо). Православные подвергались многочисленным унижениям; им явно давали понять, что они находятся за пределами господствующей религии. Для них ввели множество унижительных ограничений; они должны были носить одежду определенного цвета, строить дома определенного вида. Многие профессии были им недоступны. Их девушки подвергались праву первой ночи и становились сексуальными жертвами родовитых мусульманских юношей. Детей христианских женщин забирали и воспитывали в духе ненависти к немусульманам – они становились янычарами. Остальные должны были снабжать турецкую армию провизией и выполнять всю черную работу – строить дороги и крепости, перевозить артиллерию и переносить на себе военные грузы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что слабые люди отказывались от христианства и принимали ту религию, которая обеспечила им уважение турок и право презирать и угнетать своих бывших собратьев, которое эти отступники очень ценили.

Многие сербы в Боснии, греки на Крите, богомолы в Болгарии после турецкого завоевания приняли ислам, и эти боснийцы, жители Крита, болгары и албанские мусульмане стали самыми активными противниками реформ, наиболее фанатичными мусульманами, которые были безраздельно преданы закону пророка Мухаммеда. Таких людей тоже называли «турками», но это маскирует тот факт, что люди, которые были самыми яркими преследователями христиан, турками на самом деле не являлись. Это были христианские отступники, принадлежавшие к тому же народу, что и люди, которых они преследовали. Чтобы достичь высоких почестей, надо было исповедовать ислам; со временем даже появилась такая поговорка:

¹⁰ Господарь Александр мурузи сумел разбить Османа Пазван-оглу.

¹¹ Из Испании евреи, не пожелавшие принять католичество, были изгнаны. Причина – тесное сотрудничество с мусульманскими оккупантами в период 711–1492 гг. В России преследований не было, были определенные ограничения, связанные с чертой оседлости.

«Чтобы достичь самых высоких постов в Турецкой империи, надо быть сыном христианского отступника».

Так, турецкий губернатор Боснии, хотя его и присылали из Константинополя, был лишь ширмой; вся реальная власть принадлежала высшим боснийским аристократам, которые постепенно стали наследственными правителями всех областей этой страны. Влияние этих мусульманских сербов было настолько велико, что они позволяли паше оставаться в Сараеве лишь на сорок восемь часов и сопротивлялись всем попыткам перенести туда из Травника официальную столицу Боснии. Боснийские *беги* управляли этой провинцией как феодалы и были вполне довольны системой, которая позволяла им у себя дома делать все, что угодно, и время от времени баловать себя поездками за границу. Только после того, как турецкая военная мощь начала ослабевать и Босния была оккупирована австрийской армией, боснийские мусульмане начали сомневаться в мудрости султанского правительства.

В Сербии, где не было, как в Боснии, своей собственной аристократии, несколько боснийских бегов поселились в качестве землевладельцев; они составили большинство в рядах спагов – кавалеристов, которые были владельцами земли, полностью лишив *райю* всех прав на владение ею. В тот период в Турции насчитывалось около 132 тысяч таких военных землевладельцев, из них около 900 жило в пашалыке Белграда. За владение землей они обязаны были служить в армии султана; но даже в мирные годы они, в большинстве своем, уклонялись от этой повинности, проводя дни в безделье в городах, в то время как презируемые ими христианами работали на их землях.

В добавление к спагам, по всем провинциям были рассыпаны другие воинские части, полки янычаров. Их командиры, которых называли дагами, часто бывали более влиятельными, чем представители самого султана, и не только притесняли христианских земледельцев, но даже безнаказанно отбирали земли у мусульман-спагов. Коренные жители имели небольшую долю в управлении; и если, как это было в Сербии того периода, паша был человеком справедливым, избранные ими представители могли немного облегчить жизнь своим соотечественникам. Глава сельской общины, ее магистрат, и, во многих случаях, чиновник, возглавлявший этот район, называемый сербами оборкнесом, в обязанности которого входил сбор налогов и который выполнял роль посредника между пашой и налогоплательщиками, избирался народом. Выбранный сельчанами или назначенный пашой оборкнес, занимая эту должность пожизненно – а когда-то она была наследственной, – приобретал большое влияние среди турецких чиновников и сербских крестьян. Несколько таких оборкнесов позже стали лидерами сербских революций.

Одна ветвь сербов создала единственное независимое государство на Балканах – княжество Черногорию, которым с 1696 года управляли князья-епископы или владыки из семейства Петровичей. Этот пост переходил от дяди к племяннику, ибо владыкам запрещалось жениться. (Исключением стал лишь Арсений Пламенац, правивший с 1779 по 1781 г.) В фирмане 1779 года утверждалось, что черногорцы никогда не были подданными Порты.

Албанцы под командованием своего героя Скандербега оказали самое упорное сопротивление турецкому завоеванию. Даже в начале XIX века, как и в последующие годы, земли этой страны почти не контролировались ее номинальным сувереном. Исповедуя три религии: католичество, православие и ислам, образуя две основные ветви – гегов и тосков, разделенные на многочисленные племена, албанцы имели одну общую черту – любовь к войне. Самые лучшие полки турецкой армии, а также ударный полк королевства Неаполь состояли из албанцев. Одно время даже отряд телохранителей султана был по своему составу албанским. Еще до того, как турки завоевали Грецию, там уже существовали албанские колонии; много албанцев живет и на юге Италии.

В Северной Албании одно племя – католики мирдиты – жило практически независимо; им правила семья Гиона (Иоанна) Марку. Подданные называли его «капитаном», а европейцы –

принцем. Но это был неправильный перевод имени Пренк (Петр), которое носили все сменявшие друг друга вожди албанцев.

На Эпире православные сулиоты, великолепная смесь греков с эллинизированными албанцами, которые заслужили восхищение Байрона, образовали нечто вроде военного содружества, состоявшего сначала из четырех, а потом из двенадцати деревень. Эти поселения в мирное время платили десятину и поголовный налог Порте, а в годы войны были практически независимы, защищая свою свободу мечом. Одновременно правители и подданные, они взимали налоги с парасулиотов, жителей около шестидесяти завоеванных ими деревень. Эти люди зависели от них до тех пор, пока в 1803 году, после трех лет борьбы, жители Сули не были предательски отданы на расправу Али-паше Янинскому. Женщины, прижимая к себе детей, бросились со скалы Залонго, а те, кто уцелел, бежали на остров Корфу (Керкира).

Из всех христианских народов, находившихся под властью Турции, самыми богатыми и значимыми были греки. Подобно части сербов в начале XVIII века, оказавшихся под властью западной державы (Австрии), хотя и на очень короткое время, часть греков попала под власть другой державы Запада – Венецианской республики. Венецианское правление Мореей (Пелопоннесом) в 1699–1718 годах, совсем непопулярное в ту пору и вспоминаемое без особой благодарности, было гораздо более мягким, чем турецкое иго. Россия, вторгшаяся в Морею в 1770 году, четко продемонстрировала грекам, что не собирается даровать им свободу, а мечтает превратить их в своих подданных¹². По условиям Кючук-Кайнарджийского мира Россия сделала их более или менее зависимыми от себя, а более поздние договоры заставили торговые суда островитян ходить под ее флагом.

Французская революция не только снабдила греков, в особенности тех, что жили на Ионических островах в эпоху первой французской оккупации, высокопарными фразами о свободе народов и равенстве всех людей, но опосредованно способствовала греческой торговле, благодаря тому факту, что турецкое управление было в целом нейтрально и под ее флагом корабли могли ходить куда угодно.

Греки сочетают в себе два обычно несовместимых качества – большую способность к бизнесу и огромную любовь к книжному знанию. Оба этих качества, уже развившиеся к началу XIX века, подготовили их к национальной независимости, хотя ни коммерция, ни философия не дали им того политического знания, которое нации приобретают, как правило, в течение нескольких столетий. Благодаря своей торговле греки посетили страны, которые управлялись гораздо лучше, чем их собственное государство, и они сделали соответствующие выводы; греческая литература, созданная Евгением Булгарисом с острова Корфу (Керкира) и другими (Дионисион Соломос, А. Калвос, Я. Полилас, Терцетио и т. д.), помогла сформировать узы национального братства, а Ф. Ригас из Велестино подарил приближающейся греческой революции свою «марсельезу» («Пламенный гимн»). По словам одного греческого писателя, «Греция обязана возрождением своего образования» Ионическим островам.

Путешественники отмечали, что греки несли «турецкое иго с большим возмущением, чем другие христиане», хотя им-то, возможно, было легче, чем другим странам, за исключением разве только Крита. Греки занимали привилегированное положение по сравнению с другими христианскими подданными Порты. Греческий патриарх был церковным главой всего христианского населения Балканского полуострова, независимо от страны. Заслуги греческой

¹² Русские пришли на помощь греческим повстанцам. Были высажены два десанта (Баркова и Долгорукова), общей численностью всего 2 тыс. человек. У Триполиса Барков потерпел сильное поражение – повстанцы разбежались под натиском регулярного турецкого войска, а стойко сражавшиеся русские были перебиты. В живых остались лишь четыре человека, которые сумели вынести с поля боя раненого Баркова и знамя. В апреле 1770 г. русский десант при огневой поддержке флота овладел крепостью Наварин (Пилос). Однако у крепости Медон (Метони) отряд Долгорукова потерпел поражение от крупного турецкого войска. После этого эскадра под командованием Орлова была вынуждена покинуть Морею в июне и перенести боевые действия в Эгейское море.

церкви и ее священнослужителей очень велики; но болгары и сербы, а еще больше жители Молдавии и Валахии считали греческих епископов вражескими агентами. После подавления двух древних автокефальных церквей – сербской и болгарской – в городах Ипек и Охрид в 1766–1767 годах последний церковный бастион этих народов пал под влиянием греческого духовенства, которое долгое время возглавляло духовную жизнь Балканского полуострова, точно так же, как турецкие чиновники были главными в политических делах империи.

Греческий патриарх, избираемый из фанариотов Константинополя, вынужден был покупать свое место, подобно тому как турецкий паша приобретал свой пост за деньги, а после этого заставлял подчинявшихся ему людей компенсировать свои затраты. Священники на местах, как правило, были очень ценными союзниками каждого паши, ибо тот нуждался в их помощи, чтобы заставить крестьян выполнять свои требования. В ответ паша оказывал священникам различные дипломатические услуги. Под влиянием духовных пастырей, которые обычно знали только греческий язык и, конечно же, проводили на нем службы, славяне и румыны стали внешне весьма эллинизированными. Их языки греки с презрением именовали варварскими; знание греческого языка считалось неотъемлемым признаком благородного происхождения; на греческом языке были написаны два румынских кодекса, и даже деловая переписка болгар велась на этом языке, как на самом распространенном на Ближнем Востоке. Поэтому можно простить иностранцев, которые наивно полагали, что православие исповедует весь греческий народ, а греками они считали всех христиан Балканского полуострова.

Регас писал, что «все македонцы восстанут как один человек», а все «болгары и албанцы, сербы и румыны поднимут меч за дело Греции и свободы». Многие энтузиасты представляли себе прекрасную картину единения христианских народов Востока против турок. Но главная беда этого региона заключалась в том, что до создания Балканского союза в 1912 году христианские народы Балканского полуострова враждовали между собой. Болгары мечтали освободиться не только от власти турок, но и от церковного доминирования греков, а в наши дни ссоры между сторонниками власти патриарха и власти экзархов носили не менее серьезный характер, чем между христианами и мусульманами.

Если отвлечься от разногласий в вопросах веры, то можно сказать, что греки имели много возможностей сделать карьеру на турецкой службе. Высокий интеллект и лингвистические способности эллинов позволяли им занимать должности переводчиков и послов Порты. Места приложения способностей греков находились за Дунаем, в Молдавии и Валахии, где знаменитые фанариотские семьи Стамбула (Константинополя) покупали себе троны, а многие чиновники сколачивали состояние. Путешественники отмечали, что греки, жившие в турецкой столице, были развращены гораздо сильнее, чем те, кто обитал на островах, а описания квартала Фанар, оставленные нам современниками, где располагалась резиденция патриарха, изображают его в этот период как академию интриг – единственное оружие, которым слабые могут победить сильных.

Греческие историки обвиняют фанариотов в том, что они презирали своих соотечественников, забывая о том, что их собственное положение зависело от милости тирана. И вправду, в восточной истории нет более поучительных случаев, чем правление фанариотских господарей в Бухаресте и Яссах в конце XVIII и начале XIX века. Роскошь этих государей иностранного происхождения столь же резко контрастировала с нищетой их подданных, как и их высокомерное презрение к румынам и показное смирение перед турками.

«Эти два господаря, – как гласит турецкая пословица, – являются глазами Османской империи, обращенными в сторону Европы». Они и вправду были настоящими иностранными секретарями султана; но, когда им стало выгоднее играть в австрийские и российские игры в ущерб турецкому султану, они предали своего господина. Главной задачей, которую поставил перед собой господарь более богатого княжества Валахия, было сохранение своего места и обогащение за его счет; главной целью господаря Молдавии было получение перевода в Буха-

рест. Поэтому они превратились в двух злейших врагов, а в Стамбуле было много охотников до занимаемых ими мест, готовых в любой момент их сбросить. При таком раскладе обе эти провинции, справедливо называемые «житницами столицы», превратились в самые бедные территории во всей империи. Природа была к ним щедра, наделив их обширными равнинами, по которым протекал Дунай, и прекрасными склонами Карпат; но бездарное управление разрушило экономику княжеств и разорило румынских крестьян. В своих песнях румыны горько жаловались на судьбу и обличали угнетателей, которые довели их до нищеты: на турок, владевших землей; на русских, которые приходили их освободить; на евреев, которые их ограбили, и на фанариотов, которые бездарно управляли ими под властью султана. Однако, справедливости ради, следует признать, что фанариоты обладали дипломатическими способностями, высокой культурой, утонченностью и политическим опытом; к тому же они подарили греческой революции ее лидера, Александра Маврокордатоса¹³, и стали ценным элементом общества в молодом греческом королевстве.

Что касается самой Греции, то, хотя в ней и не имелось таких блестящих возможностей для проявления талантов, как в Молдавии или Валахии, греки могли найти приложение своим административным способностям и здесь. Примасы церкви, или «кодыбаши», как их называли турки, составляли нечто вроде официальной аристократии, в обязанности которой входило определение размера налогов для жителей Греции. Они служили агентами турецких правителей, которые собирали эти налоги и, в некоторых делах, подражали своим турецким патронам. На полуострове Пелопоннес, где местная административная власть была организована лучше, чем в других местах, делались даже попытки создать органы самоуправления. В каждой деревне крестьяне выбирали себе старост, которые, совместно с жителями городов, избирали представителей, а те, в свою очередь, выбирали примаса провинции. Все примасы жили в Триполисе, столице Пелопоннеса, а в Стамбуле их представлял один де легат.

То там, то здесь греческие сообщества обладали еще большими привилегиями. Больше всего их имелось у жителей острова Хиос. До захвата турками он принадлежал Генуэзской торговой компании – это был первый пример одной из тех компаний с хартиями, которых так много развелось в наши дни. Изгнав просвещенных генуэзцев из Хиоса, турки сохранили их систему управления, ибо она была очень эффективной, и в начале XIX века хиосцы жили лучше всех других греков. Три «морских» острова: Гидра (Идра), Спеце и Псара, которые в будущем станут колыбелью греческого флота, неожиданно превратились в процветающие сообщества, где моряки имели свою долю в кораблях и их грузах.

В то время Гидрой (Идрой) управлял Георгий Булгарис, талантливый администратор, Спеце – такой же местный чиновник, которого называли *зампитес* (полицейский), а Псарой – Совет старейшин. Другим греческим островом, в дела которого турки почти не вмешивались, был Тинос, где пять веков господствовали венецианцы. Наксос, бывшая столица католического княжества, сохранил, вместе с другими остатками латинской цивилизации, свое самоуправление и свои прежние обычаи. Двенадцать островов под общим названием Южные Спорады (крупнейшие – Родос и Кос) пользовались особыми привилегиями, которые подтверждали все сменявшие друг друга султаны, правившие после завоевания Родоса турками.

В горных районах (горы Пинд на западе Балканского полуострова в Греции и массив Олимп, также в Греции) христиане имели еще одну, более опасную привилегию – право носить оружие и создавать отряды местного ополчения, которые назывались *арматоли*. В своих свободных деревнях или *элевтерохориях* (это слово сохранилось здесь до наших дней) христиане формировали военные отряды, которые в XVIII веке вызывали сильные опасения у централь-

¹³ **Маврокордатос А.** (1791–1865) – президент Греции (1822–1823) во время Греческой национально-освободительной революции 1821–1829 гг. В 1844, 1854–1855 гг. – премьер-министр.

ного правительства. Предпринимались попытки ослабить эти отряды, но только во времена Али-паши Янинского эти усилия увенчались успехом.

«Двадцать четыре деревни Воло», каждая из которых имела свою школу, вызывали восхищение у путешественников, а процветающее поселение Амбилакия, раскинувшееся на склонах горы Оса в Фессалии, благодаря своим красильням соперничало в богатстве с деревнями на горном массиве Пелион (Пилион), пока местная вражда и конкуренция со стороны британских товаров не разорили Амбилакию, а меч Али-паши не уничтожил автономию всех «двадцати четырех деревень», за исключением Загоры.

На полуострове Халкидики конфедерация сел под названием *Мадемохория* имела право избирать свои местные власти. Привилегией самоуправления обладала и Святая гора Афон, и турецкий чиновник, живший в Карье, столице этой теократической республики, так же мало вмешивался в ее дела, как и мадем-ага в жизнь Халкидской конфедерации.

На крайнем юге Греции Майна (на юге Пелопоннеса), после восстания 1770 года, стала управляться местным вождем, которого султан назначал пожизненно. Этот вождь носил титул бея, а дань включала в себя столько монет, сколько могло уместиться на плоском лезвии сабли. Левадия, в ту пору главный город Восточной Греции, находилась под управлением местных магнатов, президент которых представлял этот город во всех переговорах с турецкими гражданскими и военными властями. И наконец, Афины были частной собственностью султана, который отдавал их в пожизненное владение тому, кто на торгах предлагал самую высокую цену.

В состав турецких властей входили: *войвода* (губернатор), которого назначал турецкий Монетный (Денежный) двор в Стамбуле, *кади* (судья), *муфтий* (епископ) и *дисдар-ага* (начальник гарнизона), живший со своим гаремом в Эрехтейоне на Акрополе. Офицеры ежегодно выбирали себе «старейшин», и все дела с турецкими чиновниками вели их собственные агенты, которых называли эпитропиями.

Население Афин составляло около десяти тысяч человек, но тирания Хаджи Али Хасеки, который в конце XVIII века несколько раз подряд занимал пост войводы, а также две эпидемии чумы уменьшили население города и его богатство. Но даже тогда Афины могли похвастаться выдающимся историком Иоанном Венизелосом, который работал учителем в афинской школе.

Таким образом, на рубеже XVIII и XIX веков подданных султана разделяла вовсе не их национальная принадлежность, а религия. Господствующей кастой были мусульмане – не важно, турки или потомки болгар, боснийцев, албанцев или жителей Крита, которые приняли ислам. Христиан, за исключением небольшого числа католиков в Боснии, Албании, Сербии, Болгарии и тех, что жили на одном или двух греческих островах, называли общим именем «греки», ибо они принадлежали к православной церкви и подчинялись вселенскому патриарху. Европейские политики вряд ли осознавали тот факт, что восточный вопрос был связан не с требованиями греков, а с потребностями других христианских народов империи (за исключением, вероятно, сербов), ибо греки были законными наследниками земель в некоторых частях Османской империи. Национальный принцип еще не стал мощной силой в политике, и карьера Наполеона на Ближнем Востоке и в других местах была построена на отрицании этого принципа.

Глава 2. Наполеон на Ближнем Востоке (в Юго-Восточной Европе) (1801–1815)

Отношения между четырьмя великими державами и Турцией очень сильно изменились в течение первых лет XIX века, ибо эгоистическое непостоянство политики Наполеона вынуждало их то поддерживать Турцию, то противостоять ей, в зависимости от требований момента. Никакого общего принципа тут не было. Турция, как и многие другие страны, была лишь пешкой в большой игре, которую вел Наполеон.

Великобритания и Россия получили от султана награды за то, что поддержали его в борьбе с завоевателем Египта. Благодарные турки подарили Левантийской компании место, на котором теперь стоит здание британского посольства в Стамбуле. Русские добились награды получше – так называемого хатти-шерифа или императорского указа, изданного в 1802 году, по условиям которого господа Молдавии и Валахии не могли быть заменены без согласия русского царя, а срок их службы достиг 7 лет. Это еще больше усилило влияние России в Дунайских княжествах. По сравнению с Айнали-Кавакской (Константинопольской) конвенцией, заключенной в 1779 году, это был шаг вперед. Оба господаря стали агентами России и принялись демонстрировать султану свою независимость столь же явно, как и свое угодничество перед царем.

Франция примирилась с Турцией в 1802 году; французский полковник Себастиани был отправлен с особой миссией в Левант, якобы для расширения французской торговли, а на самом деле чтобы оценить стратегическое значение различных районов Востока. В 1805 году, благодаря Пресбургскому договору, по которому Австрия отдала Наполеону недавно приобретенные ею земли в Далмации, Франция получила доступ на Балканский полуостров, куда ранее путь ей был закрыт. Именно тогда Талейран составил свою знаменитую записку по восточному вопросу, в которой он советовал французскому императору отдать Австрии, в качестве компенсации, Молдавию и Валахию и тем самым преградить русским путь в Стамбул. Если бы эта идея была осуществлена, история Ближнего Востока пошла бы совсем по другому пути, и войны 1877–1878 годов никогда бы не было.

Девятилетняя французская оккупация Далмации так и не была достоверно описана английскими историками; однако она заслуживает нашего внимания как пример ошибок, которые совершил даже такой гений, как Наполеон, в ходе управления страной, расположенной на границе Запада и Востока. Долгое венецианское господство в Далмации оставило на прибрежных городах этой области неизгладимый отпечаток. Надо, впрочем, отметить, что Венецианская республика Святого Марка проводила политику подавления далматинской торговли и мешала распространению идей просвещения.

Во время своего первого краткого господства в Далмации, с 1797 по 1805 год, у австрийцев не было времени что-либо существенно изменить, но они начали строить дороги, которых в эпоху венецианского владычества вообще не было. Впрочем, австрийцы и сами мало в этом преуспели, ибо вскоре провинция перешла под власть французов. Поэтому эмиссарам Наполеона пришлось создавать все практически с нуля, и сначала они занялись работой с большим здравым смыслом. Однако во французском управлении Далмацией можно четко выделить два периода, каждый из которых имел свои отличительные черты и представлял различные аспекты политики Наполеона. Пока Далмация была частью марионеточного Итальянского королевства, с 1805 по 1809 год, французский император, все еще мечтавший о завоевании Балкан и даже о походе в Индию, считал Иллирийское побережье прекрасной базой для этого похода. Он понимал, что гавани Рагузы (Дубровника) и Котор могут в будущем стать его военно-морскими базами, и для управления Далмацией отправил туда выдающихся людей, ибо

в те годы необходимо было адаптировать французские методы руководства к местным условиям. Мармон и Дандоло, сменившие первого представителя Франции Молитора, были, как писал один австрийский историк, «самыми выдающимися администраторами, которые когда-либо правили Далмацией», но они не смогли найти общего языка друг с другом. Гражданский чиновник считал военного невеждой, который вечно сует нос в чужие дела, а военный относился к штатскому как к непрактичному педанту.

Тем не менее оба успели кое-что улучшить в доверенной им провинции. Молитор не внес крупных изменений в австрийскую систему управления, зато Дандоло не терял времени даром: он начал выпускать первую в Далмации газету, открыл среднюю школу и добился поддержки православного духовенства, которое до этого подчинялось католическому лидеру, даровав им епископа одной с ними веры. Впрочем, эта мера, которую уже рассматривали в свое время австрийцы, надеясь ослабить в Далмации влияние Черногории, привела к обратному эффекту. Она обозлила католиков и не принесла благодарности православных, так что, когда в Далмацию вторглись русские, последние активно их поддерживали; во время же французской оккупации далматинское духовенство всех конфессий считало агентов Наполеона атеистами и царевубийцами, используя свое мощное влияние на невежественных людей во вред своим правителям.

Мармон, однако, оставил о себе память как строитель дорог, и крестьяне до сих пор рассказывают историю о том, как французский генерал «сел на коня и велел своим солдатам построить дороги, а когда он спешился – гляди-ка! Дороги уже были готовы!». К тому же он составил очень точную карту побережья Далмации с его бесчисленными островами и опасными течениями, а другие его соотечественники сумели убедить недоверчивых местных жителей в преимуществах вакцинации, уменьшив тем самым смертность на большей части этих восточных владений Франции.

После 1809 года планы Наполеона изменились, и он стал смотреть на Далмацию как на инкубатор солдат высокого роста, а на ее жителей – как на пушечное мясо. Удивительный факт – тот самый народ, который охотно помогал Венецианской республике, когда она доживала свои последние дни, категорически отказался встать под знамена французского императора. Все военные призывы от первого до последнего оказались провальными, а когда в 1809 году между Францией и Австрией вспыхнула война, далматинцы, как один человек, встали против Наполеона. После этого с этой страной начали обращаться безо всякого учета ее особого положения. Не будучи уже частью королевства Италии, но образовав, вместе с Рагузой (Дубровником), две из семи Иллирийских провинций, Далмация уже не имела отдельной от других доминионов Наполеона истории, то есть непосредственно вошла в состав Французской империи.

Иллирийские провинции, в которых проживали люди пяти национальностей: немцы, итальянцы, хорваты, сербы и словенцы, – были объединены с Францией, хотя между нормандским или бретонским крестьянином и далматинским рыбаком не было ничего общего. Тем не менее далматинцы в такой же степени, как нормандцы и бретонцы, вынуждены были теперь подчиняться жесткому и негибкому «Кодексу Наполеона», ибо считалось, что то, что хорошо для Франции, годится и для Далмации. Вместо людей вроде Дандоло и Мармона к управлению пришли неопытные доктринеры или чиновники, механически выполнявшие требования законов, составленных в Париже безо всякого учета истории и нужд тех стран, которыми они были призваны руководить. Продуманная до мельчайших деталей организация Иллирийских провинций уже в 1811 году потерпела полный крах, и сами французы это искренне признавали. Ради идеи централизованного управления они пожертвовали всем, и, когда в 1814 году Австрия возвратила себе Далмацию, народ встречал ее солдат как освободителей.

Более того, во время войны с Наполеоном британский военный флот нанес огромный ущерб далматинской торговле, хотя некоторые острова: Лисса (Вис), Курцола (Корчула), Рагузский (Дубровникский) архипелаг и другие, находившиеся с 1812 по 1815 год под властью

англичан, получили некоторую компенсацию. Так, очень важная морская база острова Лисса (Вис), у берегов которой английская эскадра в 1811 году разгромила французскую, во время непродолжительной оккупации англичанами превратилась в процветающий центр торговли. За два года население увеличилось почти в три раза; к тому же здесь нашли приют представители всех враждебных Наполеону наций. Ни разу за всю свою историю этот остров не знал такого расцвета. Британский губернатор Курцион создал на нем местные учреждения; мемориальная доска сохранила об этом память благодарных жителей. Англичане восстановили на пяти Рагузских островах их старые, привычные людям законы, а во главе администрации каждого острова были поставлены представители местных дворянских семей. Британии нечего стыдиться той роли, которую она сыграла в критический момент для страны, чьи моряки вряд ли уступали в храбрости ее собственным.

Но если французская оккупация Далмации не сделала для нее ничего полезного, за исключением дорог Мармона, она уничтожила два осколка Средневековья – республики Полица и Рагуза. Странно, что Наполеон, сохранивший крошечное итальянское содружество Сан-Марино, уничтожил его иллирийскую сестру. Горная республика Полица с населением от 6 до 7 тысяч человек несколько веков сохраняла свою независимость под венгерским и венецианским протекторатом. Управляемая аристократической конституцией и проверяя свои конституционные теории частым обращением к жестокости, как и полагалось истинно балканскому государству, она сделала (по мнению автора этой книги. – *Пер.*) большую глупость – встала на сторону России, в результате в 1807 году сюда вторглись французы. В итоге республика Полица погибла и была включена в состав французской Далмации. С тех пор она там и находилась, пока в День святого Георгия в 1911 году, по приказу императора, три коммуны, составлявшие территорию республики, не были объединены в одну, сохранившую свои исторические границы.

Конец Рагузы (Дубровника) был еще более трагическим. Эта республика, в той или иной форме, просуществовала более одиннадцати веков и удостоилась гордого звания «Южно-Славянских Афин». В то время в ней проживало 35 тысяч человек. В территорию республики входили: город под тем же названием; район проливов между Рагузой (Дубровником) и Котором; прекрасная долина Омблы; вытянутый в длину полуостров и пять островов. Австрийцы не тронули их свобод и отказались помочь мятежным каналези, которые были недовольны республиканским правлением. Но, узнав о Пресбургском договоре, русские оккупировали Котор, и Рагуза очутилась между русскими и французами. Последние объявили о своем намерении оккупировать территорию Дубровника, но пообещали, как только русские уйдут, освободить ее. Это обещание было намеренно нарушено Наполеоном, военачальникам которого, Лористону и Мармону, по-видимому, стало стыдно за своего командира. Осада Дубровника русскими и их союзниками черногорцами нанесла большой ущерб пригородам, но была снята французскими войсками под командованием Молитора. Однако, овладев городом, французы не торопились уходить. Бедняки Дубровника поддерживали власть французов, ибо были недовольны правлением богатых. Дворяне сделали последнюю попытку спасти сообщество и обратились к Австрии и Турции, но ответа не получили. Флаг Святого Биаджо, патрона Рагузы (Дубровника), над знаменитой статуей Орландо был спущен; и в последний день января 1808 года французский полковник сообщил сенату, что «республики Рагуза больше не существует».

Мармон получил титул герцога Рагузского, а территория республики сначала вошла в состав королевства Италии; позже она стала одной из Иллирийских провинций. Через шесть лет город Рагуза (Дубровник) был освобожден от французов австрийскими и английскими войсками, действовавшими совместно. Аристократы надеялись на возрождение республики, но простые люди приветствовали австрийцев точно так же, как и французов, и до 1919 года Рагуза оставалась, как и вся Далмация, под властью Габсбургов.

Одним из результатов французской оккупации Далмации стало то, что в орбиту европейской политики впервые вошла Черногория. В начале XIX века бойцы Черной Горы еще не знали, что такое цивилизация, и проводили время в почти непрерывных стычках с турками. Но их традиционная дружба с Россией привела к тому, что в 1806 году они помогли русским захватить Котор и, как мы уже видели, участвовали в осаде Дубровника. Французы считали владыку (духовного и светского правителя) Черногории Петра I Негоша очень неуступчивым противником; напрасно старались они улестить его, предложив пост патриарха Далмации, а после того, как по условиям Тильзитского мира они получили в свое безраздельное владение Котор, то решили, что с таким неудобным соседом лучше жить в мире. Но подозрительный Петр I Негош, хотя и даровал Мармону возможность побеседовать с ним, отказался принять в Цетинье французского консула, а когда Виаллу де Сомьере было поручено Наполеоном составить доклад о Черногории, то ему пришлось собирать для него материал, притворившись ботаником, изучавшим местные растения. Владыка Петр I Негош и слышать не хотел о том, чтобы французский император стал его покровителем, а когда до него дошли известия о том, что французы покинули Москву, он приготовился атаковать гарнизоны Наполеона, который собирался выселить всех черногорцев в Нидерланды. Во время осады Котора в 1813 году Петр I Негош охотно помогал британскому флоту, но его владение этим местом, которого он так долго домогался, было весьма непродолжительным. На следующий год, по совету русского царя, он возвратил Котор Австрии, которой он принадлежал 105 лет.

А тем временем на другой стороне Балканского полуострова дипломатия Наполеона принесла свои плоды. В 1806 году, после свержения, по предложению Себастиани и без согласия России, господарей Молдавии и Валахии, в эти княжества вошли русские войска, и началась первая в XIX веке Русско-турецкая война. Закон был на стороне русского царя, ибо свержение господарей стало первым нарушением договора 1802 года, и его охотно поддержала Великобритания. В британском ультиматуме 1807 года выражалось требование изгнать Себастиани и объявить войну Франции, а также создать русско-турецко-английский союз, передать Дунайские княжества царю и сдать турецкий флот, вместе с крепостями Дарданелл, британскому адмиралу.

Султан, поддерживаемый французами, отказался выполнить эти требования; тогда в Дарданеллы вошел английский флот, что еще в 1770 году советовал сделать Д. Эльфинстон (контр-адмирал, англичанин на русской службе), и вскоре появился у Стамбула (Константинополя). Однако сам контр-адмирал Дакворт (Декуорт) вскоре завяз в переговорах, которые турецкие государственные мужи умели очень ловко затягивать. Если бы он проявил решительность, как это сделал на Крите другой британский адмирал девяносто один год спустя, мир, вероятно, увидел бы редкий спектакль – британскую оккупацию Стамбула. Но он потратил драгоценное время на рассылку депеш; а пока он их писал, турки, подгоняемые французами и поощряемые лично султаном, укрепляли оборонительные сооружения. Адмиралу Дакворту (Декуорту) пришлось уйти из Дарданелл¹⁴; Стамбул был спасен. Занятые войной с Наполеоном, ни Россия, ни Великобритания не могли вести активную борьбу с Турцией; и это, как обычно, спасло султана.

Неожиданно мир узнал, что Наполеон и русский царь Александр I заключили мир в Тильзите, и для того, чтобы заняться Англией, Наполеон изменил свою восточную политику и был готов, ради удовлетворения своих амбиций, пожертвовать Турцией. А ведь всего лишь несколько месяцев назад он заявлял, что «его миссия заключается в том, чтобы ее спасти».

План раздела европейских владений Турции, который Наполеон набросал во время своих переговоров с царем Александром I в Тильзите, был не более практичен, чем планы, составленные позже. Но каким бы грубым он ни был, в нем содержалось одно-два предложения, которые

¹⁴ Английский флот понес немалые потери от огня турецких батарей, включавших, среди прочего, средневековые бомбарды, стрелявшие огромными каменными ядрами.

даже сейчас представляют собой определенную ценность. Наполеон хотел отдать Бессарабию, Молдавию, Валахию и Северную Болгарию России, забрав себе Албанию, Фессалию до самого Салоникского залива, Морею (Пелопоннес) и Крит, а Австрия должна была удовлетвориться частью Боснии и Сербии. Однако Александра I, наследника Петра I Великого и Екатерины II, такая скромная порция добычи не удовлетворила. Он был согласен отдать Наполеону, в добавление к большому куску земель, на которые тот зарился, острова Эгейского моря, Сирию и Египет, если Россия в ответ получит Константинополь и Румелию. Участник этих переговоров, личный секретарь французского императора, писал, что накануне Наполеон, накрыв своим пальцем то место на карте, где была обозначена столица Турции, с негодованием воскликнул: «Константинополь! Константинополь! Никогда! Это же мировая держава!»

Последующие события, вероятно, уменьшили стратегическое значение этого замечательного города, но мало кто решится отрицать, что его приобретение уже давно было заветной целью России, хотя из всех турецких провинций, обещанных России по условиям Тильзитского мира, Бессарабия стала единственной, которую она включила в состав своей империи. Франция, которая в то время владела Далмацией и собиралась снова занять Ионические острова, естественно, мечтала о приобретении новых земель на Ближнем Востоке, от чего она позже отказалась. Передача же Австрии части Боснии стала предвестником Берлинского договора 1878 года.

В двух секретных статьях два императора (Наполеон и Александр I) пообещали друг другу, что в том случае, если французской дипломатии не удастся дать новому султану почувствовать силу своего влияния, «освободить всю европейскую территорию Турции, за исключением Румелии и столицы, от ига и притеснений турок».

К подготовке к этому филантропическому разделу французы приступили сразу же. Мармону было велено собрать сведения о Боснии, Македонии, Фракии, Греции и Албании, об их ресурсах и военной ситуации, но при этом не проявлять дружелюбия к паше Боснии, в резиденции которого жил французский генеральный консул. Еще одним следствием франко-русского договора стало возвращение французов на Ионические острова. Овладение Котором и Корфу, по-видимому, должно было стать прелюдией к большой кампании против Турции, которая могла, по словам одного британского дипломата, привести к большой войне против остальной Европы.

Жители Ионических островов, которые с большим энтузиазмом встретили в 1797 году армию демократической Франции, как долгожданное освобождение от гордых венецианцев, проявили полное безразличие ко второй французской оккупации десятью годами позже. В промежутке между ними, при протекторате России и Турции, 21 марта 1800 года эти земли объединились в Республику Семи Островов, которая, хотя и лишилась своих бывших владений на континенте, стала первым автономным греческим государством Нового времени.

К сожалению, Ионическое содружество позволило себе роскошь постоянной смены правительств. В течение двух лет было принято три конституции, а небольшая революция, случившаяся на острове Корфу (Керкира), показала, что его жители не сильно изменились с того дня, когда они внушили Фукидиду моральные максимы о вреде гражданской борьбы.

Сначала на островах решили испробовать прелести федерации. Федеральный сенат, президента которого называли архоном, собирался на Корфу, а отдельными островами управлял местный дворянский совет. Но демократы посчитали этот орган чересчур аристократическим, а сторонники федерации решили, что он стремится к сепаратизму. Кефалония (Кефалиния) и Итака провозгласили независимость, а на острове Занте (Закинф) подняли британский флаг. Национальное собрание заседало на острове Корфу (Керкира), а остальные острова должны были позаботиться о себе сами. Тогда в дело вмешалась Россия и даровала островитянам одну из тех конституций, которые она навязывала странам, входившим в сферу ее влияния, но за пределами своих собственных владений.

Однако работе Ионического правительства помешало возвращение французов. Наполеон теперь более чем когда-либо был убежден в стратегическом значении острова Корфу (Керкиры); «если я его потеряю, – говорил он, – меня постигнет большая беда». Он организовал правление Ионическими островами по чисто военному образцу; сенат островитян лишился власти, и французы стали править абсолютно, к великому возмущению народа.

Впрочем, вторая французская оккупация продолжалась не очень долго. В октябре 1809 года британские войска оккупировали Кефалонию (Кефалинию), Занте (Закинф), Итаку и Серигу (Китира); их целью было защитить Сицилию, которая в ту пору была занята англичанами. Остров Айия-Мавра (Лефкас) стал французским в апреле 1810 года. Возглавил управление занятыми британцами островами бригадир Освальд, который назначил военных губернаторов. Впрочем, эти чиновники часто сменялись, и гражданским и военным губернатором вскоре стал генерал-лейтенант Джеймс Кемпбелл. У французов оставались лишь два острова – Корфу (Керкира) и Пакси. Пакси был взят в феврале 1814 года, а блокада Корфу оказалась безуспешной. Наполеон писал, что «с каждым днем важность Корфу возрастает; если англичане сумеют его удержать, то станут хозяевами всей Адриатики».

Тем не менее, называя Корфу «ключом к Адриатике», создав здесь Ионическую академию, Наполеон не сделал ничего для развития ее экономики. Торговля Корфу была разрушена блокадой; прекрасные оливковые деревья на острове вырублены солдатами, а французское правительство острова сдалось британцам после первого падения Наполеона в 1814 году. Это было сделано по требованию конвенции, заключенной 23 апреля 1814 года. Приказ о сдаче был выполнен 24 июня; французская администрация, несмотря на то что губернатор Донцелот в своих мемуарах с большой теплотой отозвался о жителях Корфу, не принесла островитянам благоденствия, как и венецианская или российская до нее.

Планы Наполеона по разделу Турции, сформулированные в Тильзите в 1808 году, во время новой встречи с русским императором, были уже другими. Французский император понял, что строить планы крупных операций на Востоке бессмысленно, когда перед ним лежит Запад. Он уступил Молдавию и Валахию России, не отнял у Турции никаких территорий и совместно с русским царем дал гарантии другим турецким провинциям. После этих переговоров Англия и Турция прекратили военные действия и в 1809 году заключили Дарданелльский мир. Однако Русско-турецкая война, несмотря на короткое перемирие, продолжалась. Россия уже в который раз поняла, что победить своих многолетних врагов не так-то просто, но победа тем не менее досталась русским. Они форсировали Дунай и овладели мощной крепостью Силистрия, что им не удастся сделать в 1854 году. В их руки перешли также другие города на Дунае: Никополь (Никопол), Свиштов и Русчук (совр. Русе), но после изменения политики Наполеона русские войска вынуждены были остановиться. Предвидя неизбежное нападение французов на свою страну, царь вынужден был отвести войска, чтобы защищать Россию¹⁵.

Как и 1829, в 1812 году Россия играла в игру, которую «новая дипломатия» называет «блефом». Она делала вид, что имеет на руках карты, которых у нее не было. Она делала вид, что разногласия с Наполеоном можно разрешить мирным путем, и, добившись больших успехов в войне с Турцией, продемонстрировала желание начать мирные переговоры. Турецкое правительство, еще не забывшее, с какой легкостью Наполеон в Тильзите обвел своего доброго друга султана вокруг пальца, игнорировало все аргументы французских агентов в пользу продолжения войны.

Русские предъявили весьма умеренные требования, и султан их принял. Вопрос о присоединении к России двух Дунайских княжеств целиком уже не стоял. Но по Бухарестскому миру

¹⁵ Турки терпели в войне поражение, но в начале 1811 г. ввиду угрозы вторжения наполеоновской армии в Россию часть войск русской Дунайской армии была направлена на западную границу. Однако вставший во главе уменьшившейся почти наполовину армии (осталось 46 тысяч человек и 218 орудий) М.И. Кутузов вынудил превосходящие турецкие войска в конце 1811 г. капитулировать и подписать в мае 1812 г. Бухарестский договор.

1812 года царь получил территорию между Днестром и Прутом, которая известна под своим древним названием Бессарабия. Для Румынии ее потеря стала страшным ударом. Австрия отняла у нее Буковину, а теперь Россия забрала и Бессарабию. В течение шести лет войны румыны научились опасаться своих «освободителей», которые заставляли их строить укрепления и снабжать свои армии телегами и волами; они изымали крупные суммы у дворян, продавали титулы тем, кто больше заплатит, наводнили страны обесценившимися деньгами и предпочитали греческих монахов в ущерб местным.

Полная информация о положении Молдавии и Валахии в тот период свидетельствует о том, что бедняки погрузились в нищету, богатые погрязли в коррупции, а все классы общества были полностью деморализованы из-за русской оккупации. Там, где проходила русская армия, «земля стонала», сообщает нам автор хроники¹⁶; и, в довершение ко всему, несмотря на протесты местной аристократии и все ее попытки убедить Порту в том, что отдавать столь богатые земли России глупо, Бессарабия стала владением русского царя, а граница Российской империи прошла по реке Прут.

Бухарестский договор стал фатальной ошибкой Турции; менее чем через месяц после его подписания Наполеон официально объявил войну России¹⁷, а султан, коря себя за то, что поспешил заключить мир, прогнал своего великого визиря и велел отрубить головы послам. Но влияние Великобритании, снова усилившееся в Константинополе и направленное на ослабление французского колосса, остудило пыл партии войны. Более того, внутренние проблемы Турции были столь велики, что правительство вынуждено было обратить все свое внимание на поиск их решения.

Сербия воевала с султаном; Али-паша Янинский правил в Эпире практически независимо от него; Осман Пазваноглу нашел себе в Видине преемника; во Фракии и Македонии влиятельные вожди держали свои собственные войска. И все-таки вполне вероятно, что, так же как и во времена мира, подписанного сто лет назад, в 1812 году турки в Бухаресте, без особого риска, могли бы заключить договор на более благоприятных для них условиях. В обоих случаях их предали свои же собственные агенты; в обоих случаях Россия добилась более благоприятных условий, чем могла ожидать. Это правда, что на Венском конгрессе, после падения Наполеона, султан с помощью Австрии попытался вернуть себе Бессарабию, но получил ответ, что возвращение в прошлое уже невозможно. Россия, со своей стороны, сделала все, чтобы жители ее новой провинции не эмигрировали в Молдавию; границы охранялись так строго, что жители Молдовы, привыкшие покупать продукты питания в Бессарабии, испытывали большие лишения.

Карьера Наполеона I Бонапарта завершилась, а его великие планы приобретения новых земель на Востоке потерпели крах; даже из того малого, что ему удалось захватить, не осталось практически ничего. Его семь Иллирийских провинций вернулись в Австрию; Ионические острова, после долгих дискуссий, были объединены в независимое государство под протекторатом Великобритании. На Венском конгрессе представитель Британии предложил поместить эти острова под протекторат Австрии. Как наследник Венеции, австрийский император мог заявить, что унаследовал их, как бывшие владения Венеции, а правитель острова Корфу (Керкира), охранявший подходы к Адриатике, мог бы защитить австрийское побережье Далмации. Против этого предложения, однако, выступил русский царь, который заявил, что следует уважать желания островитян, выступавших за британский протекторат. Этот довод был весьма убедителен. Великобритания отвоевала у Франции шесть из семи островов; седьмой ее войска оккупировали потому, что он был сдан им новым французским правительством. На Парижском конгрессе британские представители предложили, чтобы все семь островов и их бывшие

¹⁶ Английский автор верен себе в исконной британской ненависти к России и тенденциозности.

¹⁷ Наполеоновская армия перешла 12 (24) июня 1812 г. Неман без объявления войны.

владения на материке и в других местах перешли под власть английского короля Георга III. Тем не менее российский представитель, граф Каподистрия, родившийся на острове Корфу (Керкира), будущий президент Греции, настаивал на том, чтобы островам были дарованы свобода и независимость. Он соглашался только на протекторат Великобритании над ними самими и над их бывшими владениями.

По договору, подписанному в Париже в 1815 году, семь островов и небольшие островки, принадлежавшие им, образовали независимое государство под названием Соединенное государство Ионических островов (Ионическая республика), находившееся под протекторатом Британии. Однако лорд Батхёрст, в ту пору колониальный секретарь, департаменту которого было поручено управлять этим государством, хорошо понимал, что это согласие является неполным и неудовлетворительным. Оно поместило британское правительство в такое положение, которое будет порождать к нему ненависть, ибо жители Ионических островов, не желающие с этим мириться, станут считать Великобританию тираном, главная цель которого – подавлять их свободу.

Более того, это решение стало опасным и с другой стороны. Бывшим материковым владением этих островов, которые были отданы туркам по условиям русско-турецкого договора 1800 года, было позволено остаться частью Османской империи. Незавоеванной осталась лишь Парга, и ее последующая судьба показала, что британские дипломаты, решая этот вопрос, допустили ошибку. Граф Каподистрия, не желая отдавать Ионические острова и их владения под полную власть Британии, категорически настаивал на том, чтобы эти земли, при создании британского протектората, ни в коем случае не оказались отрезанными от своих прежних хозяев.

Британцы, впрочем, заявили, что если они не получают полной власти над материковыми владениями этих островов, то они им не нужны. Англия не хотела, чтобы ее втягивали в турецкие дела и в распределение земель, оккупированных турками. В отличие от венецианцев, которые называли свои владения в Эпире «глазами и ушами республики» на материке, британцы в 1815 году, как и в более поздние времена, продемонстрировали, что их совсем не заботит, что Балканский полуостров представляет собой неразрешимую проблему, которую не смог решить даже Наполеон I, хотя и пытался.

Глава 3. Сербские восстания (1804–1817)

Пока Наполеон I раздумывал, как отобрать у Турции ее владения в Европе, внутри Османской империи произошла революция. Сербию, которая после окончательного завоевания ее Турцией в 1459 году практически не создавала ей проблем, потрясло восстание, которое, начавшись с небольшого инцидента, привело к полной независимости этой страны, возглавившей борьбу других Балканских государств за свободу.

На первом этапе сербское восстание было направлено не против турецкого правительства, а против янычар. Сербь всегда заявляли, что они верны своему султану и хотят только одного – жить в мире под его отеческим правлением. Их земля больше других стран Европы страдала от присутствия янычар – отрядов свирепых бойцов, которые в то время сделались бичом Турецкой империи и внушали ужас всем ее соседям. Поскольку Белградский пашалык, как и Багдадский, находился далеко от столицы, то, по обычаю, самых буйных янычар отсылали именно туда. Они постоянно тревожили границы Венгрии, и по Свиштовтскому договору было решено, что они будут удалены из Сербии. Многие из них поступили на службу к Осману Пазван-оглу; но когда этот мятежник вынужден был заключить мир со своим сувереном, а в 1799 году назначен пашой в Видине, он потребовал, чтобы султан выполнил свое обещание, данное янычарам, и вернул их в Белградский пашалык. Порга, стремившаяся ослабить войска Пазван-оглу или усмирить его за счет сербов, в недобрый час дала свое согласие. Янычары вернулись на свои прежние места размещения.

Австрия, занятая в это время западными делами, не смогла помешать столь грубому нарушению договора, и с возвращением янычар в Сербию, казалось, вернулись прежние ужасы. Однако с тех пор, как янычары покинули эту страну, в ней многое переменилось. Сербам в последние пять лет правил Хаджи Мустафа-паша, столь мягкий и справедливый человек, что его прозвали «матерью сербов», а турки отзывались о нем как о предателе¹⁸. Не было ни одного мусульманского правителя, которого его подданные-христиане любили бы сильнее. Это был просвещенный человек, что весьма редко встречалось на Востоке; он всячески поощрял развитие торговли, твердой рукой карал насилие и позволял сербам восстанавливать свои разрушенные церкви и монастыри. Он вооружил их против Пазван-оглу и его янычар, и во время одного из вторжений мятежников эти сербские отряды защищали сербский народ. Национальный дух сербов, уже воспламененный Австро-турецкой войной, разогрелся еще сильнее. Именно в эту пору в их страну вернулись янычары.

Эти преторианцы сразу же поняли, что, пока Хаджи Мустафа-паша жив, они не смогут вести себя так, как им захочется, и, не теряя времени, стали готовить его убийство. Новое вторжение Пазван-оглу дало им необходимый для этого повод; в 1801 году, в тот момент, когда в Белграде не было никаких войск, янычары убили Хаджи Мустафа-пашу и разделили пашалык между четырьмя лидерами.

Султан, занятый войной с Францией, не смог выслать против янычар войска и, по их требованию, прислал нового пашу. Им стал бывший командир янычар, который выполнял все их требования. Лидеры этих громил стали теперь называться *дахами* и правили людьми, не важно, мусульманами или христианами, как им заблагорассудится. В их руках оказались суды, и, чтобы укрепить свое положение, они пригласили головорезов из Боснии и Албании. Эти бандиты принялись грабить Сербию, которую считали своей личной собственностью. Нет ничего удивительного в том, что в стране снова начались разбои, которые при Хаджи Мустафа-паше почти совсем прекратились; было подсчитано, что десятая часть населения ушла в горы.

¹⁸ Мустафа-паша был из мусульман греческого происхождения.

Мусульманские спаги, увидев, что их привилегии землевладельцев подвергаются угрозе, объединились с христианами против общих угнетателей. Султану была послана петиция, в которой сербы изложили свои жалобы; султан в ответ пригрозил янычарам, что если они не прекратят своих злодеяний, то он пошлет против них войска, состоящие «не из турок, а из людей другой веры и другого происхождения». Янычары, поразмыслив, пришли к выводу, что слова султана относились к сербам, и сразу же решили уничтожить всех вождей сербского народа. В начале 1804 года они выполнили свое намерение, но гибель сербских руководителей привела к революции; так уж получилось, что Алекса Ненадович и другие жертвы, погибшие от рук янычаров, умерли за свободу своей страны, как если бы они пали на поле боя. Весть об их гибели распространилась по Сербии, как огонь. Люди схватились за оружие, и, как это часто бывает, когда народ нуждается в лидере, этот лидер появился. Им стал Георгий Петрович, которого прозвали Карагеоргием.

Из двух великих людей, Карагеоргия и Милоша, оставивших след в истории современной Сербии, первый родился около 1760 года в крестьянской семье. Его отец занимался разведением пчел. «Черный Георгий», как называли его соратники, турки или сербы из-за его смуглой кожи, вырос в мрачном сербском лесу, и никто не учил его писать и читать.

Он зарабатывал на жизнь тем, что пас свиней и получал деньги за их продажу, которая тогда была главной статьей сербской торговли. Когда ожидалось, что между Австрией и Турцией в 1787 году вот-вот вспыхнет война, Карагеоргий бежал со своей семьей в Австрию. Его отец отказался покинуть родную страну, и Карагеоргий сам его застрелил, как утверждали одни, или велел застрелить по приказу своей матери, если верить ходившим в ту пору слухам. Карагеоргий воевал вместе с австрийскими добровольцами, стал партизаном, а потом, когда установился мир, снова бежал в Австрию. Справедливое правление Хаджи Мустафа-паши вернуло Карагеоргия в Сербию, и в тот период он мирно жил в деревне Топола, занимаясь торговлей свиньями. Когда дахи решил уничтожить всех сербских руководителей, Карагеоргий попал в их список. Но ему удалось бежать; он стал спасителем своих соотечественников и мстил врагам за их страдания.

В феврале 1804 года в городе Орашце собралась группа сербов, которая избрала Карагеоргия своим вождем. Карагеоргий не хотел принимать эту должность, опасаясь, что не сможет управлять людьми из-за своей вспыльчивости. Но другой кандидатуры на пост лидера не было, так что он, в конце концов, вынужден был согласиться. Сразу после избрания Карагеоргий выпустил обращение к сербским руководителям, богатым крестьянами и купцам, убеждая их присоединиться к нему.

Сначала люди относились к восстанию, которое возглавил Карагеоргий, с подозрением. Сербов думали, что революционеры ничем не отличаются от обычных бандитов, грабивших людей, которых они, по их словам, пришли освободить. Однако в районе города Валево два влиятельных человека, Яков и Матвей Ненадовичи, брат и сын Ненадовича, убитого янычарами, подняли знамя восстания и распространили слух, что Карагеоргий – агент султана и это их долг, как верных подданных султана, помочь сербскому вождю расправиться с мятежными янычарами. Этот аргумент убедил людей, что восстание началось с одобрения султана; больше никаких доказательств не требовалось. Селим III прославился как реформатор и враг янычар, и сербы восстали не против него, а против них. Об очень необычном характере сербской революции в ее первой фазе свидетельствовал тот факт, что ее лидеры повсюду приказывали щадить тех мусульман, которые не имели никаких связей с янычарами.

Янычары сразу же разглядели опасность и попытались подкупить Карагеоргия, но тот отказался брать у них деньги и не верил их обещаниям. Он настаивал на том, чтобы освобождение сербов было гарантировано австрийским правительством, ибо сербы в те времена считали Австрию своей естественной защитницей. Она была их ближайшим соседом; ее войска не один раз занимали Сербию; в ней жили тысячи сербов. Поэтому сербские лидеры и обратились

за помощью к Австрии. Карагеоргий пошел даже на то, чтобы предложить австрийскому императору забрать себе всю Сербию, и попросил назначить кого-нибудь из членов семьи императора сербским наместником. Предложение было очень выгодным, но оно было отклонено; один венгерский государственный деятель, которому позже удалось возродить Боснию, назвал этот отказ большой ошибкой.

Впрочем, австрийцы приняли предложение стать посредниками и попытаться примирить обе партии в Сербии. В городе Земун¹⁹, под эгидой Австрии, прошли переговоры между дахами и сербскими лидерами. Договориться не удалось, но австрийцы не отказались от поддержки повстанцев. Власти приграничных районов Австрии смотрели сквозь пальцы, как в Сербию провозят оружие и продовольствие; к революционерам присоединились многие сербы, жившие в Венгрии. Поэт Обрадович отдал в их распоряжение половину своей собственности, а офицеры, служившие в австрийской армии и обладавшие знанием военного дела, поставили его на службу революции.

Восставшим повсюду сопутствовал успех, пока наконец не забеспокоился султан и не отправил своего боснийского визиря, уже имевшего опыт управления Сербией, восстановить в этой стране порядок. Узнав о скором приезде визиря, дахи бежали на остров Ада-Кале на Дунае, неподалеку от крепости Оршова, которая даже сейчас остается одним из чудес Ближнего Востока. Здесь они были вырезаны сербами, и все думали, что с их смертью восстание, добившееся своей цели, закончится.

Сербы, вдохновленные победой, не собирались удовлетворяться тем, что еще совсем недавно считалось их конечной целью. Они потребовали, чтобы Австрия назначила своего комиссионера, который должен был убедиться, что соглашение между султаном и его сербскими подданными выполняется. Но визирь заявил, что такое вмешательство иностранной державы во внутренние дела Османской империи совершенно невозможно. Добиться компромисса не удалось, и визирь возвратился в Боснию, оставив дела в прежнем положении. Потеряв веру в то, что султан сможет провести необходимые реформы, и не сумев убедить Австрию нарушить договор с Турцией и взять Сербию под свою защиту, некоторые сербские лидеры решили обратить свой взор на два других славянских государства – маленькую Черногорию и огромную Россию. Черногория ничем не могла им помочь, тогда Матвей Ненадович и два других серба отправились ко двору русского царя. Карагеоргий пригрозил Австрии, что если она откажет ему в помощи, то он обратится к другому государю.

Карловацкий митрополит, духовный лидер венгерских сербов, один из тех интриганов, которых было так много на Ближнем Востоке, человек, прятаясь под рясой священника душу политика, уже прокладывая путь в Россию, отослав русскому министру иностранных дел меморандум, в котором выступал за создание государства Сербия. В его состав должны были войти ряд австрийских владений, в частности бухта Каттаро (Которская бухта). Они должны были стать автономными, но зависимыми от Турции провинциями, которыми будет управлять кто-то из русских великих князей или какой-нибудь протестантский принц. Однако министр иностранных дел России отклонил и предложение митрополита, и просьбы депутации. В тот момент Россия считала необходимым сохранить единство Турецкой империи, и русский министр иностранных дел посоветовал иностранному секретарю обратиться за помощью к султану. Но этот случай был очень важен тем, что он продемонстрировал стремление сербских политиков настроить Россию против Австрии. С тех пор это стало основным направлением их действий.

Султан, сильно встревоженный перспективой развала империи, решил покончить с мятежными сербами. Визирем Белграда был назначен губернатор города Ниш; он был отправлен с приказом восстановить в Сербии порядок. Вдохновленные призывами Константина

¹⁹ Ныне район Белграда.

Ипсиланти, господаря Валахии, и верой в то, что Россия в конце концов придет к ним на помощь, сербы оказали сопротивление. Произошла битва; впервые восставшие подняли оружие против своего суверена и победили его. Тут у мусульман открылись глаза – им стало ясно, что восстание «верноподданных сербов» превратилось в революцию против султана. Последний использовал передышку, которая наступила после поражения турок, для создания органа, который занялся бы управлением Сербией.

Со времен сербской независимости в стране сохранился обычай проводить народные собрания под названием «скупщина»; такое собрание организовал и Карагеоргий. В ходе этой ассамблеи был создан постоянно действующий сенат или совет; в него избрали по одному депутату от каждого района, из которых состоял пашалык. В начале XX века здание сербского сената производило внушительное впечатление; но тогда, в начале XIX века, примитивный совет, который собрался в отдаленном монастыре, где не было ни кроватей, ни провизии, за исключением одного мешка муки, никоим образом не соответствовал английской идее парламентского собрания. Не имел он и реальной власти, ибо фактическим правителем Сербии был Карагеоргий.

Но даже тогда сербы еще не думали об отделении от Турции и снова обратились к султану с просьбой о мире, а к императорам Австрии и России – об интервенции. Но султан был полон решимости подавить восстание против своей законной власти, и в 1806 году турецкая армия вторглась в Сербию.

Сербская победа в битве при Мишаре, неподалеку от Шабаца, прославленная поэтами, могла бы заставить обе стороны заключить мир. Но тут началась Русско-турецкая война, и Наполеон посоветовал султану отказать сербам в их весьма умеренных требованиях. Сербы одерживали одну победу за другой (после Мишара была крупная победа у Делиграда), но испортили все дело, предательски вырезав турецкий гарнизон Белграда²⁰. К началу 1807 года в их руках оказалась вся территория пашалыка, и, впервые за всю историю, вместе с ними против турок сражался русский корпус. А пока сербы и русские воевали, их бывшие господа сражались друг с другом. Селим III стремился избавиться от янычар, а они – от него. Он хотел реформировать свою страну, но, как и все другие турецкие реформаторы, потерпел провал. Его симпатии к Франции, его европейские идеи и военная система сделали султана непопулярным среди турок старой закваски.

Естественным союзником консервативной партии в Стамбуле стал регион, населенный мусульманами. Фанатизм, закрепленные законом имущественные права и грубая сила одержали легкую победу над султаном, который хотел улучшить жизнь в своей стране. Шейх-уль-Ислам сделал двусмысленное заявление, которое было истолковано как оправдание деспотизма суверена. Командир турецкой гвардии решил последовать примеру римских легионеров и посадил на трон, с которого он согнал Селима III, Мустафу IV. После этого один дворцовый переворот следовал за другим; Селим III и Мустафа погибли от рук мятежников в 1808 году, и на их месте утвердился Махмуд II, которому предстояло стать величайшим реформатором современной Турции того времени. Впрочем, Махмуду II хватило мудрости скрывать свои планы до тех пор, пока его власть не стала такой сильной, что помешать ему уже никто не мог.

А тем временем в сербских делах стало все сильнее сказываться влияние России. В 1807 году в Белград прибыл первый официальный посол Александра I, и это стало доказательством того, что царь Всея Руси решил окружить сербов своей отеческой заботой. Между правительствами двух стран было заключено соглашение, в котором говорилось, что новое государство будет находиться под защитой царя, который разместит в Сербии русские гарнизоны и назначит всех ее высших чиновников. Но после заключения перемирия в Русско-турецкой войне

²⁰ Сербы освободили свой город в декабре 1806 г., воспользовавшись тем, что турки праздновали Ураза-байрам и потеряли бдительность – сербские герои проникли в город и, сражаясь, открыли ворота крепости, куда ворвались сербские колонны.

Россия бросила Сербию на произвол судьбы и возобновила свой протекторат только после того, как Карагеоргию предложила свою помощь Австрия. Русское правительство понимало, что Сербия поможет ему сдерживать соперницу России Австрию, и к несчастной маленькой стране начали относиться как к пешке в большой дипломатической игре. Когда военные действия возобновились и турки, несмотря на героическую оборону, разгромили сербов, русский представитель бежал, оставив Сербию беззащитной²¹.

В стране появились две партии: одна – прорусская, а другая – антирусская, и внезапную смерть лидера первой партии, Милана Обреновича, некоторые стали приписывать Карагеоргию. Более поздние авторы считали это событие началом той борьбы между семьями Обреновичей и Карагеоргиевичей, которая до 1903 года была проклятием Сербии. Вместо того чтобы действовать совместно, крестьянские вожди ссорились между собой, и, как показало время, они, будучи истинными детьми Востока, смотрели на общественные должности как на средство своего обогащения.

Русофилы добились своего – предложение турецкого правительства даровать Сербии практически ту же самую администрацию, что и в двух Дунайских княжествах, было отвергнуто. Но вскоре они обнаружили, как и сами эти княжества, что никаких требований о благодарности русский царь не желает и слышать.

Мы уже описывали, как русские, при подписании Бухарестского мира в 1812 году, обошлись с румынами; судьба сербов, которые помогали войскам царя, введенным для того, чтобы получить помощь от русского протектората, оказалась столь же плачевной. Восьмая статья Бухарестского мирного договора отдавала их на милость турецкому правительству, которое теперь, избавившись от войны с русскими, могло делать с сербами все, что угодно. Турки должны были занять старые крепости, а сербы – уничтожить новые, созданные ими самими; Порта обещала предоставить сербам «те же права, что и у жителей Архипелага», «управление внутренними делами» и «умеренные налоги, которые они будут платить лично», без сборщиков. Кроме того, было сделано много туманных заявлений о милосердии и других западных добродетелях.

Русский полк, стоявший в Белграде в течение последнего периода войны, покинул Сербию; Европа была занята войной с Наполеоном, так что позаботиться о судьбе маленькой нации, жившей за Дунаем, было некому.

В том же самом 1813 году, который был отмечен освобождением Германии от войск Наполеона, турки снова завоевали Сербию. Почти все сербские вожди, вроде Карагеоргия, бежали в Австрию; никакой интервенции иностранных войск не последовало. Так было всегда; восточный и западный вопрос нельзя было решить одновременно; когда великие державы вцепились друг другу в горло, страны Востока должны были заботиться о себе сами.

Но именно в это время в Сербии появились два новых героя, ибо Карагеоргий и другие лидеры последнего восстания бежали из страны. Милош Теодорович Обренович не играл заметной роли в этом движении. Почти на двадцать лет моложе Карагеоргия, он был сводным братом того Милана, которого, по слухам, отравил Карагеоргий. Милош был так предан брату, что взял его фамилию Обренович, в которой филологи выделяют корень «обрин». Это славянский эквивалент названия аваров, которые однажды завоевали большую часть Балканского полуострова. Он, подобно Карагеоргию, начал свою жизнь пастухом, разбогател и добился большого уважения в своем районе. Вернувшиеся турки наградили его за то, что он помог им успокоить народ. Новый паша Белграда, получивший в бою ранение в руку, назначил его чиновником, или оборкнесом, в трех районах. Какое-то время Милош Обренович испол-

²¹ В 1813 г., воспользовавшись тем, что Россия с 1812 г. продолжала сражаться с армией Наполеона I, Турция нарушила Бухарестский договор 1812 г. и напала на Сербию. Позже, после того как русские и союзные войска взяли в 1814 г. Париж, Россия потребовала выполнения обязательств предоставить широкую автономию сербам.

зовал свое влияние на благо победителей. Вместо того чтобы возглавить восстание, которое разразилось через год после возвращения турок, он помог его подавить, полагая, что время для выступления еще не пришло.

Однако жестокость, с какой было подавлено выступление сербов, убедила его, что турок можно победить только силой, а презрение соотечественников показало ему, что пришло время нанести решающий удар. В Вербное воскресенье 1815 года под дубом у церкви в селении Таково он развернул знамя сопротивления. Название этого места навсегда вошло в историю Сербии и в наши дни увековечено в одном из сербских орденов.

Собравшиеся на его призыв люди попытались забыть о своих разногласиях и вступили в союз для борьбы с общим врагом. Восстание охватило всю страну, из Австрии вернулось несколько эмигрантов. Захватив историческую крепость Пожаревац, восставшие получили преимущество над турецкими войсками, которые стояли тогда в Сербии. Состояние западной политики в тот момент заставило Махмуда II отказаться от дальнейших действий, ибо это могло привести к вторжению русских войск. Наполеон I к тому времени уже не был императором, и русский посол в Стамбуле (Константинополе) мог теперь задавать султану неприятные вопросы и напоминать ему о Бухарестском договоре.

Британские посланники на Венском конгрессе отказались помогать сербским делегатам, которые их об этом просили; русские были ближе; их сильнее, чем англичан, интересовало, что происходит на Балканском полуострове. Между сербами и турками был заключен договор. Первые сохранили свое оружие, но признали себя вассалами султана; турецкий монарх даровал им право собирать налоги и позволил участвовать в судебных разбирательствах. Для обеих этих задач в Белграде было создано нечто вроде национального сената. Восставшие также получили право называть Милоша своим лидером; благодаря своим достижениям он сделался выразителем национального сознания.

Однако проклятием балканских христиан была личная зависть. Милош, каким бы великим человеком он ни был, не терпел соперников среди своих соотечественников, и первое, что он сделал после установления мира, это устранил всех возможных конкурентов. Первый президент нового национального сената был по его требованию выдан турецкому паше и позже казнен. Один высокопоставленный епископ, который относился к Милошу с недостаточным, как ему показалось, уважением, был обнаружен среди убитых грабителями при весьма подозрительных обстоятельствах. Карагеоргия постигла та же судьба. Бывший лидер сербов тайно вернулся из ссылки, полный надежд на то, что новое восстание освободит его землю от турок. Он искренне верил, что ему удастся организовать восстание в Морее (Пелопоннесе), которое поможет отвлечь внимание султана. Он убеждал Милоша присоединиться к нему, чтобы они могли вместе вести борьбу за национальное освобождение. Но хитрый Обренович не собирался ни с кем делить свою славу. Он сообщил паше о том, что Карагеоргий вернулся; паша велел Обреновичу отослать в Белград голову освободителя. Приказ был выполнен 24 июня 1817 года Вуццей Вуличевичем, мэром Смедерево, вероятно, по распоряжению Милоша; окровавленная голова, признанная, к радости пашы, настоящей головой Карагеоргия, была отправлена в Стамбул в подарок султану.

Так погиб первый борец за сербскую свободу; смерть Карагеоргия вызвала у его соотечественников лютую ненависть к Милошу, которая сохранялась еще три поколения сербов. Милош, освободившись наконец от всех соперников, в ноябре 1817 года был признан всеми вождами своим руководителем, которые также согласились с тем, что после его смерти этот пост унаследует его ближайший родственник.

Первый акт драмы под названием «Освобождение Балкан» закончился; Сербия показала пример; теперь за ней последует Греция, которая привлечет к восточному вопросу внимание всех стран.

Глава 4. Предисловие к греческой независимости (1815–1821)

Европейские договоры 1815 года касались только тех греков, которые жили на островах, до 1797 года входивших во владения Венецианской республики. После этого, если исключить тот короткий период, когда они принадлежали Венеции, а потом на короткое время стали частью Республики Семи Островов, они находились под властью Франции. После этого острова, один за другим, стали переходить во владения англичан. По конвенции от 5 ноября 1815 года острова Корфу (Керкира), Кефалония (Кефалиния), Занте (Закинф), Айия-Мавра (Лефкас), Итака, Сериги (Китира) и Пакси, вместе с зависимыми от них мелким островками, образовали Соединенные штаты Ионических островов под протекторатом английского короля Георга III и его преемников. Согласно этому договору, главой этих островов король должен был назначить «лорда верховного комиссионера» из числа местных жителей. Этот лорд должен был созвать Законодательную ассамблею для выработки проекта новой конституции. До ее созыва в силе оставались прежние конституционные нормы.

Южные острова Ионического архипелага уже привыкли к справедливому, хотя и самодержавному, правлению сэра Хадсона Лоу, будущего тюремщика Наполеона. Среди жителей Корфу большой популярностью пользовался Джеймс Кемпбелл, которому французский комендант в 1814 году сдал остров Корфу, и они обратились к британскому правительству с просьбой назначить его первым «лордом верховным комиссионером». Однако к ним был прислан Томас Мейтленд, брат лорда Лодердейла, служивший до этого губернатором Мальты. Жители этого острова за деспотический характер прозвали его «королем Томом». Назначение этого человека оказалось неудачным, ибо первый «лорд верховный комиссионер», будучи способным и честным человеком, проявил себя совершеннейшим солдафоном. Внешне он был похож на бульдога; его язык поразил эlegantных жителей Ионических островов своей грубостью, а любовь к попойкам вызывала у корфиотов, не склонных к пьянству, глубокое отвращение.

Тем не менее Семь Островов встретили новый порядок с радостью. Кефалония (Кефалиния) назвала Мейтленда «новым Аристидом», а ионический храм на Корфу (Керкире) и архитектурные памятники на других островах до сих пор напоминают о правлении этого великодушного аристократа, которому, по странному капризу судьбы, была вверена власть над поэтическими государствами Одиссея и Алкиноя.

Томас Мейтленд, приехавший к новому месту службы в 1816 году, на основе своих наблюдений и личного темперамента пришел к выводу, что жители Ионических островов еще не готовы самостоятельно управлять своими собственными делами. Он решил, раз ему поручили даровать им конституцию, наградить их подобием свободных институтов, которые напоминали таковые лишь с внешней стороны. Он назначил «Первичный совет» из одиннадцати местных жителей, которым должен был руководить барон Эммануэль Теотокис. Этому совету было поручено созвать Учредительное собрание для выработки конституции. Теотокис был выходцем из знаменитой корфиотской семьи, которая, в лице его дяди, дала стране человека, входившего в группу лиц, занявшихся возрождением греческого языка, а также президента сената Республики Семи Островов, которым был его отец. Как патриот Греции и преданный друг Великобритании, барон Теотокис был просто создан для этого поста.

Вскоре Учредительное собрание в составе сорока человек было сформировано. Из них одиннадцать человек были членами Первичного совета, а остальные были избраны жителями островов из двойного списка кандидатов, представленного этим советом. Благодаря этой схеме, которая была создана русским послом на Ионических островах в 1803 году и поза-

имствована Мейтлендом, верховный комиссионер смог создать Первичный совет, которому было поручено составить проект конституции. Она была единогласно принята 2 мая 1817 года. Согласно этому документу, на островах был создан двухпалатный орган: Законодательная ассамблея, состоявшая из одиннадцати постоянных членов и двадцати девяти членов, выбранных по той же схеме, что и депутаты Учредительного собрания. Помимо этого, создавался сенат из шести членов, из которых четверо представляли самые крупные острова, а один представлял три более мелких острова (его избирали по очереди). Сенаторы избирались из числа депутатов Учредительного собрания; на их решения верховный комиссионер мог налагать вето. Шестой член сената, или президент, назначался сувереном из числа ионических дворян с одобрения верховного комиссионера.

Депутаты обеих палат получали заработную плату и компенсацию расходов на проезд; они служили пять лет, а президент сената должен был переизбираться каждые два с половиной года. Этот чиновник, которого могли переизбрать, получал, в качестве компенсации, титул высочества; ему обязаны были отдавать воинские почести, поскольку он являлся самым значимым человеком в Ионическом государстве после верховного комиссионера. Впрочем, его назначение и отстранение от должности зависело от этого комиссионера. Правом созывать ассамблею на внеочередную сессию (обычно она собиралась 1 марта каждого года), а также советовать британской короне распустить ее обладал лишь верховный комиссионер; таким образом, вся полнота власти принадлежала ему.

На других шести островах его представляли «резиденты», а сенат назначал своих «регентов» из числа местных жителей. Эти кандидатуры тоже должны были быть одобрены верховным комиссионером. «Регенты» должны были к тому же получать одобрение своих действий у «резидентов». Местные муниципальные советы, представителями которых были «регенты», избирались открытым голосованием.

Сенат также избирал, с согласия верховного комиссионера, двух ионических членов Высшего совета юстиции, в который английский король назначал двух британских судей. Верховный комиссионер и президент сената тоже были членами этого суда.

Без согласия сената и верховного комиссионера не могло печататься ни одно издание, за исключением правительственных. Первый номер официальной «Газеты республики Ионических островов» вышел на острове Занте (Закинф) в 1810 году под слегка измененным названием. Позже ее редакция была переведена на остров Корфу (Керкира); долгое время это была единственная газета во всей Ионии.

Долгие годы она издавалась только на итальянском языке, и, хотя греческая церковь и греческий язык были объявлены господствующими, в полиции, санитарных учреждениях и в почтовых отделениях использовался только английский, а в юридических учреждениях – итальянский (до 1849 г.). Родной греческий язык стал обязательным только в 1852 году. Такой была система управления Ионическими островами в течение 30 лет.

Ионическая конституция 1817 года, хотя и кажется нам совсем не либеральной, была детищем своей эпохи, и судить о ней следует по ее результатам. Ионические острова в течение предыдущих 20 лет были предметом постоянных раздоров и более всего другого нуждались в отдыхе и справедливом отправлении законов. Мейтленд сделал право участия в выборах привилегией дворянства, а крестьянам он помог тем, что запретил ростовщичество, которое превращало их в рабов. Кроме того, он поощрял продажу земель и организовал строительство тех великолепных дорог, которые стали лучшим памятником британскому правлению. Но он совершил ошибку, запретив народу участвовать в выборах, ибо это привело к междоусобицам и породило у людей страх.

Полагая, что хорошо оплачиваемые чиновники реже подвергаются искушениям, он повысил оплату людям, занимавшим высокие посты, и специально создал множество разных учреждений, чтобы дать работу местным жителям; однако все профессии, кроме церковных,

юридических и медицинских, были для них недоступны, а коммерция их не привлекала. Создание орденов Святого Михаила и Святого Георгия, а также присвоение высокопарных эпитетов сенаторам и депутатам удовлетворило любовь жителей Ионических островов к титулам, поэтому дворяне, особенно заседавшие в правительстве, сделались верными защитниками британского протектората.

Вскоре, однако, случилось событие, которое породило сильную неприязнь к британцам и до сих пор вспоминается в греческих землях как огромная ошибка британской политики. Согласно русско-турецкой конвенции от 21 марта 1800 года, Турция получила бывшие континентальные владения Ионических островов при условии, что она будет соблюдать их древние привилегии, а более поздняя конвенция, которая поместила эти владения под британский протекторат, сделала специальную ссылку на это условие. К тому времени все четыре континентальных владения, за исключением Парги, достались Али-паше Янинскому. На Парге, однако, был размещен, по приказу Наполеона, французский гарнизон – когда в 1807 году Ионические острова стали французскими. Это произошло потому, что договор 1800 года был аннулирован из-за нарушения Али-пашой условий, которые гарантировали сохранение древних привилегий бывшим владениям Венеции.

Это соглашение выполнялось французами до 22 марта 1814 года, когда Чарлз Гордон, британский комендант острова Пакси, расположенного рядом с Паргой, занял Паргу по просьбе его обитателей, опасавшихся, что французы передадут его Али-паше. Жители Парги верили в то, что их просьба включить их земли в состав Ионических островов, как это было во времена венецианцев, будет уважена. Правитель-регент одобрил оккупацию Парги; сюда был прислан британский офицер; казалось, что они, подобно жителям Ионических островов, будут рады, что попали под защиту британской короны. Турция, однако, потребовала, чтобы условия договора 1800 года были выполнены, и Томас Мейтленд, который заявил, что никаких «уверений в более тесной связи» во время оккупации 1814 года сделано не было, решил Паргу отдать. К тому же он подсчитал, что удержание этого места будет ежегодно обходиться Англии в 50 000 фунтов стерлингов. Пусть его забирает Турция, решил он.

Соответственно, в начале 1817 года подполковник де Боссе, швейцарский офицер на британской службе, был отправлен на Паргу, чтобы подготовить местных жителей к тому, что их город перейдет под власть султана. Кроме того, он должен был сообщить всем, кто пожелает его покинуть, о компенсации, которую они получают за потерю своих домов и имущества, а также о том, что переезд на Ионические острова будет им оплачен. Все жители единодушно решили покинуть свой родной дом, не желая становиться подданными султана, ибо хорошо знали о том, как жестоко турецкий паша в Янине обходится с местными жителями. Однако разногласия в оценке имущества заставили их надолго отложить свой отъезд. Владельцы оценили свое имущество в 600 тысяч фунтов стерлингов, члены турецкой комиссии – лишь в 56 756 фунтов; оценщики с острова Корфу, ориентируясь на цены Корфу, в 280 тысяч. Мейтленд приказал уменьшить эту сумму на одну треть, поскольку собственность находилась на континенте, и еще на треть, объяснив это тем, что оплата будет производиться наличными. Он сообщил жителям Парги, что они получают не более 150 тысяч. Тогда бездомное население Парги, за исключением двух семей, выкопало из могил кости своих предков, сожгло их и покинуло остров, и 10 мая «Юнион Джек» (английский флаг) был заменен турецким. Так прекратила свое существование последняя свободная греческая коммуна.

Однако, прибыв на Корфу (Керкиру), переселенцы обнаружили, что в их компенсациях были сделаны новые вычеты. Али-паша Янинский предложил Мейтленду получить всю сумму в обесцененных монетах; Мейтленд вычел еще 8 тысяч фунтов, собираясь выдать переселенцам 142 тысячи; из этой же суммы он взял себе еще один процент за фрахтование судов, а также в качестве комиссии. Однако жители Парги отказались принять это решение. Тогда правительство пообещало построить для них храм; помимо этого, беженцам были предоставлены

бесплатные дома в пригороде города Корфу (Керкира) Мандучио, где до сих пор проживают их потомки. В гарнизонной церкви города Корфу (Керкира) можно увидеть священные картины и мебель, которые были помещены сюда на хранение до тех пор, пока старые дома не станут снова «свободными». Теперь, когда этот день, давно обещанный, но постоянно отодвигаемый, наконец наступил, сдача Парги, проклятая в итальянских стихах Берчета, а с еще большей силой – в знаменитой греческой балладе, не перестает терзать сердца людей высокого духа. Эти люди никогда не простят британцам того, что они отдали их очаги и алтари туркам, пусть даже ради соблюдения международного договора.

Али-паша Янинский добился наконец, чего желал. Но султана уже давно тревожила растущая независимость своих номинальных подданных, и он нанес удар по чересчур влиятельному сатрапу, которым был его второй сын Вели. Ранее он перевел его из губернаторов Мореи в Ларису, а теперь вообще сослал в захудалый пашалык Лепанто. Али-паша увидел в этом руку своего личного врага албанца бея Измаил-паши, который когда-то был его верным другом, а потом бежал в Стамбул и втерся в доверие к султану. Привыкнув убирать со своей дороги все препятствия, Али-паша нашел убийц и велел им уничтожить врага. Покушение, однако, сорвалось; убийцы сознались, кто их послал, и разгневанный султан объявил Али-пашу мятежником и отщепенцем, а его пашалык отдал бею Измаил-паше.

Опасаясь, что его прикажут убить, Али-паша волей-неволей вынужден был обратиться за помощью к грекам. В этом не было ничего удивительного, ибо паша, хотя и верил в Аллаха, своим мусульманским слугам не доверял и не построил ни одной мечети. Он предпочитал пользоваться услугами греческих епископов в качестве своих доверенных людей, а еще строил церкви для их прихожан, в дипломатической переписке использовал греческий язык и приказал преподавать его в двух колледжах, которые патриотичные греки, из любви к знаниям, открыли в Янине. Здесь говорили на самом правильном с точки зрения грамматики греческом языке, в отличие от других мест. С албанцами он вел беседы о независимости, с греками – о конституции. Один грек, Омер Врионес, который завоевал себе славу и богатство, сражаясь с мамелюками Египта, и один из этих воинов, Одиссей, сын знаменитого разбойника Андроут-соса, оказывали ему всяческую поддержку. Но греки в целом не испытывали симпатии к этому тирану, и по всему Эпиру ходила недобрая слава о его жестокости.

Войскам султана везде сопутствовал успех; ему сдалась Парга, последнее приобретение Али-паши, и Измаил пригласил изгнанных паргиотов вернуться домой. Омер Врионес предал Али-пашу и бежал; даже сыновья Али-паши Мухтар и Вели сдали города: один – Берат и Аргирокастроу (Гирокастра), а другой – Превезу (их все равно убили в 1820 г.). Изгнанные сулиоты, помня о том, как Али-паша обошелся с их родиной, приплыли с острова Корфу под командованием Марко Боцареса, чтобы помочь турецким властям разгромить мятежника. Али-паша был осажден в своей столице и превратил процветавший город в груды сгоревших развалин, чтобы он не достался врагу.

Однако турецкий командующий Измаил-паша, который получил эту провинцию после убийства (вопреки условиям капитуляции в 1822 г.) Али-паши, вместо того чтобы достичь соглашения с христианами, настроил их против себя. Из-за его поборов и вымогательств местные вожди превратились в его врагов, а сумисты, которым так и не удалось вселиться в обещанные им дома и получить обещанную плату, согласились забыть о жестокости своего прежнего врага и перешли на службу к Али-паше. Убедившись в неспособности Измаила управлять пашалыком, султан передал верховное командование Хуршид-паше²², губернатору Мореи и ветерану войны с Египтом. Но не успел новый командующий приехать в Янину, как с восточной стороны Балканского полуострова над Турцией нависла новая опасность.

²² Хуршид Ахмед-паша (?–1822) родился в Грузии, затем стал янычаром, после чего, замеченный султаном Махмудом II, стал быстро подниматься по служебной лестнице. В 1812–1815 гг. был великим визирем.

В течение шести предыдущих лет в Греции действовала тайная организация под названием «Филики Этерия» («Филики Гетерия») или «Союз друзей», которая готовила восстание против турок. Основанная в 1814 году в Одессе в России Николосом Скуфасом, уроженцем Арты, Атанасиосом Цакалофом из Янины и Панагиотом Анагностопулосом из Мореи, она состояла из семи классов. Самыми младшими были вламиды (от албанского слова, означавшего «названные братья»), а на вершине располагались «руководители посвященных». Этим обществом управлял тайный комитет, известный как Высшая власть. В течение трех первых лет своего существования общество почти ничем себя не проявило, но позже его «апостолы» приобрели многочисленных последователей на островах и в Мореи. Среди посвященных был даже Петрос (Петробей) Мавромихалис, правитель Мореи. Поступило даже предложение пригласить в члены общества Али-пашу Янинского.

Вскоре стало понятно, что руководство обществом следует доверить человеку, занимавшему большой пост. Мысли греков, естественно, обратились к графу Каподистрии, прославленному корфиоту, который во время французской оккупации своего родного острова отказался от врачебной практики и занялся общественной деятельностью. С 1800 г. он был секретарем законодательного совета республики Ионических островов, с 1803-го – статс-секретарем республики по иностранным делам, в 1807 году начальником местной милиции. В 1809 году он перешел на службу России, в которой, благодаря милостивому отношению к нему императора Александра I, достиг больших высот. Обладая талантом дипломата, он очень быстро выдвинулся и стал представлять свою новую родину на конгрессах в Вене, Париже и Ахене.

Однако Каподистрия лишился приобретенного положения, когда Кстантос, эмиссар общества, перешел на службу к князю Александру Ипсиланти, старшему сыну одного господара, который сначала правил Молдавией, а потом Валахией, и внуку другого.

Генерал-майор русской армии (1817), Ипсиланти потерял в битве при Дрездене (1813) правую руку. Благородное происхождение, связи в России и личная храбрость сделали его подходящим руководителем для греческой революции, которой, благодаря этому, сочувствовал русский император. Ипсиланти согласился и 27 июня 1820 года был провозглашен Генеральным комиссионером Высшей власти (председателем «Филики Этерия»).

Сначала он собирался поднять знамя революции в самой Греции, но, поразмыслив, решил начать борьбу в Дунайских княжествах, с которыми так долго были связаны его предки. Для поверхностного наблюдателя Валахия и Молдавия могли показаться не самым удобным местом для атаки, но Ион (Иоанн) Караджа, бывший господарь Валахии (в 1812-1818 гг.), состоял членом общества, а Александр Суцу, его преемник, ненавидевший революцию, в начале 1821 года был, по слухам, отравлен. Михаил Суцу, господарь Молдавии, и литератор Яковос Ризос Нерулос, его министр иностранных дел, состояли в переписке с Ипсиланти.

Однако коренное население обоих княжеств считало греков-фанариотов не освободителями, а тиранами; румынские крестьяне не испытывали никакого сочувствия к греческому делу; и так уж получилось, что то же самое движение, которое избавило Грецию от турецкого ига, освободило румын от греческих князей, которые ими правили.

Тем не менее, уверенный в своем успехе, Ипсиланти, в сопровождении нескольких сторонников, перешел Прут, по которому с 1812 года проходила граница России и Турции. Это произошло 6 марта 1821 года. Он без сопротивления овладел столицей Молдавии. Гвардия господара перешла к нему на службу; небольшой отряд турок в Яссах был разоружен, и Ипсиланти и Суцу встретились в доме министра.

Однако обладание властью очень скоро выявило некоторые недостатки революционного лидера. Полный благородных чувств, он не имел опыта управления людьми и делами. Его манифест, в котором он объявил, что «ужасная власть готова покарать храбрость турок и уничтожить их», вызвал недовольство русского правительства. Резня турок в Галаце и Яссах про-

будила в душах их соотечественников фанатизм; а шантаж, которому подвергся один местный банкир в интересах революции, напугал других дельцов. Царь Александр разочаровался в Ипсиланти и вычеркнул его имя из рядов русской армии. Патриарх Константинопольский под давлением султана отлучил будущего спасителя греков и нынешнего господаря Молдавии от церкви. Ипсиланти медленно приближался к Бухаресту; Суцу бежал в Россию. Это был последний фанариотский князь, который управлял румынской землей.

Прибыв в Валахию, Ипсиланти обнаружил новое препятствие – там началась революция, носившая националистический характер. После смерти Александра Суцу мелкий помещик Тудор Владимиреску, прозванный так потому, что в последней Русско-турецкой войне был награжден русским орденом Святого Владимира, поднял в Малой Валахии восстание против дворян, греков и румын. Этот мятеж, сначала носивший не политический, а социальный характер, сразу же после того, как его лидер вошел в Бухарест, превратился в политический и националистический. Валашские дворяне увидели, что им лучше всего дистанцироваться от греков и направить свою агитацию, отдававшую Французской революцией, против иностранцев, которые так долго правили их страной. Тудор договорился с дворянами-«патриотами», которые прекратили военные действия против войск султана; таким образом, его лозунги стали диаметрально противоположными лозунгам Ипсиланти. «Греция, – объяснил он вождю этеристов, – принадлежит грекам, а Румыния – румынам».

Тем временем турки активно готовились к захвату Румынии. Турецкая армия вошла в Бухарест, и Ипсиланти, подозревая, что его соперник готовит предательство, велел его арестовать, а потом позволил прикончить безо всякой жалости. Греки объявили Тудора предателем, а его соотечественники – патриотом. После этой революции Валахией стали управлять румынские князья.

После подавления румынского восстания Ипсиланти недолго продержался в Валахии. 19 июня «священный отряд», сформированный им из молодых греков, принадлежавших к верхнему и среднему классам общества, которым командовал его брат Николай, оказав в Драгашани героическое сопротивление туркам, был изрублен в куски. Получив известие об этом, Александр Ипсиланти стал думать только о том, как ему спастись самому. Изготовив подложное письмо, он заявил, что его вызывают на австрийскую границу, чтобы обсудить военную операцию, которую, по его словам, хотел провести против турок австрийский император. Бросив своих солдат на произвол судьбы, он вместе со своими двумя братьями бежал в Австрию. Отсюда, находясь в полной безопасности, он отправил оскорбительную прокламацию людям, которых предал. Впрочем, на этот раз политика Меттерниха совпала с требованиями справедливости. Беглый лидер был арестован, стал пленником (с 1821 по 1827 г.) австрийского императора и умер в 1828 году в Вене.

Брошенные им греческие бойцы, в отличие от своих лидеров, проявили чудеса храбрости. Князь Георгий Кантакузин, который командовал армией восставших в Молдавии, повторил поступок своего командира и бежал в Россию, но его молодые греческие бойцы решили нанести последний удар в защиту своего дела. У Скулени, в том месте, где Ипсиланти форсировал Прут, отряд, насчитывавший около пяти сотен героев, 29 июня дал туркам последний бой. После отчаянного сопротивления в живых осталась лишь четвертая часть бойцов, которая спаслась, переплыв реку Прут; остальные погибли на поле боя или утонули; русские, стоявшие на том берегу, аплодировали их стойкости. Но даже после этого Георгакис с горы Олимп, военный командир и греческий патриот, командовавший войсками в Валахии во времена ее последнего князя, удерживал молдавский монастырь Секу до тех пор, пока не увидел, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Тогда он поджег пороховой погреб и взлетел на воздух вместе с ним. Его товарищ, македонец Фармакис, почти две недели продолжал оборонять оставшуюся в его руках часть монастыря, пока 4 октября его не убедили сдаться, пообещав сохранить ему жизнь. Это обещание было нарушено – он был отвезен в Стамбул и обезглавлен.

Так, продержавшись полгода, борьба этеристов в Дунайских княжествах закончилась поражением. Это мрачное предисловие к Греческой революции осветили подвиги бойцов, совершенные под Драгашани и Скулени.

Но если война Ипсиланти не оказала почти никакого влияния на ход событий в Греции, то в Румынии она привела к полной смене власти. До этого султан отдал оба свободных трона в Дунайских княжествах господарю Молдавии, но революция в обеих этих странах помешала ему сделать это. В Молдавии и Валахии правили греческие губернаторы, но местное дворянство, желая избавиться от фанариотской администрации, которая управляла ими с 1711 года, использовало революцию этеристов для того, чтобы указать султану на ту опасность, которой подвергается его империя, когда важные посты в ней занимают представители враждебного народа. После того как греческое восстание в княжествах было подавлено, румынские бояре обратились к султану с просьбой разрешить им избирать господарей из своих собственных рядов. Их просьба была удовлетворена, и в 1822 году на трон Валахии взошел Григорий IV Гика, румынизированный албанец, а Молдавию возглавил Ион Стурдза, представитель древнего румынского клана. Так закончилось греческое управление Дунайскими княжествами. Это произошло в то время, когда само турецкое владычество над Грецией подходило к концу. Греческая и румынская независимость родились одновременно.

Глава 5. Война Греции за независимость (1821–1829)

Не прошло и месяца с тех пор, как Ипсиланти перешел Прут, как в Морее вспыхнуло восстание. Время и место для него были выбраны очень удачно. Турки были заняты подавлением двух мятежей: одного – за Дунаем, а другого – в Янине, куда явился губернатор Морей, чтобы разгромить Али-пашу; одновременно с этим туркам пришлось вести войну с Ираном. На полуострове Пелопоннес, где христиане составляли большинство, имелись богатые и влиятельные люди, которые могли возглавить восстание. Здесь же совсем недавно была создана комиссия из семи «эфоров», которым было поручено составить его план и распространить по всей стране. В начале весны 1821 года пришло время начать борьбу.

По традиции началом греческого восстания считается 6 апреля (25 марта по старому стилю). В этот день Германос, митрополит Патраса, поднял священное знамя с изображением Успения Пресвятой Богородицы. Это произошло в монастыре Агия Лавра около города Калаврита. Но, как и большинство греческих восстаний, это тоже началось с отдельных нападений на мусульман, которые к концу марта сделались все более частыми. 2 апреля мятеж охватил всю Грецию; в тот день греки осадили турок в Калаврите, а на следующее утро Петро-бей окружил Каламату. Обе крепости сдались; был отслужен торжественный молебен, в котором греки воздали Всемогущему Богу хвалу за его помощь, а бей Морей, избранный президентом сената Мессении, зачитал обращение ко всем христианам Европы. Одновременно с падением Каламаты началось восстание в Патрасе; слова популярной песни, в которой говорилось, что «в Морее не должно остаться ни единого турка», были воплощены в жизнь – по всему полуострову было убито несколько тысяч мусульман. Греки одержали победу под Валтецией, неподалеку от Триполиса, которая продемонстрировала их силу и отвагу.

Оттуда борьба перекинулась на другой берег Коринфского залива, где Салона, увенчанная своим прекрасным средневековым замком, снова стала христианской. Служивший Али-паше Афанасиос, по прозвищу Дьякос (Диакос), поскольку в молодости он был монахом, добился сдачи Левадии в Беотии, мусульманское население которой разделило судьбу своих соотечественников, живших в Морее. Но героический дьякон погиб, пытаясь удержать мост Аламан между Фермопилами и Ламией, где ему поставили памятник, увековечивший то мужество, с которым этот «Леонид современной Греции» сражался за то, чтобы его соотечественников не сажали на кол. Не менее храбрый, но более удачливый, Одиссеос оборонял перевал в Гравии. Крестьяне Парниса без особого труда захватили город Афины, в котором тогда проживало около 10 тысяч человек (во время переписи 1822 года там насчитали всего 1235 домов). В Афинах жили французский и австрийский консулы, находилась резиденция турецкого воеводы и стоял небольшой гарнизон. В 1778 году тиран Хаджи Али Хасеки поспешно обнес город стеной, поскольку к нему приближались вражеские отряды. Но афинский Акрополь, заново укрепленный турками после венецианской осады, сопротивлялся до середины лета следующего года. На западе Месолонгион и Агринион тоже присоединились к общему восстанию, так что в течение трех месяцев после начала революции вся страна к югу от заливов Малиакос и Амвракикос, за исключением крепостей, оказалась в руках восставших греков.

В северных районах страны этерист Антимос Газис, который за десять лет до этого стал издавать в Вене первую в истории греческую газету, зажег пламя восстания в деревнях, которые располагались «в складках Пилиона», и для управления делами этого региона было создано временное правительство под названием Ассамблея Фессало-Магнисиис.

Борьбу эллинов поддержали и жители трех полуостровов, которые вдаются в море на побережье Македонии; даже монахи на горе Афон вооружились, чтобы постоять за свою религию и свободу. Однако из-за внутренних раздоров фессалийцы вскоре попали под гнет паши Драмали, и все атаки турок пришлось отбивать одному лишь Трикерииону, стоящему у входа

в залив Воло (Пагаситикос). Абулабад, губернатор Салоников, еще до конца года подавил восстание на трех полуостровах, захватив Касандру и оккупировав Святую гору Афон. На островах первым поднял греческий флаг Спеце; вдова одного из жителей этого острова, героическая Бубулина, не только заблокировала за свой счет залив Навплия (Арголикос), но и лично приняла участие в его блокаде. За Спеце сразу же последовал остров Псара, но жители Гидры (Идры), из-за нежелания богатых примасов помогать восставшим, сомневались до тех пор, пока капитан одного из кораблей, которого звали Ойкономос, связанный с Союзом друзей, не встал во главе восставших и не заставил местных богачей снарядить эскадрон под командованием жителя острова Идра Томбазиса.

Остров Самос заявил о том, что поддерживает союз с Грецией, заключенный девять лет назад. Крит, на котором жило 160 тысяч мусульман и 100 тысяч христиан, что сильно отличалось от соотношения, сложившегося в годы поздних восстаний, воспринял известие о революции с нескрываемым безразличием, несмотря на то что в те времена, по выражению Пэшли, это «была провинция, которая во всей Турецкой империи управлялась хуже всего». Французский консул в Ханье, единственный представитель европейской страны, которому было позволено поднимать свой флаг, сообщал, что «власть паши» в этом городе «сошла на нет». Местные власти не имели сил контролировать янычар, отряды которых состояли здесь из одних критских мусульман, греков по происхождению и языку, но всегда наиболее фанатичных сторонников ислама. «Ни один христианин, – сообщают нам источники, – не чувствовал себя хозяином в своем доме». В здешних краях существовал такой обычай: шантажисты посылали своей жертве пулю, завернутую в записку, в которой требовали выплатить означенную сумму денег. Если человек отказывался платить, его тут же убивали. Короче говоря, «ужасы и зверства, которые почти ежедневно происходили на Крите, вряд ли имели свои параллели на всем протяжении Османской империи».

Единственным исключением были жители Сфакии, которых удалось принудить платить подушный налог всего лишь за пять лет до этого. Летом 1821 года гибель тридцати христиан в Ханье и убийство митрополита Кандии (итальянское название острова Крит) и пяти епископов прямо в алтаре местного собора показали критянам, жившим в горах, какая судьба их ждет. Приказ сфакиотам сложить оружие заставил их выйти в поле. Они восстали против турок и осадили Ханью, а суда, пришедшие из Кассоса, перерезали пути снабжения со стороны моря. Но греческий флот сжег турецкий военный корабль, а потом занялся спасением греков, населявших процветающий приморский город Айвали (Айвалык) в Малой Азии, вместо того чтобы использовать свое преимущество в силе в Эгейском море. В этом отношении 1821 год стал предвестником 1897 года, а не 1912-го.

Султан Махмуд II был не тем человеком, который мог позволить своим подданным отвергать его власть; он применил привычное для турок средство подавления и предотвращения мятежей – устроил резню среди соотечественников-революционеров. Когда до него дошли вести о том, что в княжествах погибли турки, он велел казнить тех греков, на которых пало его подозрение; когда же стало известно о том, что в Морее были вырезаны все жившие там турки, он казнил Мурузиса, греческого переводчика Порты, и нескольких других ведущих фанариотов. Не удовлетворившись этим, он решил нанести удар по греческому народу, уничтожив самого почитаемого грека – константинопольского патриарха Григория V, уроженца Морей. В Пасхальное воскресенье патриарх был повешен на воротах своего дворца, а после того, как его тело три дня оставалось выставленным на всеобщее обозрение, оно было отдано евреям, непримиримым врагам эллинизма (и православия). Они протащили его по улицам города и выбросили в море. Греки выловили тело мученика; оно было похоронено в Одессе (в России), а через пятьдесят лет перевезено в митрополичий собор в Афинах.

За казнь Григория V последовали другие: Карл (Скарлат) Каллимаки, которого султан назначил господарем княжеств, был убит в тюрьме; на парапетах Салоников были выставлены

головы казненных греков; от рук мусульманских фанатиков погибли многие жители Смирны, Родоса и Кипра. У греков 1821 года, как и у армян, жертв резни 1915-го, не было своего собственного государства, к которому они могли бы обратиться за помощью. Тем не менее у них была возможность вызвать сочувствие культурной Европы во имя своих великих предков, которое так часто их спасало; они могли рассчитывать на помощь русского царя, который был их единоверцем и проводил политику защиты православных христиан. Но Александр I находился в сложном положении: как член Священного союза, он не имел права поддерживать революционное движение; но как покровитель православного населения Турецкой империи, не мог спокойно смотреть на его уничтожение. Он удовлетворился тем, что разорвал дипломатические отношения с Портой и в течение пяти лет колебался между страхом перед революцией и своей преданностью православию.

Так началась война за независимость Греции – без помощи иностранных держав и без участия добровольцев из других стран, которые появятся позже. В этой войне можно выделить три этапа: первый, с 1821 по 1825 год, когда греки одерживали победы; второй, который начался после высадки войск сына правителя Египта Ибрахим-паши в Морею в 1825 году и продолжался до 1827 года, когда удача от греков отвернулась; и третий, начавшийся с вмешательства Великобритании, Франции и России и завершившийся в 1829 году последней битвой греков с турками.

Первые победы греков в Морею были одержаны военачальниками, которые действовали независимо от каких-либо властей. В это время в Каламате появился Мессинский сенат, а в Пилионе – Ассамблея Фессало-Магнисии, однако ощущалась нужда в создании какого-нибудь совета, который мог бы руководить действиями на всем Пелопоннесском полуострове. Поэтому 7 июня 1821 года на собрании в монастыре Калтезей был создан Пелопоннесский сенат. Сначала он состоял из шести, а позже – из восьми магнатов и верховных чинов церкви. Он был наделен диктаторскими правами. Главнокомандующим греческой армией был назначен Петро-бей; он должен был оставаться на этом посту до взятия Триполиса.

Но через двенадцать дней после его назначения в Грецию приехал князь Деметриос Ипсиланти, младший брат вождя этеристов, который стал представителем брата. В эпоху телеграмм тщета претензий вновь прибывшего немедленно сделалась бы достоянием людей, ибо в день его высадки кампания его брата практически завершилась – при Драгашани он был разгромлен. Но вести в те годы путешествовали медленно; поэтому Деметриос Ипсиланти сумел произвести впечатление на греков; даже Петро-бей признал главенство этого двадцатипятилетнего отставного капитана, который приехал из России, чтобы освободить Грецию и править ею.

Впрочем, когда пришли известия о Драгашани, пелопоннесские сенаторы сказали себе: «Почему мы должны подчиняться власти того, кто представляет разгромленного и дискредитированного лидера?» Только угроза его отъезда и последующего солдатского бунта заставила их подчиниться Ипсиланти, как своему главнокомандующему.

Тем не менее, несмотря на разногласия между Ипсиланти и сенатом, Монеувасия и Наварин (Пилос), который называли греческим Портсмутом, были оставлены турецкими гарнизонами и сданы грекам. Воды прекрасного залива покраснели от крови убитых турок. В тот день, когда сдалась Монеувасия, в Грецию приехал еще один талантливый человек – Александр Маврокордатос, представитель старинной фанариотской семьи, из которой вышло пять молдавских князей и два валашских, а сам он имел придворную должность.

Начало революции застало его в ссылке, в Пизе в Италии, откуда он уехал в Грецию, чтобы отдать свою судьбу в распоряжение своего народа. Однако, возмущенный ссорами между Ипсиланти и Пелопоннесским сенатом в лагере у Триполиса, Маврокордатос принял предложение организовать органы управления в Этолии и Акарнании и созвал в Месолонгионе Ассамблею Западной континентальной Греции, президентом которой и стал.

Еще один фанариот, Теодор Негрис, создал более представительную организацию в восточной части континентальной Греции, присвоив ей название Ареопаг. Она заседала в Салоне. А тем временем 5 октября пала турецкая столица Мореи, а ее обитатели были безжалостно вырезаны. По оценкам современников, при штурме города и последовавшей за ним резне погибло не менее 8 тысяч мусульман и евреев, а после разграбления Триполиса разбогатели многие греческие семьи Мореи. Но природа им отомстила – вскоре после резни вспыхнула эпидемия.

Считалось, что после захвата пелопоннесской столицы Пелопоннесский сенат прекратит свое существование; Ипсиланти с большой радостью издал воззвание о созыве Национальной ассамблеи, которая должна была покончить, как он ясно дал понять, не только с тиранией турок, но и примасов. Эта ассамблея собралась в Аргосе, но очень быстро была переведена в деревню Пояда, расположенную неподалеку от Эпидавра, по которому и получила свое название, сохранившееся в истории. Здесь 13 января 1822 года, в греческий Новый год, была провозглашена Эпидаврская конституция – первая попытка создать в Греции централизованное управление. Согласно этой конституции, был создан совет из семидесяти ежегодно избираемых членов и исполнительный совет – из пяти членов. Президентом послед него органа был назначен Маврокордатос; он назначил министров восьми департаментов. Основными принципами работы этих органов были: равенство всех перед законом, веротерпимость, свобода еще не существовавшей прессы и республиканская форма управления. Но эти принципы вряд ли могли быть осуществлены в стране, только что освободившейся от многовекового турецкого деспотизма, а также из-за особенностей, связанных с коммунальной структурой ее организации. Эту конституцию писали в основном итальянцы, в ней хорошо заметна любовь латинских народов к симметрии, которая никак не соответствовала реальным условиям жизни в Греции. Пелопоннесская конституция была составлена примасами Мореи, которые создали сенат своей провинции из двадцати членов, призванных защищать их интересы.

Впрочем, какое-то время фортуна улыбалась ассамблее. Пока она еще заседала, пришло известие о захвате Коринфа, и этот город, благодаря своему расположению в самом центре страны, сделался первой столицей свободной Греции. Над коринфским акрополем взвился бело-голубой флаг молодого греческого государства.

Пока греки на Коринфском перешейке и южнее его торжествовали, турки в Эвбее разбили армию старшего сына Петро-бея Элиаса; самого его убили, а на северо-западе Греции восстановили свою власть. Операции Хуршид-паши против Али-паши Янинского были прерваны из-за того, что позади него вспыхнула революция. Однако осенью ему удалось овладеть крепостью Лифарица, которую правитель Янины построил на командной высоте неподалеку от озера.

После этого он захватил цитадель, откуда Али-паша удалился на остров, который был местом летнего отдыха горожан. Али-паша получил от Хуршида Ахмед-паши обещание, что его жизнь будет сохранена, но преемник Хуршида Махмуд Драмали-паша нарушил это обещание, которое, как он утверждал, связывало его по рукам и ногам. 5 февраля 1822 года он посетил Али-пашу в небольшом женском монастыре на острове и убил его ударом кинжала в сердце. Однако автору этой книги показали следы пуль, которые, согласно местному преданию, остались от выстрелов солдат, убивших «старого льва», стреляя через деревянную дверь. Так в центре прекрасного озера в возрасте 72 лет погиб талантливый, но беспринципный тиран, который видел смерть многих своих жертв. Романтическая поэма связывает его кончину с тем, что в водах этого озера утонула прекрасная девушка Евфросинья.

Голову старого паши вместе с головами трех его сыновей и внука привезли в Стамбул и выставили на всеобщее обозрение, а потом похоронили за воротами Селимбрия. Гробница на утесе, который высится над озером в Янине, и греческая надпись за затвором шлюза сохраняют

в его резиденции память об одном из тех албанцев, слава которых разнеслась далеко за горами их дикой родины.

Если смерть Али-паши продемонстрировала европейским государственным мужам усиление власти султана в Эпире, то после другого события греки обрели симпатии всего цивилизованного мира. Из всех островов архипелага в Эгейском море самым богатым и наиболее спокойным был Хиос, знаменитые мастиковые деревья которого находились во владении султанских жен. Жители Хиоса были богаты и миролюбивы. Они вовсе не собирались рисковать своими жизнями и владениями ради сомнительного дела революции. Из-за этого они сильно упали в глазах других греков, не приобретя взамен симпатии турок. Не обращая внимания на явно выраженное желание жителей Хиоса воздержаться от действий, направленных против султана, ибо они вовсе не желали быть спасенными от тирании, которая им совсем не мешала, хиосец по имени Бурниас, когда-то служивший во французской армии, и авантюрист с острова Самос Ликургос Логофетес, который на своем острове сделался чем-то вроде диктатора, в марте 1822 года высадили свои войска на Хиосе и оккупировали его столицу. После этого капудан-паша Кара-Али²³ отправил на этот остров большую армию; турки захватили город и вырезали в нем всех греков, которые попались им под руку. Только желание сохранить сады с мастиковыми деревьями заставило капудан-пашу предложить помилование тем, кто сумел уцелеть.

Два негодяя, поднявшие неудачное восстание, бежали с острова, где дымящиеся развалины сорока шести деревень, разрушенный город и горы трупов свидетельствовали о провале их авантюры. Тысячи жителей Хиоса были увезены с острова в качестве рабов; тысячи других бежали и превратились в нищих, умолявших подать им милостыню, ибо они не могли купить себе хлеба. Страдания хиосцев вызвали у их соотечественников желание отомстить, и к опустошенному острову направился флот, которым командовал Андрей Мьяулис, храбрый моряк с острова Идра (Гидра), который прервал свой заслуженный в тяжелых боях отдых, чтобы помочь соотечественникам. Ночью 18 июня, когда капудан-паша праздновал Ураза-байрам, молодой моряк с острова Псара по имени Константин Канарис направил к судну турецкого адмирала свой горящий брандер. Флагман турецкого флота загорелся и взорвался; погибла почти вся его команда. Увидев это, капитаны других кораблей обрубили в панике якорные канаты и бежали. Зато их соотечественники на острове отомстили за смерть адмирала, которого привезли на берег, где он и умер. Они разграбили все уцелевшие в прежних боях деревни и вырубили мастиковые деревья.

Этот акт возмездия завершил разгром самых богатых греческих островов; было подсчитано, что из 115 тысяч христиан, населявших Хиос еще в апреле, до августа дожили лишь 1800 человек! 23 тысячи было убито, 47 тысяч продано в рабство, а другие рассеялись по разным частям эллинского мира.

Уничтожение Хиоса стало благом для острова Сирос, ибо беглецы с Хиоса основали на этом острове новый православный город и создали производство восточных сладостей, на которые Сирос имел монополию. В 1825 году новый город получил название Гермуполис (Эрмуполис) в честь бога торговли Гермеса. Главным делом трудолюбивых переселенцев была торговля.

Весной 1822 года султан, овладевший к тому времени Фессалией и Яниной, приказал начать покорение Греции одновременно с востока и запада. Но еще до того, как Махмуд-паша Драмали, которому было поручено командовать западной армией, начал боевые действия, турки, державшие до этого в своих руках Акрополь в Афинах, сдались. 21 июня была подписана капитуляция; вторая статья этого договора гарантировала сохранение жизни гарнизону, однако слухи о наступлении Махмуда Драмали вызвали в Афинах панику. Многие, как и в ста-

²³ **Кара-Али** – командующий военно-морским флотом Османской империи.

рину, бежали на остров Саламин, а солдаты напали на афинских турок и вырезали несколько сотен; другим удалось спастись благодаря тому, что консулы проявили храбрость, а в порту появились два французских военных корабля.

Анархию, царившую в городе, удалось победить лишь после того, как Одиссеос занял Акрополь. Здесь до 1888 года еще сохранялся бастион, который он построил, чтобы защитить древнюю клепсидру и обеспечить своих воинов водой. Имя этого революционного лидера с тех пор ассоциировалось с этой священной горой.

А тем временем Махмуд Драмали с большой помпой вошел в Морею. Это было сделано при таких обстоятельствах, что все вспомнили о турецком походе столетней давности, целью которого было отбить это венецианское владение. Акрокоринф (акрополь Коринфа) был оставлен гарнизоном, и турецкий командующий сумел дойти до самого Аргоса, но болезни и отсутствие фуража заставили его вернуться на перешеек.

Греками командовал прославленный вождь иррегулярных войск Теодор Колокотронис, которому в начале революции уже исполнилось 51 год. Воспитанный в спартанском духе в Майне (Мани) на юге Пелопоннеса, куда его отец бежал от турок из Каритены в центральной части Пелопоннеса, где он родился, Теодор служил партизаном, пока земля в Морее не стала гореть у него под ногами. Во времена Республики Семи Островов он бежал на остров Закинф и принял участие в последней Русско-турецкой войне в качестве пирата. Когда англичане отбили у французов Закинф, он поступил на службу английскому правительству и помогал англичанам захватить остров Айя-Мавра (Лефкас). После этого он занимался торговлей скотом, но тут до него дошли слухи о революции; вернувшись с острова Закинф на Майну (Мани), он стал свидетелем падения Каламаты. Опыт Колокотрониса, который он приобрел в предыдущих войнах, в сочетании с природным здравым смыслом помог ему занять первое место среди военных лидеров. Он носил шлем с плюмажем, который знали все, кто путешествовал по Греции; этот шлем придавал ему живописный вид. Из всех вождей войны за независимость он по-прежнему был самым популярным, а его статуи в Афинах и в Науфлионе напоминают нам о том восхищении, которое вызывают у греческого народа приключения и служба на благо родной страны.

Но на этот раз слава великой победы досталась его племяннику Никите. На перевале Дервенакия, по которому теперь проходит железная дорога из Коринфа в Аргос, Никита наткнулся на турецкий авангард, и его личная доблесть завоевала ему славу «пожирателя турок». Сам Махмуд-паша Драмали с остатком своего войска тоже потерпел поражение и умер в Коринфе еще до конца года. Так позорно провалилось большое турецкое вторжение в Морею 1822 года.

Однако на западе, где командовал Маврокордатос, греки достигли меньшего успеха. 16 июля греки и корпус филэллинов, сформированный двумя месяцами ранее, были разгромлены при Петре, в 3 км выше знаменитого моста в Арте. Причиной тому стала измена местного вождя. Филэллины, многие из которых были закаленными в боях бойцами, после героического сопротивления были изрублены в куски. В тот же самый день неподалеку от гавани Фанари в Эпире, желая помочь сулиотам, погиб брат бея Майны (Манн) Кирьякулис Мавромихалис. Оба этих поражения заставили фил эллинов капитулировать, и они вернулись на Ионические острова, где охваченные ужасом крестьяне Акарнании пытались найти убежище под британским протекторатом.

Однако самый знаменитый из сулиотов Марко Боцарис продолжал сражаться и погиб за греческое дело на континенте. Так, избавившись от опасности нападения со стороны сулиотов, Омер Врионес (Омер-паша Вриони, Омер-Врионе, Омер-бей), ставший пашой Янины после Али-паши, смог наконец двинуться на юг и осадить Месолонгион. Но первая осада этого города не принесла успеха, а на другой стороне Греции в конце года капитулировал турецкий гарнизон Нафплиона, который спасло вмешательство британского филэллина капитана Гамильтона. На Крите, однако, второй год восстания сложился для христиан неудачно. Ипсиланти по просьбе

жителей Крита в конце 1821 года послал туда русского грека, который называл себя Михаилом Комнином Афентульефом и хвастался своим происхождением от византийских императоров. Он называл себя лидером и представителем греков, живущих на Крите. Однако дипломат, не умеющий воевать, – это не тот человек, который мог бы справиться с неуправляемым населением острова. Рослые воины Крита с презрением смотрели на этого невысокого прихрамывающего человека, называвшего себя «генералиссимусом и управителем Крита».

Еще больше ослабило дело христиан убийство Антония Мелидониса, одного из самых успешных его лидеров. Он погиб от руки сфакиотского вождя, который жестоко ему завидовал. Греческое правительство отправило на Крит нового организатора, но, пока он осваивался, в залив Суда вошел флот египтян. Сфакиоты, начавшие восстание, были полны решимости руководить им, и потомуку дома Комнинов, «оказавшемуся между тигром и пантерой», пришлось бежать на Мальту. Вместо него приехал Манолис Томбазис, представитель хорошо известной семьи с острова Идра. Его называли гармостесом (или комиссионером); так стали именовать губернатора большого греческого острова, это слово было уже хорошо знакомо жителям Ионических островов.

К тому времени первый срок Национальной ассамблеи закончился, и новая ассамблея собралась в Астросе, расположенном на берегу залива Арголикос, в начале 1823 года. Введя несколько поправок в конституцию Эпидавра, депутаты выбрали новый исполнительный совет из пяти депутатов. Президентом его стал Петро-бей, а Маврокордатос – государственным секретарем. Ипсиланти вообще не получил никакого поста.

К сожалению, дискуссии в Астросе только усилили разногласия между партией примасов, лидером которой был Петро-бей, и военной партией, возглавляемой Колокотронисом, а местные и личные раздоры в рядах обеих партий продемонстрировали, что человеческая натура со времен Древней Греции изменилась столь же мало, как и рельеф местности. Всем становилось ясно, что единственным подходящим кандидатом на пост главы греческого государства может быть лишь иностранный принц, ибо ни один грек не согласится признать своим сувереном кого-нибудь из соотечественников. Взоры людей уже начали обращаться к Саксен-Кобургскому дому, специальностью которого было снабжать королями любую страну с любой религией. Более того, стало очевидным, что общественное мнение Западной Европы в конце концов заставит правительства своих стран обратить внимание на требования греков. Греческий комитет был создан в Лондоне, а его филиалы – в Германии и Швейцарии. Веронский конгресс мог, конечно, отказаться принять греческих депутатов, но Джордж Каннинг, которому Кастельро передал свой пост министра иностранных дел Англии, был известен своими симпатиями к филэллинам. Он признавал, что Греция находится в состоянии войны, и отдал остров Каламос, один из Ионических островов, в распоряжение беженцев. Строгие меры Томаса Мейтленда не помешали жителям Ионических островов проявлять сочувствие к своим соотечественникам на континенте; но нарушение нейтралитета островов Сериго (Китира), Занте (Закинф) и Итаки подверглось суровому наказанию, а последовавшая за этим казнь нескольких жителей Ионических островов привела к тому, что британский протекторат перестал быть популярным.

С другой стороны, Россия в январе 1824 года предложила создать три отдельных вассальных княжества: Восточную Грецию (Фессалия, Беотия и Аттика); Западную Грецию (Эпир и Акарнания) и Морею, к которой мог бы присоединиться Крит. Всеми этими княжествами должны были управлять чиновники из коренного населения, назначаемые султаном и подчиненные ему. По мнению автора книги, это разочаровало всех, кто еще верил в искренность филэллинизма России.

Однако предложение русских, хотя и включало в себя Эпир и Крит, не затрагивало островов архипелага в Эгейском море, которые должны были возродить свои старые муниципальные привилегии и перестать быть частью Греции. Они должны были последовать примеру Дунайских княжеств – слабым, разделенным и зависимым от России. Самые большие преимущества

при таком раскладе должны были получить ведущие греческие семьи, подобно фанариотам в Молдавии и Валахии. Они бы стали ждать милостей от султана, а константинопольский патриарх, которого Россия предложила сделать защитником трех княжеств перед лицом султана, назначался бы им самим.

Военные операции 1823 года не были такими крупными, как в прошлом году. В самом начале турки лишились боеприпасов после пожара в арсенале Стамбула. В этом преступлении обвинили янычаров, которые якобы искали предлог, чтобы отложить свой поход против греков. Тем не менее султану теперь не нужно было отвлекаться на борьбу, которая вынуждала его сражаться на два фронта – в Европе и Азии.

Турецкие военачальники подавили последний очаг восстания в Фессалии, разрушив город Трикерийон и разграбив селение Кастри, в котором хранились богатства Дельфов (теперь их там нет). Из Скутари (Шкодера) в Албании армия Мустаи-паши из 15 тысяч «геков» (северных албанцев) и мирдитов (албанских христиан-католиков), которые были только рады сразиться с православными, вторглась в Западную Грецию. В битве против этих северных албанцев, состоявшейся при Карпенисионе в Эвритании 21 августа, героически погиб сулиот Марко Боцарис. Его тело было привезено в Месолонгион и погребено под всеобщие рыдания. Его могилу и сейчас можно увидеть в местном «Геруне», где чуть позже суждено было обрести вечный покой сердцу человека, знаменитого на весь мир.

Лорд Байрон приехал на остров Кефалонию (Кефалинию) в том же самом месяце, когда погиб Боцарис. Его участие в греческой войне больше, чем любое другое событие, способствовало популяризации греческого дела в Европе. Великий поэт хорошо знал Грецию и был знаком с ее языком. Двенадцатью годами ранее он написал стихотворение «Проклятие Минервы»; его вдохновил на это интерьер памятника Лисикрату, переделанный в кабинет монахов-капуцинов. Это стихотворение было направлено против того, кто «разграбил» мраморы Элгины. Байрон перевел знаменитый «Пламенный гимн» Ригаса, а теперь приехал, чтобы доказать, что он может не только славить подвиги Древней Греции, но и следовать им. Впрочем, лорд Байрон, будучи поэтом, не тешил себя иллюзиями. Он вовсе не думал, что найдет в Элладе людей, похожих на героев, которых описал Плутарх; он был готов к тому, что несколько веков турецкого ига превратили их в тот народ, какой был нужен туркам. Соответственно, Байрон не расстроился и не почувствовал себя обманутым в своих ожиданиях, когда ему пришлось иметь дело с людьми, совсем не похожими на святых или мудрецов. Это были человеческие существа, только что освободившиеся от деморализующей формы управления, которой еще не было найдено подходящей замены. Не желая присоединяться ни к одной политической партии, не разобравшись в положении дел, Байрон прожил четыре месяца в Кефалинии; в это же время шли переговоры о выдаче Греции денежной субсидии. Сначала греки собирались возратить ордену рыцарей-иоаннитов остров Родос, которым он когда-то принадлежал, вместе с островом Сиросом и тремя другими островами поменьше. Но от живописного возрождения Греции эпохи франков жители этой страны отказались ради более практичного проекта, с помощью которого они рассчитывали получить от Лондона 800 тысяч фунтов (на самом деле им досталось всего 280 тысяч).

Пока лорд Байрон пребывал в Кефалинии, греки добились успехов в двух своих начинаниях. На востоке они вернули себе цитадель Коринфа (Акрокоринф), а на западе заставили турок снять осаду с Анатоликона. Однако ссоры между военной и политической партиями в Морее переросли в гражданскую войну; так, в первый, но отнюдь не в последний раз греки подняли оружие против своих соотечественников, вместо того чтобы, объединившись, нанести удар по общему врагу. Эта братоубийственная война, которую лорд Байрон попытался прекратить, была спровоцирована Колокотронисом, который, словно второй Кромвель, велел своему сыну Паносу силой разогнать Законодательное собрание, заседавшее в ту пору в Аргосе.

Большинство депутатов этого собрания перебрались в Кранидион, напротив острова Идра, объявили свое руководство смещенным и вместо него выбрали новый комитет, президентом которого стал Георг Кунтуриотис с острова Идра. Так в Греции появилось два враждебных друг другу правительства: одно заседало в Кранидионе и опиралось на поддержку судовладельцев островов Идра и Спеце, а также примасов и военных командиров континентальной Греции; а другое – в Триполисе и рассчитывало на отвагу Колокотрониса и его личных помощников.

Когда 5 января 1824 года лорд Байрон прибыл в Месолонгион, эта борьба еще продолжалась, и то, что он здесь услышал и увидел, подтвердило его мнение о том, что Греция в огне революции нуждается не в теориях, а в практических методах управления. Ему казалось, что издание газет, столь горячо рекомендуемое «типографским полковником» Лестером Стенходном, который приехал вместе с ним, скорее возбудит вражду, а не успокоит умы тех, кто будет их читать. Тем не менее Стенходн настоял на выпуске, под руководством швейцарского республиканца по имени Мейер, первой в истории Греции газеты, если не считать нескольких листовок, напечатанных в Каламате три года назад.

Так 12 января 1824 года в саманном доме в Месолонгионе была отпечатана первая газета – «Греческие хроники». Теперь пресса является характерной чертой современной греческой жизни, а часть первой печатной машины выставлена в музее Исторического и этнологического общества в Афинах.

Байрон, к сожалению, не дожил до окончания гражданской войны, которую он тщетно пытался предотвратить. 19 апреля он умер в Месолонгионе, где до сих пор покоится его сердце. Он отдал свое время, свои средства и, наконец, свою жизнь ради торжества греческого дела, и Греция этого никогда не забудет. Над его гробом историк Спиридон Трикупис, уроженец Месолонгиона, произнес речь, которая считается образцом греческой прозы. В честь Байрона ставили памятники, называли улицы, а на многих отдаленных островах и в горных деревнях люди до сих пор вспоминают Байрона, словно он умер только вчера. Это – счастливое исключение из циничного высказывания лорда Солсбери о том, что в международной политике не бывает благодарности.

Не прошло и года, как вспыхнула новая гражданская война, во время которой английская ссуда, вместо того чтобы быть полностью потраченной на защиту страны, была растащена по частям разными партиями. Эта «Война примасов», как ее позже назвали, выросла из антипатии, которую жители Мореи испытывали к Совету, поскольку большинство его членов составляли уроженцы морских островов и континентальной Греции. Лидерами партии жителей Мореи стали два Андрея – Андрей Заимис из Калавриты, происходивший из семьи, которая дала Греции нескольких государственных мужей; и Андрей Лонтос из Востицы, друг Байрона, который в молодости кутил вместе с ним. Вместе с ними был Сисинис (или Сессини) из Гастуни в Элиде. Имя этого человека выдает его венецианское происхождение. Он приехал сюда из соседней Гларенцы и в шутку называл себя «герцогом Кларенсом». Образ его жизни напоминал образ жизни турецкого паши.

Душой исполнительного совета был Иоаннис Колеттис, будущий премьер-министр и дипломат. Он родился в деревне Сираку в Эпире и начал свою карьеру как личный врач Мухтара, сына Али-паша Янинского. Колеттис изучал искусство управления страной при дворе в Янине. Он уже успел принять активное участие в революции. Подняв в своей родной деревне восстание, он стал военным министром во времена конституции Эпидавра. Этот бывший врач оказался плохим солдатом, но хорошим политиком. Он не прославился своими военными подвигами, но его таланты позволили ему занять место в правительстве, номинальным главой которого был Кунтуриотис. Энергия Колеттиса помогла быстро подавить мятеж примасов; Колокотронис, боровшийся за их дело, был брошен в тюрьму на острове Идра, а его сын Панос

убит; оба Андрея бежали на другой берег Коринфского залива; а Сессини не пустили на остров Закинф. «Война примасов» завершилась полным провалом.

Пока лидеры восставших воевали друг с другом, в греческих водах появился новый сильный враг. Понимая, что одному с мятежниками не справиться, султан Махмуд II вынужден был обратиться за помощью к своему вассалу Мухаммеду Али, египетскому паше, албанцу по происхождению, который в молодости занимался продажей табака в своем родном городе Кавала, но потом стал в Египте чем-то вроде современного фараона. Он уже помогал Махмуду разгромить ваххабитов Аравии; теперь султан попросил у Мухаммеда Али содействия в усмирении греков и назначил его сына Ибрахима пашой Мореи.

Сначала египтяне решили сокрушить восстание на островах Псара и Касос. Первый прославился на весь мир своими храбрыми и умелыми моряками, а второй послужил базой для подавления восстания на Крите. Оба этих предприятия оказались успешными. Албанские воины египетского паши вторглись ночью на территорию гористого острова Касос, вырезали всех мужчин и старух, а молодых девушек и детей увели в рабство.

Турецкие солдаты капудан-паши почти полностью уничтожили мужское население острова Псара, которое к тому времени выросло за счет беглецов с Хиоса; сотни голов и ушей погибших псариотов были выставлены, вместе с помпезным описанием резни, на обозрение мусульман Стамбула. Уцелевшие жители Псары бежали на острова Эгина, Спеце и Сирос, а некоторые основали на месте древней Эретрии на острове Эвбея колонию, которую назвали Новая Псара.

За этими двумя сокрушительными ударами по грекам последовало несколько морских стычек, из-за которых прибытие Ибрахима в Морею (Пелопоннес) задержалось. По пути туда он зашел в залив Суда, но ему не надо было высаживаться на Крите, ибо восстание на этом острове уже было подавлено благодаря явившимся сюда египетским войскам и непомерными амбициями сфакиотов. Томбазис к тому времени уже покинул остров; египтяне творили немыслимые зверства; в одном месте они загнали сотни христиан в пещеру и разожгли огонь; люди задохнулись в дыму. Весной 1824 года восстание на Крите было подавлено. Ибрахим перенес военные действия в Морею (Пелопоннес): 24 февраля 1825 года он высадился в порту бывшей венецианской колонии Модон (Метони), после чего начался второй этап войны.

Первые действия Ибрахима были направлены против двух фортов, которые защищали вход в Наваринскую бухту: «Новый замок» – на южном берегу и «Старый замок» – на северном. Однако вскоре стало ясно, что ключевую позицию занимает остров Сфактерия, который, словно огромный кит, лежит поперек залива. Его в последний момент успел занять специально обученный отряд храбрецов. Среди них был фил эллин из Пьемонта граф Санта-Роза, которого изгнали из своей родной страны за то, что он пытался даровать ей свободу. Тогда он уехал в Грецию и стал сражаться за нее. Для захвата острова Сфактерия ему хватило одного часа; а двадцать три века назад на нем был разгромлен афинянами отряд спартанцев²⁴; эту победу обессмертил Фукидид. Итальянский историк битвы за Сфактерию XIX века не имел того таланта, которым обладал великий греческий историк, но, по крайней мере, в лице своего друга и соотечественника Санта-Розы он нашел героя, достойного встать в один ряд со спартанцами.

Санта-Роза был ранен, но не покинул поле боя; и его имя, как и имя грека с острова Идра Цамадоса, павшего вместе с ним, до сих пор ассоциируется с заливом Наварин. О Санта-Розе напоминает памятник, воздвигнутый на острове в его честь; через 72 года его героизм вдохновил на подвиг его соотечественника Антонио Фратти, павшего на поле боя в Домокосе.

²⁴ В 425 г. до н. э. афиняне, разбив пелопоннесский флот, блокировали здесь отряд спартанских гоплитов (420 человек), после чего высадили десант из 800 пелтастов. Пелтасты, оружием которых были дротики и стрелы, поражали мощных тяжелооруженных спартанских гоплитов на дистанции, избегая ближнего боя и отступая под защиту фаланги гоплитов. В конце концов остатки спартанских гоплитов (120 человек) и еще 152 из числа их союзников капитулировали.

Маврокордатосу с большим трудом удалось спастись. Захват Сфактерии привел к капитуляции обоих фортов – старого и нового, – и это поражение нанесло туркам такой удар, что даже уничтожение части египетского флота Мьяулисом при Модоне восполнило его лишь частично. Потеря Наварина имела по крайней мере один положительный момент – она убедила греческих вождей в необходимости объединения. Кунтуриотис во время защиты этого важного порта проявил такую нерасторопность, что всем стало ясно, что Морею должны защищать мореотские вожди. Тем, кто пострадал во время прошлой гражданской войны, была дана амнистия; беглые примасы снова вернулись к власти: главнокомандующим Мореи был назначен Колокотронис.

Египтянам по-прежнему сопутствовал успех. Архимандрит Дикеос, больше известный как Папафлессас, наиболее энергичный член Общества друзей на Пелопоннесе, которого прозвали «Алкивиадом революции» за его храбрость, погиб в бою при Маниаки; войско Колокотрониса разбили на перевале Макриплаги, где произошло так много сражений, и Ибрахим, несмотря на то что у мельниц Лерны Ипсиланти сумел его ненадолго задержать, продолжил свой поход на Нафплион, где в то время заседало греческое правительство. Однако египтянам не удалось осадить эту мощную крепость; они вернулись в Триполис и, снова разгромив Колокотрониса, предали огню и мечу Морею. Наконец, Ибрахим получил приказ перейти в континентальную Грецию и помочь турецким войскам во второй осаде Месолонгиона. Это стало самым героическим эпизодом во всей войне.

Решид Мехмед-паша, победитель в бою при Пете (16 июля 1822 г.), начал осаду в конце апреля. Но только тогда, когда в июле к нему на помощь пришел турецкий флот, он смог предложить осажденным условия сдачи. Его предложение было отвергнуто, а появление греческого флота разогнало турецкие суда. Осада была снята, и в городе снова появилась провизия. В то время было еще возможно перерезать коммуникации врага на суше, ибо он лишился своего господства на море. Но хотя Георг Караискакис перехватил несколько обозов с продовольствием, лидеры восставших в континентальной Греции почти ничего не сделали для спасения города. Самый знаменитый из них, разбойник Одиссеос, погиб ужасной смертью. Этого бывшего фаворита Али-паши давно уже подозревали в том, что он хочет забрать провинцию у турок, чтобы самому стать ее правителем, ибо турки, по его мнению, оценивали его способности выше, чем греческий совет. Вскоре было обнаружено открытое предательство, и Одиссеоса заставили сдать Псурасу, своему старому помощнику. Бывшего хозяина Афин, осыпаемого проклятиями горожан, притащили в Акрополь и бросили в башню Франков, которая в те времена стояла неподалеку от статуи Бескрылой Победы.

Здесь 16 июля был обнаружен его труп; он лежал у стены башни. Все было сделано для того, чтобы люди поверили, что Одиссеос упал с башни, но его столкнул вниз тюремщик. И башня, и бастион, построенный Одиссеосом, не сохранились; но сын Андруцоса сохранил свое место в истории города, которым он когда-то управлял. Его бюст стоит теперь на перевале Гравия, его «собственных Фермопилах», которые он защищал, – и этот подвиг перевешивает его предательство. Его зять Трелони какое-то время содержался в пещере Парнассос, где два британских авантюриста пытались убить друга поэта Шелли.

Прибытие Ибрахима под Месолонгион создало новое препятствие для осады. В марте 1826 года сдался Анатоликон, город на острове в лагуне, которому удалось отбить первую атаку. Потеря этого форпоста Месолонгиона заставила Фредерика Адама, который в 1824 году сменил Томаса Мейтленда на посту верховного комиссионера Ионических островов, предложить свое посредничество. Это предложение было отвергнуто уверенными в своих силах пашами, как и их предложение осажденным сдать.

К тому времени в городе уже начали ощущать недостаток продовольствия, и люди надеялись только на одно – возвращение греческого флота, который должен был их спасти. Но Мьяулис, прибывший сюда, не смог преодолеть мелей у Месолонгиона и после появления сильного

флота врага вынужден был уйти. Гарнизону не оставалось ничего иного, как сдаться или сделать вылазку. Бойцы выбрали последнее; ночью 22 апреля, послав сигнал Караискакису, который должен был атаковать осаждавших с тыла, около 7 тысяч человек, среди которых были женщины и дети, приготовились прорваться через ряды врага. Солдат среди них было всего 3 тысячи. Остальные 9 тысяч, составлявшие население города, были слишком стары, больны или очень сильно привязаны к своему дому, чтобы его покинуть. Женщины облачились в мужское платье, мальчики, которые умели пользоваться пистолетами, были вооружены, а те, кто решил остаться, заперлись в разрушенной ветряной мельнице и в большом магазине, где хранился порох.

К сожалению, болгарский дезертир сообщил о предполагаемой вылазке туркам, и они успели подготовиться. Некоторое время после того, как гарнизон перебрался через ров, солдаты под командованием Бочариса, Кицоса, Цавеласа и Макриса ждали под огнем появления Караискакиса, но так и не дождались его. Тогда они с криками «Вперед!» бросились на осаждавших, перерезали артиллеристов и проложили себе дорогу к открытой местности; однако людей, оставшихся позади, охватила паника, они закричали: «Назад!» – и в ужасе побежали в город.

Те, кому удалось из него вырваться, попали в албанскую засаду, и уцелевшие в бою с трудом добрались до лагеря Караискакиса.

На следующее утро в город вошли войска Ибрахима, но встретили яростное сопротивление тех, кто в нем остался. Кто-то предпочел взорвать пороховые склады и погибнуть, чем попасть живыми в руки врага. Было подсчитано, что из тех, кто сумел бежать, выжило около 2 тысяч человек, а 3 тысячи было взято в плен. Среди тех, кто погиб, были Мейер, редактор газеты, выходившей в Месолонгионе, и магнат-патриот Патрас Пападиамантопулос. Эти и подобные им люди подарили маленькому городу в Греции славу, которая будет жить столько же, сколько и весь греческий народ. Ежегодно в память о героической вылазке в нем проходит торжественная процессия. А вторая осада Месолонгиона заняла свое место среди других знаменитых осад в истории.

После падения этого неприступного места паши расстались: Ибрахим-паша вернулся в Морею и принялся ее грабить, а Решид Мехмед-паша остался, чтобы усмирить Западную Грецию. А тем временем новый поворот, который приняла война после вторжения египтян, заставил греков задуматься о мире. При этом они надеялись не потерять независимость, которая была куплена такой дорогой ценой – пятью годами непрерывных боев.

Внешние проблемы и домашние неурядицы убедили большую часть греков в том, что необходимо поискать защиты у какой-нибудь великой державы. Одна часть населения выступала за Россию, другая предлагала в качестве кандидата на греческий трон герцога де Немура, а третья мечтала о том, чтобы вся страна, подобно Ионическим островам, стала владением Великобритании. Это предложение было принято Ассамблеей в Нафплионе в августе 1825 года.

Решение греческого народа усилило позицию Джорджа Каннинга, британского министра иностранных дел, а Стратфорд Каннинг, новый британский посол в Стамбуле, направляясь в Англию, встретился с Маврокордатосом на острове Идра, чтобы обсудить условия британского посредничества. Ассамблея дала послу все полномочия для проведения переговоров от имени Греции, включая остров Крит, как подчиненной автономии под суверенитетом султана.

А тем временем герцог Веллингтон убедил нового русского царя Николая I ратифицировать подписанный 4 апреля 1826 года протокол, который даровал бы грекам, при условии выплаты ежегодной дани султану, эксклюзивное право на управление своими внутренними делами. Это был первый эффективный экономический шаг мировых держав в деле обеспечения независимости Греции.

Летом 1826 года Решид Мехмед перешел из Западной Греции в Атику, чтобы осуществить следующую важную операцию войны – осаду Афин. 15 августа он взял город штурмом,

заставив его защитников запереться в Акрополе; ими тогда командовал Караискакис, которого вновь избранный исполнительный комитет под председательством Андрея Заимиса назначил главнокомандующим в Восточной Греции. Ему вместе с полковником Фавье, опытным французским офицером, греческое правительство поручило создать регулярную армию, после чего они предприняли попытку освободить город. Турки разгромили греческие войска у Чайдари, неподалеку от монастыря Дафны, и продолжали обстреливать Акрополь, как это делал Морозини 140 лет до этого, и рыть подкоп в театре Одеон Герода Аттика.

Положение греческого гарнизона сделалось отчаянным после того, как его командир был застрелен во время ночного обхода позиций. Но Криезотис, храбрый вождь иррегулярных войск, сумел пройти через линии турок и войти в крепость, а Фавье 13 декабря последовал за ним, приведя с собой крупное пополнение. Однако это только ухудшило положение осажденных, ибо в Акрополе и без того уже скопилось много народу. Несмотря на фирман, полученный Стратфордом Каннингом, который запрещал обстрел древних памятников архитектуры, в храме Эрехтейон обрушилась крыша, похоронив под своими обломками несколько афинских женщин.

Военные несколько раз пытались снять осаду Акрополя. Генерал Гордон, историк революции, 5 февраля 1827 года занял Муникию, а полковник Бурбаки, кефаллонец, служивший когда-то во французской армии, подошел к Афинам с северо-запада. Но обе эти атаки потерпели крах; Бурбаки погиб на равнине около Каматерона, и его голову отослали в Стамбул; Гордону пришлось оборонять Муникию. Не повезло и полковнику Хайдеку, агенту короля Баварии, горячо выступавшему за свободу Греции; его наступление на Оропос закончилось провалом. Тогда командование было поручено двум выдающимся британским офицерам – лорду Кохрейну, который когда-то служил в Южной Америке, и сэру Ричарду Чёрчу, сражавшемуся в Египте, Италии, на Ионических островах, где он был ранен, свел знакомство с Колокотронисом и другими греческими вождями и заслужил их уважение. Весной 1827 года оба этих английских офицера приняли на себя командование морскими и сухопутными силами Греции. Кохрейн возглавил флот, а Чёрч – армию. Оба сосредоточили свои усилия на Пирее, а Караискакис им помогал.

Вслед за этим случились три несчастья, одно за другим. За великолепно подготовленной атакой на турецкие позиции, расположенные вокруг Пирея, последовала резня албанцев, которые сдали грекам монастырь Святого Спиридона в ответ на обещание, что им будет сохранена жизнь. В последовавшей за этим стычке Караискакис, «в одно мгновение ангел, а в другое – дьявол», как он сам себя характеризовал (впрочем, в последнее время он больше напоминал ангела, чем дьявола), был смертельно ранен на том самом месте, где теперь в его честь воздвигли памятник. В его лице погиб один из самых популярных лидеров революции. А утром, в день его смерти, Ричард Чёрч потерпел сокрушительное поражение у Фалерона, из-за которого он был вынужден оставить свои позиции на Муникии.

Гарнизон Акрополя остался без защиты, и 5 июня была подписана капитуляция. Об обороне, которой руководил Фавье, нам напоминает мемориальная доска, установленная в Одеоне Герода Аттика.

После того как «Афинский замок» пять лет принадлежал Греции и десять месяцев выдерживал осаду турок, он снова перешел под власть султана; но это было в последний раз. Туркам удалось подчинить себе всю континентальную Грецию; захват Афин завершил то, что началось с осады Месолонгиона.

К счастью для Греции, через месяц после падения Акрополя Великобритания, Франция и Россия подписали договор 6 июля.

Пока турки осаждали Афины, греческие политики провели третью Национальную ассамблею в живописной деревне Дамаласе, которая в Средние века принадлежала франкскому барону. Эта деревня располагается на месте древнего города Трезен (родина Тесея), по кото-

рому этот парламент и получил свое название. Здесь произошло сближение двух соперничающих фракций правительства Эгины и оппозиции, которую возглавлял Колокотронис из Гермियोны (современное название – Кастри). Этому способствовал лорд Кохрейн, который посоветовал лидеру второй партии прочитать первую филиппику Демосфена и закон, принятый благодаря его совету.

Здесь, в романтической обстановке, в лимонном саду, ассамблея 14 апреля избрала графа Иоанна Каподистрию президентом Греции, в которую входили провинции, взявшие в руки оружие. Он должен был занимать этот пост в течение семи лет. В ожидании его приезда страной должна была управлять комиссия из трех человек: Георгия Мавромихалиса (который позже станет убийцей Каподистрии), Милаетиса и Накоса. О них тогда мало кто знал, да и опыта управления у них не было.

Каподистрию был избран благодаря русофильской партии, лидером которой был Колокотронис; его поддержали франкофильская партия под руководством Колеттиса и Кунтуриотиса, поскольку неприязнь Карла X²⁵ к орлеанскому дому сделала невозможным избрание герцога де Немура.

Выбор ассамблеи, хотя и не понравился многим, был в ту пору самым удачным. Каподистрию был самым талантливым греческим дипломатом того времени; он пользовался расположением русского царя и был знаменит своим патриотизмом. Впрочем, хорошие дипломаты редко становятся выдающимися государственными деятелями, а патриотизм теряет свое практическое значение в человеке, который много лет жил за границей и утратил ощущение своей страны.

Каподистрию хорошо знал Ионические острова, но остальная Греция была ему мало известна; да и греческое общество очень сильно отличалось от общества на острове Корфу (Керкира). Рожденный, когда Корфу находился еще под властью Венеции, он не умел даже правильно писать по-гречески. Но он был честен и умел командовать; даже британцы, люди вроде Кохрейна, Чёрча и Гамильтона, считали, что выберут именно его. Ибо все друзья Греции понимали, что ей необходимо единство; а граф с острова Корфу, как всем казалось, был именно тем человеком, который смог бы объединить страну. Но время показало, что Каподистрия принес ей не мир, но меч.

За выборами президента быстро последовало подписание соглашения между тремя странами-покровительницами. 6 июля 1827 года Великобритания, Франция и Россия заключили в Лондоне договор, в котором обязались служить посредниками между Грецией и Турцией, и потребовали от обеих сторон немедленно заключить перемирие. Вскоре планировалось создание Греческого автономного государства, которое должно было находиться под властью султана и платить ему дань. В дополнительной статье к этому договору было оговорено, что если Порты в течение месяца не примет этих условий, то три державы отправят к греческому правительству своих консулов и постараются, насколько им это удастся, предотвратить столкновение между воюющими сторонами, «не принимая, однако, участия в военных действиях».

Командирам флотов трех держав были отправлены инструкции, а адмирал Кодрингтон сообщил греческому правительству об условиях перемирия, которые греками были приняты, а султаном отвергнуты. Тем не менее, несмотря на перемирие, капитан Гастингс, филэллин, на корвете «Картерия» («Упорство») разбил турецкую флотилию неподалеку от Дельф и Салоны. Ибрахим, пылая гневом, решил отомстить англичанину, но тот заставил его вернуться в залив Наварин (Пилос), где египетский и турецкий флоты были заблокированы эскадрами адмиралов трех держав.

²⁵ Карл X – король Франции с 1824 по 1830 г.

Ибрахим не мог выйти из бухты, но имел возможность грабить ее берега; соответственно, опасаясь приближения сезона штормов и желая положить конец опустошению Мореи, три союзнические эскадры²⁶ 20 октября 1827 года вошли в залив.

Кодрингтон велел не открывать огня, пока этого не сделают турки, но мусульмане сразу же поняли, что сражение неизбежно, и выстрелили в сторону «Дартмута». Моряки «Дартмута» и французского флагмана ответили залпом из мушкетов. Египетское судно ответило пушечным залпом, и сражение началось. Когда на следующее утро встало солнце, то из 82 судов, составлявших турецкий и египетский флоты, на плаву оставалось лишь 29. Побежденные потеряли 6 тысяч человек, союзники – всего 172; их имена были выбиты на трех памятниках, отмечающих место сражения. После Лепанто Турецкая империя не терпела еще такого сокрушительного поражения на море!²⁷

Весть о победе в Наваринском бою вызвала у греков и у тех, кто сочувствовал их делу, бурю восторга. В Англии, где к тому времени уже не было Каннинга, ибо он умер, король в своей тронной речи назвал это сражение «несчастливым случаем». Тем не менее он вручил Кодрингтону и нескольким офицерам, которые одержали, по словам Рассела, «славную победу», заслуженные награды.

Турки восприняли известие о своем поражении с молчаливым презрением, потребовав только компенсации за потерянные суда. Однако три державы отказались это сделать, заявив, что не считают себя агрессорами, после чего их послы покинули Стамбул.

Греки тем временем продолжили свою борьбу. Чёрч и Гастингс воевали в Западной Греции, а Фавье вторгся на остров Хиос. Однако вторая экспедиция на остров мастиковых деревьев потерпела провал, а ее командир вскоре после этого возвратился во Францию. Гастингс, которому было поручено захватить Месолонгион, одержав несколько побед, был смертельно ранен под стенами Анатоликона, подарив этой лагуне еще одну британскую жертву.

Много лет спустя сердце этого храброго офицера было обнаружено в коробке, хранившейся в доме друга Гастингса и его старого боевого товарища историка Финлея в Афинах. Теперь оно покоится в местной англиканской церкви в Пантеоне британских филэллинов. В ней увековечена долгая героическая карьера Ричарда Чёрча и краткая, но героическая жизнь Климента Харриса, который пал в бою через семьдесят лет после Гастингса.

Жители Крита, узнав о победе под Наварином, тоже восстали, вдохновленные беглецами, которые нашли убежище на гористом островке Имери-Грамуса (площадью 72 гектара) у западного побережья. Этот остров венецианцы, после турецкого завоевания Крита, удерживали за собой до 1691 года. Позже он стал убежищем для пиратов. Пиратство здесь было четко организовано, и морские разбойники давали свои обеты перед иконой «воровской Мадонны». Впрочем, жители Имери-Грамусы были не только пиратами, но и патриотами; местный муниципалитет назывался Критским советом, и с его помощью Хаджи Михалис, вождь жителей Эпира, поднял новое восстание. Впрочем, в 1828 году его войска были разбиты, а сам он изрублен турками в куски. После этого британцы, по просьбе Каподистрии, уничтожили пиратскую республику Имери-Грамуса.

Президент прибыл в Грецию в январе 1828 года и высадился в Нафплионе, где одно его появление оказалось достаточным, чтобы прекратить гражданскую войну, которая пылала здесь уже много месяцев; между собой воевали Теодор Гривас, командир основной крепости Нафплиона Паламиди, и Стратос, который удерживал Иц-Кале, акрополь Нафплиона (крепость Акронафплия).

Отсюда Каподистрия отправился в Эгину, где временное правительство работало за пределами досягаемости орудий крепости Паламиди и где он выслушал отчеты глав нескольких

²⁶ В числе этих эскадр была и русская, которой командовал прославленный адмирал Михаил Петрович Лазарев.

²⁷ Автор не упомянул о битве при Чесме в 1770 г.

государственных департаментов. Эти доклады представили печальную картину. Министр внутренних дел сообщил, что территория, на которой признавали его власть, ограничивается лишь островами Эгина, Порос, Саламин, городами Элефсис и Мегара и несколькими островами в Эгейском море. Войска Ибрахима удерживали большую часть Мореи (Пелопоннеса); континентальная Греция была почти полностью турецкой; восстание на Крите подавлено; остров Самос под управлением Логофетоса стал практически независимым. Логофетос организовал экспедицию на Хиос, но она потерпела поражение.

Сельское хозяйство было разрушено; единственным занятием, которое приносило доход, было пиратство. Ничего утешительного не сообщил и министр финансов. У него не было ни денег, ни казны: некоторые налоги были собраны за год вперед, чтобы оплатить работу законодательных учреждений; у министерства не было денег даже на зарплату плотникам, которые ремонтировали президентский дворец.

Министр обороны жаловался на отсутствие войск, но его коллега в адмиралтействе выглядел бодрее; что касается министерства юстиции, то его руководитель напомнил послувицу о том, что «во время войны законы молчат», и больше не произнес ни слова. В таком положении оказалась Греция после почти семи лет войны.

Каподистрия начал свою карьеру президента с переворота. Ассамблея в Трезене, которая его избрала, выработала также проект третьей конституции, которая объявила Грецию независимым и неделимым государством, в то время как в Лондонском договоре речь шла об автономной Элладе под властью султана, обязанной платить ему дань. Президент, как опытный дипломат, прекрасно понимал, что автономная территория – это вовсе не суверенное государство и что при нынешних обстоятельствах он сможет добиться лишь автономии. Он также понимал, что конституция и представительные органы в странах, едва избавившихся от восточного деспотизма и находящихся еще в осаде, имеют лишь относительное значение. Поэтому он убедил законодателей отказаться от своих функций и создал вместо них орган под названием «Панэллинион» (Всегреческий). В его состав входило двадцать семь человек, которые образовали три комиссии: административную, финансовую и юридическую. Одновременно он пообещал через три месяца созвать новую Национальную ассамблею.

Однако если греческие лидеры, рожденные в ходе борьбы за независимость, были готовы принять временную диктатуру президента, то они не видели никакого резона подчиняться власти его недалекого старшего брата Виаро и лучшего друга этого брата, которого тот привез с Корфу и посадил в «Панэллинион». Виаро был его злым гением. Будучи комиссионером Эгины и морских островов, где жили такие влиятельные персонажи, как Кундуриотис, он вел себя как деспот: арестовывал кого хотел, вскрывал чужие письма, подвергал цензуре единственную греческую газету, издававшуюся в те годы, и угрожал расправой всем, кто осмеливался критиковать его действия. Он велел сжечь петицию жителей Эгины у себя на глазах, а президент оказался столь бестактным, что называл героев революции (людей, которые сражались, пока он пописывал статейки) гнусными кличками: примасов он прозвал «христианскими турками», военных вождей – «бандитами», фанариотов – «сосудами Сатаны», а образованных людей – «дураками». Чтобы не плодить дураков, он создал систему образования, построенную по строго профессиональному принципу: священников готовили на Поросе, солдат и матросов – в Нафплионе и на Идре. При этом он не хотел даже слышать о создании академии вроде той, которую лорд Гилдфорд открыл на острове Корфу. Он верил, что нацию создает характер, а вовсе не знания и что для процветания страны необходимо материальное благополучие. Но он забыл, что имеет дело с нацией, знаменитой своей жадностью знаний и ценящей интеллект превыше всего другого. Короче говоря, Каподистрия, будучи честным во всех своих попытках обеспечить процветание родной страны, применял методы, присущие высококритичным людям, которые он усвоил в венецианском обществе на острове Корфу и при русском дворе.

Он начал с реформы финансов. Греция до сих пор не имела национальной монетарной системы; он ввел серебряную монету *феникс* и бронзовые монеты достоинством в 1, 5, 10 и 20 лепт, а также создал Национальный банк, который приступил к печатанию бумажных банкнотов, но их курс постоянно менялся, и его банк выдал всего одну ссуду, да и то в принудительном порядке. После этого он обратился к армии и создал восемь полков по тысяче человек в каждом. Полками на востоке командовал Ипсиланти, а на западе – Чёрч.

Каподистрия разделил Морею на семь, а острова – на шесть провинций, которыми управляли комиссионеры: это ослабило муниципальную систему, которая так долго процветала в Греции. Однако давно ожидаемое событие за рубежом затмило все эти домашние реформы. 26 апреля 1828 года русский царь объявил войну Турции и создал ситуацию, которая сильно мешала Греции²⁸. Момент казался благоприятным для осуществления заветной мечты России – захватить Константинополь. Турецкий флот был уничтожен в Наваринском сражении; годом ранее на Атмейданы (Мясном рынке) были перебиты все янычары: это было сделано по приказу султана-реформатора Махмуда II. Однако у этого реформатора не было времени довести свою модель до совершенства, и греки под руководством своего президента-русософила не были еще до конца покорены.

Но вдруг, как это часто бывает, выяснилось, что сила русских сильно преувеличена, а сопротивление турок превзошло все ожидания²⁹. Более того – война русских с Турцией шла на Балканах (а также на Кавказе. – *Ред.*), а в Эгейском море царил мир (не считая блокады Дарданелл). Тем временем три другие державы, подписавшие Лондонский договор, оказали Греции великую услугу, изгнав из Мореи египетские войска. Ибрахим, воспользовавшись уходом союзнических флотов, отослал своих раненых моряков, вместе с несколькими тысячами греческих рабов, в Александрию, однако оставшаяся часть его армии жестоко пострадала от зимних холодов. Летом 1828 года его албанский гарнизон в Корони, старой венецианской крепости, расположенной к югу от Мессины, восстал, и греки разрешили этим солдатам возвратиться к себе домой. После этого Франция предложила изгнать остатки войск Ибрахима. Британия приняла это предложение, и 30 августа генерал Месон высадился с французской армией в Пета-лидионе на берегу залива Корон (Месиниакос), намереваясь ускорить освобождение полуострова.

Впрочем, Кодрингтон уже успел заключить с Мухаммедом Али соглашение о выводе мусульманских войск и освобождении греческих рабов. Ибрахим хотел выполнить обещание отца, но отказался передавать грекам турецкие крепости Модон (Метони), Корони, Наварин (Пилос), Хлемуци, Патрас (Патры) и Рион, которые были специально исключены из соглашения.

Впрочем, сопротивление оказала лишь последняя крепость, но 3 октября сдалась и она. В Морее больше не осталось вражеских войск, и французы, с легкостью освободившие эти твердыни, принялись их чистить, прокладывая дороги и восстанавливать то, что разрушил

²⁸ Наоборот – эта война стала главной в деле освобождения Греции – основные силы турок были брошены против русской армии.

²⁹ Русская армия действовала эффективно. За месяц боев армия П.Х. Витгенштейна (95 тысяч) отбросила турецкую армию Хусейн-паши (150 тысяч) за Дунай и форсировала реку. 29 сентября (11 октября) атакой с суши и моря была взята Варна. На Кавказе корпус Паскевича (25 тысяч), громя турок (50 тысяч), в 1828 г. 23 июня (5 июля) штурмом взял Карс, в июле – августе пали Ардаган, Акалчих, Потти и Баязет. На Дунае пришлось снять осаду Шумлы и Силистрии и отойти за Дунай, Варна осталась в русских руках. В 1829 г. русские начали решительное наступление на обоих театрах. На Балканском театре новый командующий И. Дибич разбил турок при Кулевче, после чего капитулировала Силистрия. Затем Дибич преодолел Балканы и, дважды разбив турок, впервые после князя Святослава (X в.) вышел к Адрианополю (Эдирне). Махмуд II, боясь, что русские овладеют столицей, запросил мира, который и был подписан в Адрианопле 2 (4) сентября 1829 г. На Кавказе русские войска взяли Эрзурум и вышли к Трапезунду (Трабзону). Русский флот блокировал Босфор и Дарданеллы. То есть полный разгром турецких армии и флота. Константинополь не был взят Дибичем только из-за эпидемии чумы – русская армия сократилась в момент подписания мира до 7 тысяч человек. Эта война стоила России 125 тысяч человек погибшими, из них лишь 12 % пали в бою, остальные скончались от болезней.

Ибрахим. Одним из его последних приказов был приказ об уничтожении Триполиса. И египетские арабы выполнили этот приказ так старательно, что из всех сооружений бывшей турецкой столицы Мореи современный путешественник может увидеть лишь фундамент того, что когда-то было конаком паши.

Чтобы предотвратить новые вторжения на полуостров, союзники подписали 16 ноября специальный протокол, по которому Морея с прилегающими к ней островами и острова Киклады помещались под их совместную охрану до окончательного решения греческого вопроса. Этот протокол позволил Франции держать в Морее некоторое количество войск; остальные вернулись домой. К югу от Коринфского перешейка война закончилась; севернее его грекам удалось вернуть потерянные земли, ибо турки были сильно ослаблены войной с Россией и мятежом в Албании. Ипсиланти занял Беотию; Салона сдалась; крепость Вонница на берегу залива Амвракикос капитулировала; за ними последовали Лепанто (Нафпактос) и Месолонгион. На Крите обе партии заключили перемирие.

А тем временем представители трех держав обсуждали на острове Порос новые границы Греческого государства; их решения были изложены в Лондонском протоколе от 22 марта 1829 года. Договорились, что северная граница Греции пройдет от залива Амвракикос до залива Пагаситикос, а на востоке в состав страны войдут Эвбея и острова, прилегающие к Морее и Кикладам. Греция должна была стать наследственной монархией под управлением христианского короля, который будет избран народом. Этот монарх не должен будет принадлежать к династиям трех стран, составивших этот протокол. Король будет назначен с согласия султана, которого он должен признать своим сюзереном. Короля и его преемников должен будет формально вводить в должность султан Порты, которому они обязаны будут выплатить полтора миллиона пиастров (около 30 тысяч английских фунтов).

Это соглашение глубоко разочаровало и греческих политиков, и их президента; их возмутило то, что в состав Греции не были включены острова Самос и Крит. А султан был недоволен тем, что вместо него Грецией будет править иностранный государь. С другой стороны, Махмуд II согласился отдать Греции лишь Морею и прилегающие к ней острова. И если бы не лорд Абердин, тогдашний министр иностранных дел Англии, испытывавший к туркам симпатию, союзным державам удалось бы навязать туркам нужный договор, и на карте Европы появилось бы королевство Греция.

В этих условиях Каподистрия выполнил свое долго откладываемое обещание собрать Национальную ассамблею. Чтобы добиться большинства голосов на будущих выборах, он совершил предвыборную поездку по Морее, где был очень популярен. Каподистрию избрали своим представителем многие округа; но эти выборы были объявлены незаконными, и вместо прежних были избраны новые делегаты, а «добрые христиане», как их называли избиратели, вручили им свои наказы. Месолонгион, всегда выступавший за свободу, выразил протест против этой карикатуры на представительное правительство; острова Эгейского моря, естественно, голосовали за оппозицию.

С греческих островов, еще остававшихся в руках турок, из Эпира и Фессалии, из Хиоса и Крита приехали депутаты, пожелавшие поддержать Каподистрию на четвертой Национальной ассамблее, которая собралась 23 июля 1829 года в древнем театре Аргоса. В избранном парламенте сторонники Каподистрии имели большинство, и он смог выполнить повеление президента. Каподистрия получил полное право вести переговоры с союзниками; он назначил шестерых и выбрал из списка кандидатов еще двадцать одного члена вновь созданного сената. Этот сенат должен был сменить «Панэллинион», но полномочия его были сильно ограничены. Имя Каподистрии решено было выгравировать на монетах; он должен был стать первым и пока единственным кавалером только что созданного ордена Спасителя.

Только по одному вопросу – ратификации постановлений союзников – Ассамблея не согласилась с президентом, оставив за собой право не одобрять их. Это решение оказалось

очень мощным оружием в ее руках. Церковь в своем письме выразила протест против непотизма младшего брата президента, Августиноса, который был его полномочным представителем в Западной Греции, но этот протест был отвергнут. Казалось, что Каподистрия находился на вершине своей власти; даже Меттерних, который недооценивал греческое движение, считал, что устранить Каподистрию будет невозможно.

Через несколько недель после закрытия Ассамблеи многолетняя война греков с турками наконец закончилась. Наступление русских войск на Адрианополь заставило султана вывести все свои войска из Греции; отряду албанцев под руководством Аслам-Бея было приказано сопровождать турок, которые еще оставались в Аттике и Беотии. На своем пути из Афин Асламу предстояло форсировать узкий перевал Петра между Левадеей и Фивами. В ту пору это были Фермопилы Беотии, но теперь, после осушения озера Копайда (Копайс), эта местность стала совершенно неузнаваемой. Здесь Аслам обнаружил Ипсиланти, готового помешать его переходу, и 24 сентября Аслам потерпел сокрушительное поражение от Ипсиланти и Криезотиса. Утром он подписал условия капитуляции, согласно которой турки согласились уйти из Восточной Греции, оставив за собой лишь афинский Акрополь и крепость Карабаба (цитадель города Халкис на острове Эвбея).

Финлей выразился об этом так: «Князь Дмитрий Ипсиланти имел честь завершить войну, которую начал на берегах Прута его брат».

Глава 6. Создание Греческого королевства (1829–1833)

Война за независимость закончилась, осталось лишь установить точные границы страны и назначить ее правителя. За одиннадцать дней до окончания боевых действий между греками и турками Россия заставила султана подписать Адрианопольский мир, в котором он согласился признать Лондонский договор и протокол от 22 марта. В результате этого герцог Веллингтон, в ту пору премьер-министр Великобритании, отказался от идеи превратить Грецию в вассальное княжество и стал сторонником независимости Греческого королевства.

Двадцать пять лет спустя министр иностранных дел в кабинете Веллингтона лорд Абердин признал, что Греция избежала судьбы вассала и получила полную свободу только благодаря Адрианопольскому договору. Герцог верил, что конец Турции не за горами; поэтому было бессмысленно превращать Грецию в вассала слабого государя, который не смог бы ее защитить. С другой стороны, он предвидел дальнейшее усиление России и позаботился о том, чтобы территория Греции, которую считали русофильской страной, не стала слишком большой. Британскому кабинету тех лет нужно было небольшое независимое государство. Эти идеи легли в основу новых протоколов, подписанных тремя державами 3 февраля 1830 года. Они решили, что Греция должна стать совершенно независимым государством, управляемым наследственным монархом, носящим титул суверенный государь Греции. При этом было поставлено одно условие – этот монарх не должен принадлежать к правящим домам Франции, Великобритании и России.

Но, учитывая преимущества независимости и «уважая желание, выраженное Портой, сократить границы, установленные протоколом от 22 марта», граница этого княжества должна была проходить от залива Арта (Пагаситикос) на востоке до залива Альвракикос на западе.

Даже британские дипломаты, географическое невежество которых создало так много проблем на Ближнем Востоке, не смогли бы провести границу хуже. Единственная ее положительная черта заключалась в том, что горный проход Фермопилы, который прославили древние греки, и Месолонгион, даровавший славу их далеким потомкам, вошли в состав Греческого королевства. Однако за его пределами оказались Акарнания и большая часть Этолии, обитатели которых принимали активнейшее участие в борьбе за независимость. Греции достались также Эвбея, Северные Спорады, Скирос и Киклады, но не Крит, и это посеяло в Европе семена новых жертв и раздоров, которые удалось уладить лишь в конце XIX – начале XX века.

Как обычно, человек, который мог бы дать много ценных советов политикам, был совсем рядом, но обратиться к нему никто не догадался. Знаменитый путешественник полковник Уильям Мартин Лик находился в это время в Лондоне, но тем не менее сотрудникам министерства иностранных дел даже не пришло в голову с ним посоветоваться, хотя он знал Северную Грецию так же, как чиновники этого министерства знают Даунинг-стрит.

В качестве правителя нового княжества страны-участницы предложили герцога Леопольда Саксен-Кобургского (позже он стал первым королем Бельгии). Это был прекрасный выбор. Леопольд, как позже показало его управление Бельгией, обладал всеми качествами, необходимыми для государственного мужа: ему было сорок лет; его давно уже прочили в короли Греции; пять лет назад Кунтуриотис уже посылал людей, чтобы пригласить его на трон; а совсем недавно он отправил в Грецию своего эмиссара, велел ему изучить ситуацию, сложившуюся в этой стране. Поэтому никто не удивился, когда спустя восемь дней Леопольд дал свое согласие.

Порта согласилась принять последние протоколы союзных держав, а греческий народ с радостью готов был объявить своим королем Леопольда. Казалось, греческий вопрос был наконец решен. Все были так уверены в этом, что Франция передала Греции свое древнее право протектората над католиками Киклад.

Однако союзники забыли спросить, согласен ли с их решением Каподистрия. Он сам мечтал стать пожизненным президентом Греции и был жестоко разочарован, что его отодвинули. Он вовсе не хотел, чтобы посеянный им урожай собирал чужеземец. Поэтому он принялся описывать Леопольду условия, сложившиеся в Греции, в самых черных тонах, чтобы тот раздумал садиться на трон этой страны.

Леопольд сам был разочарован узкими границами своего будущего государства; он уже написал лорду Абердину, что «не может себе представить, как ему удастся установить в Греции мир, если в новое государство не будет включен остров Кандия [Крит]»; он прочитал церковную брошюру о стратегических преимуществах Акарнании; он лелеял надежду преподнести, как это сделает король Георг в 1864 году, Ионические острова в дар своим будущим подданным.

Каподистрия решил воспользоваться неудачно проведенной границей и свалить всю вину на Леопольда; он очень умно сослался на декрет, принятый в Аргосе, который гласил, что переговоры должны были быть одобрены законодательным органом. Он намекнул, что Леопольду не мешало бы обратиться в веру своих будущих подданных, ибо сам президент исповедовал православие. Каподистрия пытался не допустить, чтобы приветственные адреса греков достигли Леопольда; а тех, кто их подписал, он считал своими врагами.

Все это, помимо отдаленной перспективы стать регентом Англии (ибо его покойная жена была дочерью Георга IV), так подействовало на Леопольда Саксен-Кобургского, что в мае он наотрез отказался принимать греческий трон. Через год он стал королем Бельгии, но потом часто сожалел о том, что отказался от греческого трона. Какой романтической была бы его жизнь в Афинах! А ему пришлось скучать в уютном, но ужасно прозаическом Брюсселе. В наши дни (в начале XX в.) самым поучительным стало его пророческое предупреждение о судьбе Крита.

Каподистрии удалось избавиться от Саксен-Кобурга, но это настроило против него все население страны. Его собственное поведение и революционный дух, которого он набрался во время Июльской 1830 года революции в Париже, породили растущее недовольство греков. Успех вскружил ему голову; он стал подражать аристократам, а некоторые из его решений были столь же непопулярны, как и те, из-за которых французский король Карл X потерял свой трон.

Каподистрия объявил, что подписание адреса Леопольду будет рассматриваться как уголовное преступление, так же как позже в Италии «дурные слова о Гарибальди» стали достаточным доказательством вины человека. Каподистрия отправил русские корабли, чтобы заставить независимых майнатов платить ему налог; ему не удалось добиться вывода турецких войск из Акрополя и Эвбеи, ибо турки заявили, что не сдвинутся с места, если не получат компенсации за свою личную собственность. Они обещали уйти только после того, как будет завершено проведение границ.

Каподистрии не удалось найти деньги на выплату компенсации туркам, а великие державы, подписавшие договор, тянули с урегулированием границ: во Франции случилась очередная революция, а в Польше – восстание против русского царя.

Турецкий гарнизон покинул Акрополь только 31 марта 1833 года, через полтора года после смерти Каподистрии; афиняне резко критиковали его управление, а военный мятеж показал, что ждет Грецию в будущем.

Хуже всего, отказ Каподистрии выплатить компенсацию жителям острова Идра за их потери в войне породил мощную оппозицию его власти на этом влиятельном острове. Идриоты начали выпускать газету под названием «Аврора», в которой выражали свое недовольство; Каподистрия ее запретил, но вместо нее стал выходить журнал «Аполлон», который печатался в Нафплионе, куда из Эгины переехало правительство Греции.

Первый выпуск этого журнала был сильно отредактирован Виаро – все острые статьи были сильно смягчены, и редактор перенес его издание на непокорный остров, где он сразу

же превратился в орган оппозиции; в его программе появились требования «Конгресса и Конституции». После этого Идра заявила, что больше не подчиняется власти президента, и превратилась в практически независимое содружество, которым управлял комитет местных магнатов. Остров Сирос, самое процветающее коммерческое сообщество в Греции, недовольное законами Каподистрии о торговле, поддержал Идру. Этого он уже не смог вынести; на Сирос отправился флот, чтобы наказать жителей острова.

Однако еще до того, как флот покинул Порос, «Конституционный комитет» Идры велел адмиралу Мьяулису, одному из своих членов, вместе с Маврокордатосом захватить арсенал Пороса. Мьяулис с присущей ему энергией взялся за выполнение этого задания, но, не сумев убедить Канариса, который командовал корветом, присоединиться к сторонникам конституции, отправил своего старого товарища под арест. Узнав об этом, президент воспытал жадой мести и, забыв о своей дипломатии, обратился к русскому адмиралу Рикорду, который оказался в ту пору в Нафплионе, с просьбой наказать мятежников.

Рикорд отправился на Порос и велел Мьяулису сдать арсенал; греческий адмирал ответил, что не признает над собой никакой власти, кроме комитета на Идре. Русский адмирал вспыхнул от гнева; греческий патриот заявил, что выполнит свой долг. В это время на остров неожиданно прибыли французский и английский адмиралы, но, узнав, в чем дело, отправились на Нафплион за инструкциями. А тем временем люди Рикорда вступили в бой с судном, пришедшим с Идры; Каподистрия прислал Рикорду послание, в котором намекнул, что он должен нанести удар до возвращения адмиралов.

13 августа 1831 года Рикорд занял позицию для обстрела греческого флота, но Мьяулис прислал ему сообщение, что он лучше взорвет свои суда, чем сдастся. И идриот выполнил свое обещание: над прекрасной бухтой Пороса прогремел мощный взрыв; обломки греческих судов взлетели в воздух, а Мьяулис бежал со своей командой на Идру.

Войска, верные президенту, которыми командовал Никетас, принялись грабить город Порос, несмотря на то что он заявил о своей капитуляции, а адмирал русского флота смотрел на это с мостика своего корабля³⁰. Когда все закончилось, Каподистрия написал Рикорду и поблагодарил его за службу. События в Поросе погубили карьеру президента. Греческая оппозиция его ненавидела; Британия и Франция считали его прорусским. Глубоко оскорбленная влиятельная семья Мавромихали (мавромихалисы) через два месяца после взрыва в Поросе организовала покушение на Каподистирию. Клан Мавромихали был всемогущ на Майне; эта фамилия была известна с 1690 года, некоторые из ее представителей, боровшихся за свободу Греции, получили дворянство.

В войне за независимость, при взятии Каламаты, в битве при Валтеци, на Эвбее, в Акарнании и в Эпире Мавромихали героически сражались, не жалея своей жизни, за свободу Греции. Но, несмотря на свою патриотическую службу, они никогда не забывали о своей родине – Майне – и о том, что им было привычно: кровавые междоусобицы, этику примитивного общества и полное пренебрежение к центральной власти. Каподистрия стремился сделать Майну «цивилизованной» и поднять ее до уровня других частей Греции, которые были менее «гомеровскими», а единственным способом достичь этой цели было изгнание семьи оттуда, где ее слово было законом, а его приказы никто не хотел выполнять.

Мятеж на Майне, который возглавил Цаннис, брат Петро-бея, был подавлен с помощью второго сына Петро-бея, Георгия, по просьбе президента. Он пообещал, что все споры между правительством и этим кланом будут решены, если Цаннис явится в Нафплион. Приехав туда, Цаннис был сразу же арестован, и ему и его сыну были предъявлены обвинения. Его сын бежал

³⁰ Петр Иванович Рикорд (1776–1855) был достойнейшим человеком, патриотом, оставившим самую добрую память везде, где служил Отечеству. Последнее, что он успел сделать в возрасте 78 лет, – защитить Кронштадт и Санкт-Петербург от англо-французского флота в 1854 г., что также заставило Швецию сохранить нейтралитет.

на Майну, где Константин, брат Петро-бея, возглавил восстание «спартанцев», как любили себя называть майнаты. Этот бунт был направлен против человека, который бросил в тюрьму семью их вождя. Сам Петро-бей тоже бежал на Майну, но его арестовали и под стражей отвезли назад в Нафплион, где бросили в тюрьму по обвинению в измене и в том, что он пренебрегает своими обязанностями члена сената.

Константина и Георгия тоже привезли в Нафплион и поместили под надзор полиции. Все это, естественно, вызвало у людей сочувствие к преследуемой семье. Престарелая мать Петро-бея обратилась к президенту с просьбой освободить ее прославленного сына, которого девять месяцев продержали в тюрьме без суда и следствия. Адмирал Рикорд, доверенное лицо Каподистрии на Поросе, использовал все свое влияние, чтобы помочь Петро-бею. Но президент остался непреклонным; и, действуя в соответствии с майнатским кодексом чести, Константин и Георгий, которые находились не в тюрьме, а под надзором полиции, решили отомстить за своего родственника. 9 октября 1831 года Каподистрия направлялся, по своему обычаю, на раннюю утреннюю службу в церковь Святого Спиридона, небесного покровителя своего родного острова, стоящую у подножия крепости Иц-Кале (Акронафлия). Подходя к двери, он заметил, что по обеим сторонам от нее стоят два Мавромихали. На мгновение он задержался, словно заподозрив, что его хотят убить, о чем его уже не раз предупреждали, но, взяв себя в руки, стал приближаться к церкви. Но не успел он дойти до двери, как в затылок ему ударила пуля, пущенная Константином; тут же Георгий ударил Каподистрию кинжалом в грудь, и тот упал мертвый в объятия своего однорукого ординарца. Тот положил тело хозяина на землю, выстрелил в Константина и ранил его; из окна раздался второй выстрел, а третья пуля прикончила убийцу³¹. Толпа протащила его тело по улицам и бросила в море.

Георгий тем временем спрятался во французском посольстве, которое окружила разгневанная толпа, требовавшая его выдачи. В сопровождении французского офицера он был доставлен в островную крепость Бурзи, передан военно-полевому суду и 22 октября расстрелян на глазах у своего отца, заключенного в местную тюрьму. Из окна своего каземата тот смотрел, как погиб его сын – так же как и жил, истинным патриотом Майны. Портреты двух этих Мавромихали теперь висят в афинском дворце нынешнего главы этой семьи, сына экс-премьера Греции. На этих портретах посетители видят свирепое лицо Георгия и более мягкие черты Константина.

Только через три поколения греки смогли составить непредвзятое суждение о деятельности Каподистрии. Никто не станет отрицать его личных достоинств, его суровой жизни, его искренней любви к своей родной стране и верной службы ей в дни иноземного владычества и во времена своего президентства. Но он пытался управлять Грецией, руководствуясь правилами поведения и идеями самодержавия; он был дипломатом до мозга костей, а революция нуждается не в дипломатах, а в людях действия. Тем не менее благодарные соотечественники признали его общественные и личные заслуги. В Эгине, его первой столице, и на Корфу (Керкире), где он родился, ему поставили памятники; на одном из островов сохранился детский приют, который он основал, а также «дом правительства», в котором размещался первый монетный двор Греции. Его останки покоятся в женском монастыре Платитера; часть Афинского университета в 1911 году была названа его именем; и автор его биографии всячески превозносит его заслуги как бывшего директора первой публичной школы на Корфу.

Убийство Каподистрии вызвало противоречивые отклики. Поэт Александр Суцу сравнивал его убийц с Гармодием и Аристокеем; «Аполлон» писал о трагической гибели человека, которого многие называли тираном; друзья убитого президента не только оплакивали его, но и действовали. Сразу же после гибели Каподистрии собрался сенат, и не успело пройти двенадцати часов после фатальной ночи, как был назначен временный комитет из трех человек,

³¹ Он был забит на месте народом.

который должен был управлять страной до сбора Национальной ассамблеи. В это трио входили: Августинос Каподистрия, член семьи погибшего; Колокотронис, вождь жителей Мореи, и Колеттис, представитель континентальной Греции.

Председателем был избран Августинос, но он, к сожалению, продемонстрировал полное отсутствие того примиряющего духа, который смог бы объединить все партии вокруг могилы своего брата; а при поддержке Колокотрониса он мог забаллотировать любое предложение благоразумного Колеттиса. Так, когда остров Сирос предложил признать власть временного правительства, а Идра попросила, чтобы комиссия из трех человек пополнилась двумя членами оппозиции, была объявлена амнистия и в каком-нибудь нейтральном месте собралась бы Ассамблея, выбранная свободным волеизъявлением народа, эта оливковая ветвь «конституционалистов» была отвергнута, несмотря на то что в ее поддержку выступил Андрей Заимис.

Продолжая в Поросе недалновидную политику своего покойного брата, Августинос с помощью русской эскадры организовал блокаду Идры и продемонстрировал свою неприязнь к французам, уволив одного французского генерала, а другому тонко намекнув, что Греция не может позволить себе роскошь содержать иностранные войска. После этого намек все французские офицеры ушли с греческой службы.

В стране сложились три партии, каждая из которых опиралась на поддержку какой-нибудь из союзнических стран; каподистрийцы или напписты, как их называли по прозвищу Августиноса или одного из последователей его брата, обвиняли Великобританию и Францию в том, что это они организовали убийство президента; идриоты же утверждали, что Каподистрия нанял бандитов для расправы с «конституционными» лидерами и что его брат поклялся отправить героев Пороса в Сибирь.

Такова была атмосфера взаимного недоверия, в которой проводились выборы. Чтобы обеспечить большинство голосов для партии Каподистрии, депутатам Идры не позволили высадиться в Лерне, и они не смогли занять свои места в Аргосе, а депутаты от Майны были вообще арестованы в Астросе. Колеттис понимал, что пришло время разорвать все свои связи с коллегами по комитету. Его влияние среди депутатов от Центральной Греции (румелиотов) позволило ему создать мощную оппозицию, которая называла себя «конституционной». Он потребовал принять идриотов, пригрозив в случае отказа провести отдельное собрание.

Поэтому, принеся 17 декабря клятву, сторонники Каподистрии провели пятую Национальную ассамблею в помещении школы в Аргосе, а румелиоты собрались в другой части города. Августинос и Колокотронис официально отказались от своих постов, и 20 декабря Августинос был избран президентом Греции.

Колеттис, однако, отказался уйти в отставку; началась гражданская война. Августинос обратился за помощью к русским, и после двух дней уличных боев в Аргосе, свидетелем которых стал Стратфорд Каннинг, захвативший сюда по дороге в Стамбул, разгромленные силы румелиотов отошли за перешеек и в городе Петрахора около Коринфа создали правящий комитет, в состав которого вошли Колеттис, Заимис и Кунтуриотис. Так Греция снова оказалась разделенной на два лагеря.

Конференция, проведенная в Лутракийских банях, потерпела провал. Августиноса объявил Колеттиса и его сторонников вне закона; Колеттис провозгласил Августиноса узурпатором. Напрасно запоздало опубликованный протокол союзных держав признал последнего законным президентом; напрасно резиденты этих держав заставили его опубликовать указ об ограниченной амнистии; напрасно Каннинг призывал к единению. То, что он увидел, убедило его в том, что иностранный король для Греции предпочтительнее президента из местных.

Наконец, после двух лет колебаний, озабоченные судьбой Греции великие державы предложили трон принцу Оттону, второму сыну короля Баварии. В пользу этого выбора говорило многое: король Людвиг I Баварский был горячим сторонником филэллинов; его имя было известно грекам и очень популярно в стране; его родная страна не была столь значима на меж-

дународной арене, чтобы вызвать зависть великих держав. Немецкий профессор Тьерш, который более двух лет назад «открыл» принца Оттона, путешествовал по Греции как его неофициальный агент, изучая общественное мнение и готовя его к выбору баварского кандидата.

Будущему правителю Греции только недавно исполнилось семнадцать лет, но Тьерш уверял, что отсутствие у него опыта будет компенсировано тем, что он быстро усвоит греческие идеи, а трудности и непопулярность существующей в стране администрации падут на регентство, а не на юного суверена.

7 мая был подписан договор между Баварией и тремя державами, где были обговорены условия, которые король Людвиг I принимал от имени сына. Оттон должен был получить титул короля Греции, независимой наследственной монархии, существование которой гарантировалось тремя державами. Если он умрет бездетным, то трон должен будет перейти к его младшему брату; но ни в коем случае две короны – греческая и баварская – не должны принадлежать одному человеку. 1 июня 1835 года принцу должно было исполниться двадцать лет, после чего он становился совершеннолетним; до этого времени власть будет находиться в руках трех регентов, назначенных его отцом.

Северные границы нового королевства благодаря усилиям Пальмерстона и энергии Стратфорда Каннинга³² были отодвинуты к заливам Вола (Пагаситикос) и Арта (Амвракикос). В состав Греции вошла и территория Ламии; правда, турки потребовали, чтобы греки уплатили за нее 462 480 фунтов из предоставленного им денежного займа. Султан принял условия мира и признал Оттона I королем Греции. Теперь ее территория стала обширнее, чем во времена короля Леопольда, однако в состав Греции не вошли острова Самос и Крит. Самос, которым управлял Колеттис, провозгласил себя независимым, но в 1832 году превратился в автономное христианское княжество, обязанное платить дань и лишенное права иметь свою армию. Крит же в 1830 году вошел в состав Египетского пашалыка Мухаммеда Али в качестве награды за верную службу султану. Впрочем, Крит получил право на свой флаг и свободное плавание, а сбор налогов был поручен епископам и правителям острова.

Со стратегической точки зрения новая граница, за одним лишь исключением, была предложена гораздо лучше, чем прежняя; Греция получила знаменитый горный проход Макринорос и все восточное и южное побережье залива Амвракикос, за исключением форта Пунта и полоски земли позади него в Аксиуме. Таким образом, Турция оставила за собой два ключевых пункта залива: Превезу и Пунту. Первая входила в ее состав до 1912 года, а второй она лишилась в 1881 году.

Когда до сторонников конституции, собравшихся в Перахоре, дошли известия об избрании Оттона, они решили без промедления нанести удар по сторонникам Каподистрии, чтобы получить свою долю постов и почестей после приезда короля. По той же самой причине депутаты, которые поддерживали Августиноса, провозгласили его регентом до приезда нового короля, вероятно надеясь, что он останется таковым и после этого. Напрасно великолепный Тьерш по заданию резидентов великих держав пытался помешать продвижению конституционалистов в Морею. Бесхитростный профессор попал под обаяние дипломатии Колеттиса и убедил себя, что справедливость – на его стороне. Он дошел даже до того, что, по своей собственной инициативе, отправил французскому командующему, на которого так надеялся Августинос, письмо, где просил его позволить им пересечь перешеек.

Кавалерия сторонников Каподистрии, перегородившая опасный коринфский перешеек, свидетель многочисленных сражений, была рассеяна после первой же атаки, а французы, сочувствовавшие Колеттису и разбившие совсем недавно сторонников Каподистрии в Мессении, не проявили никакого желания стрелять в конституционалистов. 8 апреля Колеттис и его сторонники заняли Пронойю, пригород Нафплиона, и сражение казалось неизбежным. К сча-

³² Прежде всего благодаря победам русских армии и флота.

стью, в это же время из Лондона прибыла депеша, в которой было указано, что необходимо создать «временное правительство, которое должно будет удерживать страну от анархии».

Вооружившись этим документом, послы великих держав явились к Августиносу и сообщили ему, что он должен подать в отставку. Августинос не смог им отказать, но послы сами испортили все дело, велев ему предложить сенату создать это временное правительство. Сенат ответил тем, что назначил Административный комитет из пяти человек, в который, разумеется, вошел и Колеттис, но оказался здесь в меньшинстве.

Лидер румелиотов, вспыхнув от радости, естественно, отказался признать этот комитет, но его заставили войти в город и начать переговоры о компромиссе. Он вошел в Нафплион как триумфатор; радость народа была так велика, что Августинос, увидев, как принимали его врага, бежал вместе со своими родственниками, которые уцелели после гибели его брата. С ним и Мастокиди, историк с острова Корфу (Керкира), перебрался на русский корабль, который доставил их на Корфу. Здесь он и Виаро присоединились к противникам британского протектората. После долгих переговоров был достигнут компромисс, согласно которому число членов комитета увеличивалось до семи, причем только двое из них были горячими сторонниками Каподистрии, а все семь министров, подчиненные этому комитету, выступали за конституцию.

Впрочем, для принятия решений требовался больший кворум, что всегда становится фатальным для ведения дел, так что влияние большинства в комитете было парализовано. Таким образом, несмотря на отставку Августиноса, партия сторонников Каподистрии продолжала действовать и после смерти своего лидера.

Колеттис, одержав победу, не имел средств на оплату своих румелиотских наемников; и они решили заплатить себе сами, разграбив Морею. Эти странные «конституционалисты», руководимые Теодоросом Гривасом, при поддержке отряда албанских мусульман вскоре вынудили мореотов, естественно завидующих «континенталам», призвать на помощь своего знаменитого вождя Теодороса Колокотрониса, чтобы защитить полуостров.

Старый воин с радостью пришел к ним на помощь и выпустил прокламацию, в которой объявлял все действия комитета незаконными, а его сын Иоаннис Геннеос остановил наступление румелиотов.

Встревоженное правительство стало умолять французов занять Нафплион и Патрас (Патры). Французский отряд превратился в гарнизон мощной крепости Паламиди в Нафплионе; но еще до того, как французы смогли войти до Патраса, Кицос Цавеллас (Дзавеллас, Тзавеллас), сулиотский вождь, который когда-то возглавил героическую вылазку в Месолонгионе, захватил этот великолепный замок и отказался его сдавать. Он распространил свою власть над двумя фортами, которые защищали вход в Коринфский залив, и удерживал их до тех пор, пока не приехал король Оттон, позже назначивший его своим премьер-министром.

Цавеллас не был уроженцем Мореи, но он стал не единственным лидером за пределами полуострова, который восстал против правительства. Салона находилась в руках оппозиции; а жители островов Тинос, Эгина и Спеце не желали или не могли признать власть комитета. В стране воцарилась анархия, конституция была фикцией; люди, как с горечью выразился поэт Суцу, были «раздеты волками», то есть чиновниками.

Необходимо было провести сессию Национальной ассамблеи еще до приезда короля, чтобы даровать всеобщую амнистию и признать его назначение. Эта Ассамблея, на которой присутствовали 224 депутата, включая нескольких жителей Крита, рассматривалась как продолжение той, что работала в Аргосе.

Она приступила к работе 26 июля 1832 года в простой деревянной лачуге в Пронойе, в щели которой делегаты просовывали свои трубки и курили! Ассамблея приняла закон об амнистии, единогласно признала королем Греции Оттона, но отменила сенат, оскорбив тем самым послов европейских стран. Один из них, представитель Великобритании по имени Докинс, случайно ехал верхом по дороге, которая вела в Арейю, деревню в 3 км от Нафплиона, где сто-

яли румелиотские войска, которым давно уже ничего не платили, и им не на что было купить себе еды. Заметив посла, голодные и нищие солдаты стали кричать, чтобы он им помог. В ответ Докинс указал своим хлыстом на сарай, в котором депутаты обсуждали будущее Греции, добавив, что там собрались люди, умеющие хорошо платить. Солдаты поняли намек, ворвались в сарай, стащили престарелого Нотараса с председательского места и увезли его вместе с семью богатейшими депутатами в Арейю в качестве заложников, пообещав отпустить их только после того, как будет выплачена вся задолженность. У государства денег не было, и пленникам пришлось растрясти свою кошину.

Оставшиеся 62 депутата, написав протест, 1 сентября объявили о перерыве в заседании Ассамблеи до тех пор, пока не придет король. Однако то, что случилось в Проное, сыграло на руку противникам парламентских институтов, и следующее заседание греческого законодательного собрания состоялось лишь через одиннадцать лет! Потребовалась революция 1843 года, чтобы возродить утерянные в 1832 году свободы.

Так в сентябре 1832 года Греция осталась без законной власти, способной руководить страной. Ассамблея была распущена; сенат отменен; что касается комиссии семерых, то Дмитрий Ипсианти только что умер, прослужив идее эллинизма одиннадцать лет; двое его коллег отправились в Мюнхен приветствовать Оттона; а другой вернулся на свою родную Идру. Трое оставшихся: Колеттис, Заимис и Андрей Метаксас – не могли продолжить работу, ибо не имели необходимого кворума. Тем не менее все понимали, что правительство короля, который скоро придет, обязано будет продолжать свою работу, поэтому сенат отменил закон, принятый Ассамблеей, и признал членов триумvirата верховными правителями.

В стране царил такой беспорядок, что все суды были временно закрыты, и французские военные приняли на себя обязательство охранять порядок в городе Нафплион. Но худшее было еще впереди. Сенат, детище Каподистрии, сохранил симпатии к России, которыми прославился его создатель; и часть его членов хотела, чтобы, вместо франкофила Колеттиса, правительство до приезда короля возглавил человек, симпатизирующий России. Эти сенаторы, захватив с собой правительственный печатный станок, бежали в Астрос, а оттуда – на остров Спеце, где предложили президентское кресло адмиралу Рикорду, которого общественное мнение обвиняло в том, что он сжег в Поросе греческий флот.

Адмирал частенько вмешивался во внутреннюю политику Греции, но от поста президента вынужден был отказаться, хотя и с большой неохотой; тогда сенаторы создали новый правительственный совет, куда вошло семь человек, все – военные командиры, вроде Колокотрониса, Криезотиса и Цавелласа.

В Нафплионе и Каламате власть триумvirов и «конституция» держались исключительно на французских штыках. Во всей Греции начался бы настоящий хаос, если бы не умелые действия муниципалитетов, которые, увидев, что центральное правительство не в состоянии поддерживать порядок, приняли меры для его сохранения. Эти муниципалитеты действовали во время кризиса гораздо решительнее и оказались для страны полезнее, чем конституции, существовавшие пока только на бумаге; коренные традиции народа всегда более живучи, чем идеи, импортированные из других стран. И вправду, само слово «конституция» вызывало у крестьян Мореи ярость. Оно ассоциировалось у них с французским гарнизоном Каламаты и майнатами, которые грабили плодородную равнину Мессении; свинопасы говорили путешественникам, что конституция сожрала их свиней; матери пугали расшалившихся детей тем, что придет конституция и заберет их!

До приезда короля в этой несчастной стране случилась еще одна трагедия. По мере того как этот день приближался, сенат и военные вожди все чаще думали о том, как произвести впечатление на суверена. Двое из них, Криезотис и Аргив Цокрес, решили оккупировать Аргос, чтобы продемонстрировать свою власть соседнему Нафплиону. Триумvirы попросили французов создать в Аргосе военный гарнизон, и те перевели часть своих войск из Нафплиона и

Мессении. Греческая оппозиция уже научилась ненавидеть французов и задумала устроить «Аргивную ночь», которая помогла бы избавить полуостров от иноземных войск, которые поддерживали правительство.

16 января 1833 года греки неожиданно напали на французов, но те очистили улицы от нападавших, а потом своими штыками выгнали их из домов, куда они попрятались. Даже древняя, почитаемая в народе крепость Ларисы не смогла спасти беглецов от легкой кавалерии корсиканцев. Криезотис был арестован, множество его сторонников погибло в бою, а два пленника были расстреляны в качестве назидания другим.

Триумвиры поблагодарили французов за победу; а военные вожди тяжело переживали свое поражение.

К счастью, время помогло грекам позабыть о той ненависти, которую часть греческого народа испытывала к стране, изгнавшей с Мореи египетскую армию³³. Монумент, воздвигнутый одним греком-патриотом на набережной в Нафплионе, напоминает нам о французах, которые погибли во время войны за независимость, а лев, высеченный из камня неподалеку от Пронойи, свидетельствует о подвигах баварцев, которые их сменили.

Через шестнадцать дней после трагедии в Аргосе в Нафплион прибыл британский фрегат «Мадагаскар», на борту которого находился король Оттон. Возбуждение, вызванное приездом давно ожидаемого короля, изгладило из памяти людей последнюю трагедию многолетнего разгула анархии, начавшегося после убийства Каподистрии.

Пока основная часть населения Греции жестоко страдала от войны и ее последствий, экономика Ионических островов, находившихся под британским протекторатом, стремительно развивалась. Три острова, на которых выращивали виноград, из которого делали коринку (винную ягоду³⁴), Кефалония (Кефалиния), Итака и Занте (Закинф), сильнее всего выиграли от того, что на Морею поля этой культуры подверглись уничтожению. И пока продолжалась война, они держали монополию на торговлю коринкой; в 1829 году жители Кефалонии, составляя адрес Георгу IV, утверждали, что за девять лет объем собираемой на их острове коринки удвоился. «Наш горный и скалистый остров, – писали они, – превратился в один большой виноградник». При Фридрихе Адаме налоги, поступающие с Семи Островов, достигли 140 тысяч фунтов стерлингов – и все это благодаря винной ягоде. Благодаря этому новый лорд-комиссионер смог выделять крупные суммы на общественные работы. Он построил акведук для доставки воды на острове Корфу (Керкира); открыл больницу и соорудил маяки; он продолжил строительство дорог, начатое его предшественниками. Губернаторы других островов следовали его примеру: лорд Чарлз Фицрой на Занте (Закинф), а полковник Нейпир – на Кефалонии (Кефалинии). Последний, прослуживший на этом острове много лет, посвятил все свои силы развитию этого острова, ибо, по его выражению, это было «самое слабое место» британского протектората.

Кефалония всегда была самым беспокойным островом из всех других; местные дворяне и крестьяне люто ненавидели друг друга; и если крупные владельцы плантаций винной ягоды были «приклеены к британскому рынку», то британские чиновники тратили здесь меньше денег, чем на Корфу. Кефалонцы и жители Занте (Закинфа) жаловались, что Корфу (Керкира) обогащается за их счет; тогда Нейпир предложил перенести столицу в Аргостолион на остров Кефалиния. О его популярности говорит тот факт, что ему много раз предлагали возглавить греческую армию. Но его методы, хотя и направленные на улучшение положения, бывали порой деспотическими – так, например, он избил одного дворянина с Ионических островов, увидев, как тот лупит свою жену; и угощал ударами своего хлыста крестьян, строивших дороги.

³³ Преувеличение – французы высадились, когда египетские войска уходили сами, в основном на помощь турецкой армии, сражавшейся против русских войск.

³⁴ Изюм, получаемый из особого сорта мелкого винограда без косточек.

Как-то раз он решил спасти от гибели Черный Лес, в котором паслись козы, чем настроил против себя их владельцев. Нейпир поселил у себя на острове группу переселенцев с Мальты, которые начали обрабатывать земли на юго-востоке острова, но это породило национальную и религиозную вражду. Жалобы на Нейпира дошли до верховного комиссионера; занимать второстепенный пост Нейпир не захотел, и несмотря на то, что он очень много сделал для Кефалонии, его оттуда убрали. Он отомстил тем, что опубликовал книгу, в которой жестоко раскритиковал Адама.

Верховный комиссионер, несмотря на все свои достоинства, был очень экстравагантным человеком. Мейтленд ударился в другую крайность – однажды он вошел в зал заседаний сената в одной рубашке, красном ночном колпаке и тапках! А его преемник пустил все собранные на небольшом острове налоги на пошив сюртука, украшенного золотым кружевом; ему не понравился дворец, сооруженный Мейтлендом в качестве своей официальной резиденции и места для заседаний сената, и он воздвиг за пределами города прекрасную виллу Мон-Репос (Мон-репа) на острове Корфу (Керкира), из окна которой король эллинов любовался позже морем и горами Эпира, которые Европа собиралась отдать ему в 1880 году.

Мейтленд был очень популярен среди аристократов острова Корфу, с которыми он подружился еще до своего назначения; его до сих пор вспоминают там с благодарностью, ибо он построил акведук. Так что он заслужил тот памятник, который до сих пор стоит перед его дворцом. Мейтленд запретил использовать принудительный труд на строительстве дорог и ввел специальный налог на ввозимый на остров скот, средства от которого шли на оплату дорожных рабочих. В 1824 году, когда он был назначен верховным комиссионером, были урегулированы отношения между греческой церковью на островах и экуменическим патриархом; в том же самом году лорд Гилфорд основал Ионическую академию, где преподавание велось на греческом языке.

Горячий сторонник филэллинов, он так любил Грецию, что, председательствуя на заседаниях академии, облачался в древнегреческий хитон, принял православие и хотел, как предлагал Уго Фосколо, разместить свой университет на Итаке. Однако греки предпочли остров Корфу, где население было смешанным и имелось больше развлечений. После объединения Ионическая академия прекратила свое существование, но ее библиотека, статуя и название улицы до сих пор напоминают корфиотам об их благодетеле. Помимо академии, он создал Ланкастерские школы; во времена Адама ионическое казначейство тратило на обучение 7000 фунтов – во много раз больше, чем венецианцы.

Но Фосколо предсказал, что увеличение числа образованных людей, усвоивших принципы свободы благодаря изучению греческих классиков, подорвет протекторат Британии, а отсутствие работы на островах неизбежно заставит молодых выпускников заняться политической борьбой. На острове Айия-Мавра (Лефкас) в 1819 году и на острове Занте (Закинф) в 1820 и 1821 годах уже были выступления против англичан. Создание независимого Греческого королевства, естественно, усилило националистическое движение и помогло сплотить сторонников объединения. Уже во времена Адама на островах образовалось четыре партии: британская, в которую входили правительственные чиновники и большинство землевладельцев; русская – которая получила поддержку у тех дворян, чьи феодальные привилегии были ограничены; французская и греческая, сторонники которой надеялись в конце концов объединить всю страну. До этого были согласны жить под британским протекторатом, ожидая, пока не окрепнет молодое королевство. Но у этой партии еще не было печатного органа для выражения своих идей. Таково было положение на Ионических островах, когда в 1832 году сэр Фредерик Адам ушел в отставку.

Глава 7. Балканские и сирийские проблемы Турции (1822–1845)

Другие христианские народы Балканского полуострова, за исключением православных албанцев, почти не проявляли интереса к борьбе греков за свою независимость. Напрасно в конце XVIII века призывал Ригас «тигров Черногории», «христианских братьев Савы и Дуная», «болгар, сербов и румын» подняться, как один человек, на борьбу за свободу Греции. Если бы они откликнулись на этот призыв, то мощь объединившихся христиан вполне могла бы сокрушить турок. Однако о союзе балканских народов против общего врага не могло быть и речи.

Князь Сербии Милош отказался поддерживать движение этеристов, а румыны вообще выступали против этого движения. Впрочем, среди сторонников Ипсиланти в Валахии было много сербов и болгар, а из-за Дуная готов был прийти ему на помощь отряд болгар. Но общего восстания христиан не случилось. В 1821 году, как и в 1897-м, получить выгоду от греко-турецкой войны хотели совсем другие народы. Объединение всех антитурецких сил произошло лишь в 1912 году.

Румыны очень быстро получили большие преимущества от своих контактов с турками, заменив в 1822 году фанариотских князей на местных. Оба этих господаря, будучи представителями национальной партии, с радостью выполнили распоряжения Порты, полученные ими в момент своего назначения, изгнать из своих княжеств греческих монахов. Это позволило им пополнить свою казну за счет богатств греческих монастырей и закрыть греческие школы. Среди дворян в моду вошла французская культура; а патриоты стали мечтать о возрождении родного языка. Несколько лет назад, когда Карагеа и Каллимаки еще писали свои кодексы на греческом языке, ибо это был язык, «используемый в этой стране», было создано общество, в задачу которого входило создание национальных школ и театра, а также выпуск газеты на румынском языке.

Первоначально все церковные книги в Румынии писались на старославянском языке; позже единственным языком церковной и светской культуры стал греческий. Из-за отсутствия славянских священников румыны в XVII веке стали проводить церковные службы на своем родном языке, а в самых бедных приходах румынский оставался языком церкви даже в фанариотский период.

На этой основе в последнее десятилетие греческого правления два горячих патриота, Георгий (Георге) Лазар и Георгий Асаки, начали создавать первые учебники румынского языка.

События 1821 года прервали эту работу; позже ее возобновили Асаки и Ион Элиаде Радулеску, которых можно назвать борцами за национальную идею в литературе своих княжеств. Асаки черпал вдохновение из посещения могил своих «предков»³⁵ на берегах Тибра; Радулеску был учеником Лазара и потому обязан своим образованием румынам Трансильвании, которые были более просвещенными, чем их братья в Дунайских княжествах.

Асаки написал первую пьесу на румынском языке; а Радулеску стал в 1829 году редактором первой румынской газеты, которая печаталась на «ублюдочной латыни» Дуная (так в оригинале – «bastard Latin»). За ней вскоре последовала еще одна газета, которую издавал Асаки.

К сожалению, увлечение аристократии французским языком породило интеллектуальный и лингвистический разрыв между аристократией и народом, который не был еще пре-

³⁵ В эпоху Древнего Рима территория Румынии входила в состав Римской империи; на формирование румынского языка оказала большое влияние латынь.

одолен даже в начале XX века. Французский язык и французские обычаи считались признаком благородного происхождения, точно так же, как в Средневековье представители правящих классов отличались от простонародья знанием старославянского и греческого языков. Для обучения детей высшего общества создавались французские школы; частые поездки дворян в Париж разоряли их поместья и усиливали влияние евреев, особенно в Молдавии.

Румыны считают датой рождения национальной эры в истории своей страны 1822 год. С этого года правителями княжества стали румынские князья, чего они так долго добивались, хотя это имело определенные недостатки. Румынские бояре, которые теоретически были за то, чтобы выбирать своих господарей из числа румынских аристократов, вовсе не хотели, чтобы кто-то поднялся выше их самих. Поэтому во времена Ипсиланти многие из них бежали в Россию или Австрию; эти люди жаловались царю на слишком либеральную политику Стурдзы, который приводил к власти в Молдавии новых худородных людей.

После восстановления дипломатических отношений между Россией и Турцией они вернулись домой и заставили своего государя даровать им так называемую Золотую буллу, которая избавляла их ото всех налогов. Но, освободившись от греческих правителей, румыны могли теперь попасть под власть нависавшей над ними Российской империи, которая уже поглотила одно румынское княжество и стремилась установить свой протекторат над двумя другими³⁶.

Новый царь Николай I всего лишь через несколько месяцев после своего восхождения на престол сосредоточил на берегу реки Прут войска и высокомерно потребовал от турок, чтобы они освободили княжества, которые были ими оккупированы. На султана давила Великобритания, убеждавшая его не провоцировать Россию на новую войну; из-за уничтожения янычар турки не имели сил победить русских³⁷; и 7 октября 1826 года Николай заставил Махмуда II подписать Аккерманское соглашение, по которому российские корабли получали право свободно ходить в Черном море, а господари должны были избираться из старейших и самых талантливых аристократов Румынии с согласия Порты на срок в семь лет. Для их смещения или отставки требовалось согласие России; консулы России должны были передавать господарям советы русского императора; они должны были составить проект административной реформы для своих княжеств, которые в течение двух лет будут избавлены от уплаты дани Турции, а после этого должны будут выплачивать ее в таком же размере, в каком она была в 1802 году.

Было справедливо замечено, что Россия, благодаря этому договору, получила больше, чем в том случае, если бы ей удалось победить Турцию в ходе войны. Однако этот договор стал лишь прелюдией к новой войне, которая разразилась в 1828 году.

Победа в Наваринском сражении побудила царя напасть на Турцию, флот которой был уничтожен, еще до полной реорганизации ее армии. Великобритания отказалась участвовать в этой войне; повод для нее дал султан, официально отказавшийся выполнять условия Аккерманского договора. Царь закончил войну с Персией (Ираном), заключив мир, по которому Россия, в частности, получала город Эчмиадзин, где жил армянский католикос³⁸, и 26 апреля 1826 года объявил войну Турции.

Как обычно, русская армия без промедления заняла Дунайские княжества; на этот раз их оккупация продолжалась шесть лет. Оба князя были заменены временным правительством, которое возглавил граф Пален; народ в ходе войны должен был заниматься перевозкой грузов для армии, и голодные крестьяне выпрягали своих отощавших от голода быков, чтобы самим впрячься в повозки.

³⁶ Бессарабия была не княжеством, а частью княжества Молдова, находившегося с начала XVII в. в зависимости от Турции, которой тогда же была уступлена Бессарабия (вошедшая в состав России в 1812 г.). Бессарабия в VIII–XI вв. была славянской (племенной союз тиверцев), позже сильно обезлюдела из-за нашествий кочевников и только в XIV в. вошла в состав Молдовы и романизировалась.

³⁷ Они и с янычарами предыдущие войны (1806–1812, 1787–1791, 1768–1774, 1735–1739) проиграли.

³⁸ По Туркманчайскому миру к России отошли Эриванское и Нахичеванское ханства.

Вторая Русско-турецкая война XIX века вовсе не напоминала прогулку. Дунайские княжества были оккупированы без особых проблем; но Браилов (Брэила) и другие мощные турецкие крепости к югу от Дуная сопротивлялись очень долго. Варну удалось взять лишь благодаря измене, в результате дворцовых интриг против ее коменданта; Шумла поначалу отбила все штурмы; Силистрия выдержала четырехмесячную осаду.

В Азии русская армия добилась больших успехов. На Черном море пали крепости Анапа и Потти; Паскевич, только что закончивший войну с Персией, овладел Карсом, Ахалцихом и Ардаганом; Ахалкалаки и Баязет также сдались под натиском русских войск. Тем не менее после целого года боев вторая кампания стала неизбежна. Царь, уязвленный упорным сопротивлением турок, поручил командование в Европе генералу Дибичу. Победа русских войск при Кулевче и капитуляция в июне 1829 года Силистрии изменили ход войны. Армия Дибича совершила подвиг, который турки считали невозможным, – она пересекла Балканы, и этот поход с захватом Бургаса и с разгромом турок при Сливене был осуществлен практически без сопротивления со стороны врага и с незначительными потерями³⁹.

Захват Бургаса и других портов на Черном море позволил русскому флоту снабжать войска всем необходимым. После боев при Айтосе и при Сливене Дибич 20 августа вошел в Адрианополь, «подобно тому как новый командир гарнизона входит, по словам Мольтке, в дружественный город» (деморализованный гарнизон сдался без боя).

Эта старая столица Турецкой империи (с 1365 по 1453 г.), без всякого сопротивления, сдалась на милость армии, в которой насчитывалось от силы 20 тысяч человек. Талант русского генерала и деморализованность турок позволили свершиться этому чуду. Тем временем Паскевич в Азии овладел Эрзерумом и шел на Трапезунд.

Мустафа-паша из албанского Скутари подошел к Софии с армией из 40 тысяч арнаутов, желая спасти империю, которую до этого он позволил русским ослабить; Шумла, «неприступная крепость» Видин, а также Рушук все еще удерживались турками.

Но русским пришлось столкнуться с более грозным, чем турки и албанцы, врагом – чумой и другими болезнями, которые всегда сопровождают поход вражеской армии по территории, которая славится своими быстрыми и резкими перепадами температур. В этих обстоятельствах царь поспешил заключить мир, которого турецкие государственные мужи, не представлявшие себе истинного размера русской армии и условий, в которых ей приходилось воевать, – они полагали, что у Дибича 60 тысяч человек (на самом деле оставалось 7 тысяч), к тому же не знавшие о подходе Мустафа-паши, желали не меньше самого царя. Больше всего они боялись, что в Стамбуле вспыхнет бунт, от которого полетят их головы, а барон фон Мюффлинг, прусский посланник в Турции, использовал свое огромное влияние на турок во благо России.

Дибич, со своей стороны, великолепно исполнил роль генерала-победителя. Когда турецкие послы, явившиеся в Адрианополь для обсуждения условий мира, поняли, в каком положении находится русская армия, и пригрозили прекратить переговоры, авангард Дибича дошел до города Цорлу, от которого было рукой подать до Стамбула, другие русские авангарды заняли Энез на берегу Эгейского моря, русские десанты взяли Созопол, Иниду и Мидию на Черном море. Одновременно русский флот крейсировал у входа в Босфор и угрожал Дарданеллам, а за ним вполне могли последовать британские корабли. По-видимому, именно эти события и предвосхитили Крымскую войну 1853–1856 годов.

К прусскому послу присоединился британский; он стал убеждать султана заключить мир; наконец, Махмуд II со слезами на глазах согласился подписать столь невыгодный для него Адрианопольский договор.

³⁹ На самом деле были разгромлены сначала 20 тысяч турок.

Договор, подписанный в старой столице Турции 14 сентября 1829 года, не столько уменьшил территории Турецкой империи, сколько нанес удар по престижу султана. Дельта Дуная была для турок потеряна навсегда, а Черное море, Босфор и Дарданеллы были объявлены свободными и открытыми для всех русских судов, независимо от их размера, и для судов других стран, находящихся в мире с Портой. В Азии царь вернул туркам Баязет и Эрзерум, но оставил за собой Анапу, Потю, Ахалцих и Ахалкалаки, так что воинственное население Северного Кавказа осталось изолированным. Турция должна была выплатить контрибуцию, размер которой позже был сокращен; княжества Валахия и Молдавия, а также Сербия получали автономию, гарантом чего становилась Россия. Россия должна была владеть Валахией и Молдовой до полной выплаты контрибуции. Валахия и Молдова сохранили свои привилегии под властью Порты, однако, согласно отдельному указу, господаря теперь следовало выбирать пожизненно, а сместить его можно было только по одной причине – если он совершит преступление.

Господари должны были управлять внутренними делами княжеств, советуясь со своими экстраординарными ассамблеями или диванами. На левом берегу Дуная туркам запрещалось строить крепости или создавать поселения, а вся существующая на тот момент собственность мусульман должна была быть продана в течение 18 месяцев. Княжества были освобождены от поставок зерна, баранины и дров для турецкого правительства, однако они должны были выплатить за это большую компенсацию. После смерти или смены господаря они обязаны были также выплачивать сумму, равную годовому размеру дани; но после ухода русской оккупационной армии их освободили от этого на два года. Таким образом, единственной связью султана с румынами осталось назначение новых правящих князей и уплата дани. Но если власть султана уменьшилась, то власть русских усилилась, и присутствие русских войск предоставило царю возможность усилить свое влияние в этом регионе.

Граф Павел Киселев, которому царь доверил управление Дунайскими княжествами после Адрианопольского мира, значительно улучшил положение его жителей. Он успешно боролся с чумой, холерой и голодом, которые на них обрушились; а укрепив их материальное благополучие, принялся за разработку положения, которое должно было упорядочить жизнь людей; создание этого документа было оговорено в Аккерманской конвенции и началось еще во время войны. «Регламент жизни», как называлось это положение, был разработан совместной комиссией из четырех дворян Валахии и четырех молдавских дворян под эгидой России. Он начал действовать в 1831 году в Валахии и в 1832 году в Молдавии. Как и ожидалось, этот регламент положил конец анархии, царившей в управлении, но сохранил строго олигархическую основу румынского общества. Самым ярким примером этого стал тот факт, что дворяне были избавлены от всех поборов и налогов. Чтобы добиться поддержки дворянства, Россия пожертвовала интересами тех, кто обрабатывал землю. Положение крестьян только ухудшилось – количество дней на барщине увеличилось, а земельные наделы, которые помещики обязаны были выделить крестьянам, уменьшились. Таким образом, крестьянам досталось все бремя общественной жизни, а аристократам – все ее блага.

Однако, стремясь не допустить усиления бояр или будущих государей княжеств, русские ввели ту же систему, что и позже в Болгарии в 1879 году. Это была конституционная система сдерживания и балансирования, очень тщательно продуманная, которая позволяла дворянам контролировать власть князя, а князю – власть дворян. В соответствии с этим жители княжеств должны были избрать Ассамблею бояр, которая имела право подавать жалобы сюзерену и, в свою очередь, защищать себя от его произвола. С другой стороны, князь мог распустить непорочную Ассамблею и обратиться к императорскому наместнику в своем княжестве с просьбой о созыве новой. В обоих случаях арбитром должен был быть русский царь.

В 1834 году русские войска покинули княжества. Царь и султан заключили особое соглашение о том, что назначать князей в Валахию и Молдавию могут только правители России и Турции. Князем Валахии стал Александр II Гика, старший брат которого правил в 1822–1828

годах, а Молдавии – Михаил Стурдза. Тем не менее Россия продолжала оказывать влияние на внутренние дела румын с помощью своих консулов. Она добилась того, чтобы в регламент жизни обоих княжеств не вносились никакие изменения, не согласованные с Россией и Турцией; кроме того, она пресекала все попытки пропаганды родного языка. Интриги русского двора привели в 1842 году к свержению Гики.

Пока Греция была театром одной войны, а Дунайские княжества – базой для другой, Сербия жила в мире с Турцией, и русских войск в ней не было. Турция в 1820 году пообещала Милошу, в котором народ видел своего верховного наследственного правителя, признать его власть. Порта стремилась зафиксировать размер дани, которую должна была платить ей Сербия, если сербы на это согласятся. Однако сербы отказались, и их делегация, отправленная в Стамбул для обсуждения этого вопроса, была арестована и пять лет прожила под присмотром. Дальнейшие переговоры были отложены до ратификации Аккерманской конвенции и особого закона, касающегося Сербии, прилагавшегося к ней. Эти документы были призваны дополнить предыдущие турецкие соглашения.

Порта без промедления решила выполнить требования восьмой статьи Бухарестского договора, чтобы сообщить об этом русскому правительству и в течение 18 месяцев уладить с депутатами сербского народа, явившимися в Стамбул, все изложенные в нем пункты. Они включали в себя: внутреннюю автономию, право выбирать руководителей страны и присоединение к Сербии шести сербских районов, которые находились под юрисдикцией Карагеоргия, но не принимали участия в восстании Милоша.

Порта, впрочем, не имела никакого желания выполнять условия Аккерманского соглашения, и до окончания Русско-турецкой войны все оставалось, как было. Это была борьба, в ходе которой, благодаря горячему желанию Дибича, очень боявшегося вызвать зависть Австрии или упреки турок, сербы ограничились лишь попыткой помешать соединению боснийских сил с турецкой армией.

И они были вознаграждены за это Адрианопольским договором; Порта обещала «без промедления» выполнить условия, изложенные в приложении к Аккерманской конвенции, а именно просьбу вернуть шесть отобранных ранее сербских областей. Указ об этом должен был быть передан России в течение одного месяца. Тем не менее обычные в турецкой дипломатии проволочки привели к тому, что официальное предоставление Сербии автономии произошло только в 1830 году.

В Сербии не должно было остаться ни одного турка, за исключением гарнизонов крепостей; земли турецких помещиков должны были быть проданы, а с ними и доходы заимов и тимариотов, которые они платили султану. Султан обещал выплатить своим вассалам компенсацию за утерянные в Сербии привилегии. Был определен размер сербской дани; ее должны были собирать сами сербы; взамен греческих они получили право выбирать себе епископов из числа своих соотечественников. Впрочем, этот выбор должен был быть одобрен константинопольским патриархом. Управление страной было доверено «князю», как теперь официально называли Милоша Обреновича, который должен был править совместно с Советом старейшин.

Но этот хитрый человек теперь, когда работа, которую он начал, была завершена, заявил, что хочет подать в отставку, чтобы на его место назначили другого. Результатом этого ложного отречения стало его переизбрание Советом старейшин. А 3 августа 1830 года султан провозгласил его наследственным государем Сербии. Тем не менее Порта все еще сомневалась, стоит ли отдавать Сербии шесть захваченных ею районов; но Милош дождался удобного момента, когда Турцию отвлекли проблемы в Египте, и, спровоцировав в этих районах мятеж, вторгся в них, чтобы «восстановить порядок». Тогда наконец в 1833 году турки выполнили свои обещания, и Сербское княжество, на треть увеличившее свою площадь, протянулось от Алексинаца на юге до Дрины на западе и Тимока на востоке. Эти границы оно сохраняло до Берлинского договора.

Тем не менее на территории Сербии оставались еще турецкие гарнизоны крепостей. Благодаря своим ловким уверткам правительство Османской империи, поддержанное русским царем, который играл роль арбитра в этом деле, полуразрушенные укрепления Белграда назвало «крепостью», и турецким жителям было разрешено жить в Белграде. Соответственно, в 1833 году этот город не был включен в новый приказ, согласно которому все мусульмане, жившие за пределами крепостей, должны были в течение пяти лет покинуть Сербию. В 1838 году здесь еще проживало 2700 турок. Это стало причиной постоянных трений, которые через двадцать четыре года вылились в кровавый конфликт.

Таким образом, если не учитывать условия Белграда, правительство Сербского княжества могло проводить свободную от влияния Турции политику, а в религии – от влияния Греции. Вместо чужеземных у сербов появились национальное правительство и церковь, хотя полной независимости им добиться так и не удалось. Однако крестьяне ничуть не выиграли от смены хозяев. Они жаловались, что вынуждены снабжать продуктами местных начальников в их разъездах, работать на помещиков и терпеть всяческие притеснения. Их недовольство вылилось в восстание, которое было подавлено сильным командиром Вучичем в тот самый момент, когда они шли маршем на Крагуевац, где Милош поместил свое правительство.

Подтверждение его власти султаном сделало Милоша Обреновича еще более деспотичным, чем прежде. Он заявлял, что адаптировал «кодекс Наполеона» для местных условий, но поступал так, словно единственным законом в стране была его воля. Он покупал поля и дома по цене, которую назначал сам; он позволил сжечь один пригород Белграда для того, чтобы на месте старых домов построить новые; он заставлял хозяев белградских магазинов закрывать их и идти разгружать его личные подводы с сеном. Тем не менее, огораживая общинные земли, он пытался добиться монополии на торговлю свиньями, которая приносила Сербии основной доход, а отказываясь раздавать надель, он помогал тем, кто обрабатывал землю и спасал народ от феодального угнетения. Этим он нажил себе много врагов среди своих друзей. Последние были недовольны правлением Милоша и в 1835 году составили заговор; они захватили Крагуевац и вынудили Милоша созвать Ассамблею и пообещать конституцию.

Это была первая попытка создать конституционное правительство в Сербии; по месту сбора принятый ею документ получил название «Сретенская конституция». Согласно ей, создавалось министерство из шести человек, входивших в состав Государственного совета – комитета ведущих представителей общества, который появился еще в первые дни восстания Карагеоргия. Князь обязан был подписать любой закон, трижды одобренный Советом, который должен был делить с ним законодательную и исполнительную власть, что было отмечено в императорском указе от 1830 года. Все нынешние и прежние министры становились, по своей должности, членами этого Совета.

В качестве арбитра между князем и Советом была создана ежегодно собираемая Ассамблея или Скупщина в составе ста депутатов, которые избирались народом. Это условие заменило прежний неупорядоченный метод созыва подобных ассамблей. Впрочем, какое-то время этот орган занимался исключительно финансовыми вопросами. «Сретенская конституция» была, однако, запрещена почти сразу же после того, как была принята. Австрия и Россия, напуганные введением подобных принципов управления в государстве, расположенном поблизости от первой и столь дорогой для второй, выразили протест; султану удалось убедить Милоша, который охотно прислушался к его словам, отложить введение этой конституции. Официальная пресса объявила Милоша единственным правителем Сербии, и он стал еще более авторитарным и менее популярным, чем прежде. Он ввел монополию на соль, которую ввозили из Валахии, и тратил полученную прибыль на приобретение земель в этом княжестве. Даже его собственный брат Ефрем присоединился к оппозиции и вынужден был вместе с Вучичем покинуть страну; Россия с неодобрением взирала на превосходство власти князя над властью олигархии и была недовольна, что ее надежды уравновесить одну другой провалились.

В это время Милош получил поддержку оттуда, откуда совсем не ожидал. Лорд Пальмерстон пришел к выводу, что усиление малых христианских государств на Ближнем Востоке отвечает интересам и Турции, и Великобритании. Он, как и Уильям Уайт в свое время, осознал, что народы Балканского полуострова могут стать барьером на пути русской экспансии. Поэтому в 1837 году в Сербию приехал полковник Ходжес и стал первым британским консулом, аккредитованным здесь. Он стал поддерживать князя в его автократических и антирусских настроениях. Так маленький сербский двор превратился в сцену дипломатического сражения между западными державами и русским царем.

Султана Турции, в ту пору находившегося под влиянием России, с которой он в 1833 году заключил унижительный Ункяр-Искелесийский договор, британской дипломатии так и не удалось убедить в том, чтобы он поддержал власть Милоша в противовес желаниям ее собственной всемогущей защитницы.

В декабре 1833 года был издан декрет, призванный ограничить власть Милоша; в Сербии создавался сенат из семнадцати пожизненных членов – по одному от каждой провинции страны. Из этих сенаторов должны были избираться четыре человека, которые становились министрами. Все споры между князем и его Советом должны были разрешаться его сюзереном.

Однако Милош был не тем человеком, который мог бы согласиться с подобным ущемлением его прав. С помощью своего брата Йована он поднял крестьян, распространив среди них слух, что теперь у них вместо одного господина станет целых семнадцать.

Сенат, однако, велел врагу Милоша Вучичу подавить это восстание, и тот, вернувшись с триумфом в Белград, вошел в дом князя и простыми словами объяснил ему, что народ в нем больше не нуждается. 13 июня 1839 года второй основатель современной Сербии отрекся от власти в пользу своего старшего сына-инвалида (тяжело больного туберкулезом) Милана II Обреновича и уехал на другой берег Савы. 9 июля Милан II умер, не осознав как следует, что он стал князем Сербии. А тем временем страной продолжали управлять Вучич, Ефрем Обренович и туркофил Петрониевич.

Сенат решил испросить у султана разрешения назначить князем младшего сына Милоша – Михаила Обреновича. Султан согласился, но в документе на право наследования не было никакого упоминания о наследственном характере княжеского титула. Делами в стране управлял регентский совет, пока Михаил 5 марта 1840 года не достиг своего совершеннолетия; но даже после этого Порты навязала ему в качестве советников двух бывших регентов, Вучича и Петрониевича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.